П. П. ПЕТРОВ

Генерального Штаба Генерал-Майор

РОКОВЫЕ ГОДЫ

«1914-1920»

Калифорния

1965

РОКОВЫЕ ГОДЫ

1914 — 1920

П. П. ПЕТРОВ

Генерального Штаба Ген.-Майор

РОКОВЫЕ ГОДЫ

1914—1920

Калифорния
1965

Printed by
Possev-Verlag, V. Gorachek K.G.
Ffm.-Sossenheim, Flurscheideweg 15
Germany

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет».

Летопись.

Годы Первой мировой войны и годы последовавшей за ней гражданской в России оказались для россиян, как всем известно, РОКОВЫМИ: рушилась Императорская Монархическая Государственность и на развалинах ея появилась большевистская деспотия, вынудившая большое число россиян к оставлению Родины, в их числе и меня с семьей — участника обеих войн.

Всю Первую мировую войну я провел на небольших, но ответственных должностях офицера Генерального штаба, так же как гражданскую на Восточном фронте с 1918 года по ноябрь 1922 года, уже на более крупных должностях.

Я поступил на военную службу вольноопределяющимся в пехотный полк в 1903 году, прожил в казарме среди солдат девять месяцев. Видел обучение новобранцев перед началом русско-японской войны, видел подготовку к службе офицера, будучи юнкером пехотного военного училища два года, служил строевым офицером в стр. полку четыре года и, наконец, пробыл в Императорской Николаевской военной Академии три года, окончив курс ее в 1913 году, за год до начала Мировой войны, который провел в пограничном с Восточной Пруссией Виленском военном округе.

О моем жизненном пути до поступления на военную службу я оставляю детям автобиографические сведения, так же как о службе в Армии в мирное и военное время. Об участии в гражданской войне написаны и напечатаны в 1930 году воспоминания под названием: «От Волги до Тихого океана в рядах белых», мало связанные с Первой мировой войной.

У меня давно возникла мысль собрать вместе накопленное за долгую жизнь и написать как бы сводку всему, что известно к концу жизни о самых важных для России годах — 1914-1920-м.

Написать не историю этих лет, даже не исторический очерк (это не по моим силам), а военно-исторический обзор, имея в основе свои воспоминания и прочитанное.

Я наметил уже давно начать с обзора событий Первой мировой войны и революции, *как ПРОЛОГА к обзору гражданской войны в России*. Ведь Миро-

вая война породила революцию и гражданскую войну. Восточный же фронт я избрал потому, что был на нем участником от начала до конца.

Поэтому, при обзоре событий Мировой войны, я не задаюсь целью разбирать и оценивать стратегические планы сторон и проведение по этим планам операций. Хочу напомнить о ходе войны по годам и сжато самое важное с моей точки зрения — именно: при каком общем положении, подготовке и степени готовности, при каких чаяниях и настроениях начата была война и как она велась. Как менялся личный состав Армии в ходе войны, как работал тыл, с какими недостатками и неустроениями мы более-менее справились и как, неожиданно, дошли до Великой Смуты.

При обзоре же гражданской войны на Восточном фронте я хочу в общих чертах обрисовать ход военных событий, останавливаясь более подробно на наиболее важных и ответственных. Такими важными я считаю 1918 год в Приволжье и особенно весну 1919 года — наступление к Волге армий адмирала Колчака, затем лето и осень того же года и, наконец, зиму 1919/1920 гг. с Сибирским Ледяным походом. Пребыванию в Забайкалье остатков армии в 1920 году после перехода озера Байкал я отвожу только несколько страниц. О событиях же на «последнем клочке» Русской земли, в Приморье в 1921 и 1922 гг. и о рассеянии по чужим землям остатков Русской армии предполагаю написать отдельно, если время позволит.

Автор.

Часть I

1914 — 1918 годы

Первая мировая война и революция

I.

ВВЕДЕНИЕ

Политический обзор

Среди лета 1914 года (по ст. ст. 15 июня) на Балканах, в г. Сараево, в Боснии, аннексированной в 1909 году Австро- Венгрией, было совершено убийство наследника Австро-Венгерского престола эрцгерцога Фердинанда и его супруги террористом — членом особой патриотической организации. Производившееся сразу-же расследование искало улик против Сербского Правительства, но безуспешно.

Я в это время находился в лагере на р. Немане между Ковно и Гродно, командуя ротой в 170-м пех. полку 43 дивизии (отбывал т. наз. цензовое командование после окончания курса в Военной Академии с причислением к Генеральному штабу). Со времени аннексии Боснии и Герцоговины политическая атмосфера на Балканах все время почиталась взрывчатой, вообще неспокойной. Ожидалось, что Вена не оставит славянскую Сербию в покое и что Германия не отступит в своем стремлении проникнуть в Азию через Балканы и Турцию. Все это было общеизвестно; однако, известию о Сараевском убийстве, мы в лагере не придали значения. Как-то не приходило в голову, что близка война, притом мировая. Не обращали внимания, что в Германии преувеличенно трактуется, как угроза немцам со стороны России, проводимая у нас программа усиления Армии и Флота.

Только тогда, когда мы получили неожиданно приказ спешно вернуться на зимние квартиры в Вильно и заняться подготовкой к мобилизации, стало ясно, что Сараевское убийство ставится в вину Сербскому Правительству и, видимо, избрано предлогом для выступления Австро-Венгрии с согласия Германии на Балканах. Сербскому Правительству было предъявлено ультимативное требование — в течение двух дней приступить к выполнению целого перечня требований, среди которых были заведомо неприемлемые. Сербия ответила в весьма уступчивом тоне о невозможности

выполнения всех требований вообще. Австро-Венгрия нашла ответ неудовлетворительным и сразу же, после истечения двухдневного срока, объявила войну Сербии. Получив сведения об объявлении войны Сербии, Россия не замедлила объявить общую мобилизацию (18 июля по ст. ст.). Предположена была сначала мобилизация только четырех, пограничных с Австро-Венгрией, военных округов, а на объявление общей мобилизации Государь согласился только после настойчивых представлений, что частичная мобилизация спутает все планы по сосредоточению войск. Все же и дав согласие, Государь письменно заверил Вильгельма, что ни одна русская воинская часть не перейдет границы, пока не будет потеряна надежда на мир.

Между тем, немецкий посол в С.-Петербурге гр. Пурталес по инструкции из Берлина потребовал отменить мобилизацию и, не получив в назначенные 12 час. на это ответа, 19 июля прибыл в наше министерство иностранных дел к Сазонову и почему-то три раза спросил его, согласится ли Россия отменить свою мобилизацию. Сазонов тоже три раза ответил, что Россия отменить мобилизации не может. Тогда гр. Пурталес вынул из кармана бумагу с текстом объявления войны и вручил министру, оставив по рассеянности другую бумагу — декодированную телеграмму, по которой война объявлялась и в случае отказа остановить мобилизацию и в случае, если Россией будет предложено продолжать переговоры.

Рассчитанный, не оправдываемый никакими серьезными причинами, вызов России был принят. Русский Император, Русское Правительство не сочли для России достойным оставить без защиты Сербию. Решение было единодушно поддержано законодательными палатами — Государственной Думой и Государственным Советом, политическими группами, общественными кругами и печатью. Народные массы показали свое сочувствие во время мобилизации исправной явкой запасных на мобилизационные пункты.

С объявлением мобилизации и с объявлением войны Германии, во время сосредоточения войск в назначенные районы, сведения из центра получались неаккуратно, да мы и не рассуждали о политических причинах, считая, что Германия переходит границы в домогательствах. Нас захватывали насущные вопросы и среди них главные: когда будет приказано переходить границу и как долго продолжится война.

И в настоящее время, приближаясь к 50-летию начала

войны, в свете всего, ставшего известным из разных источников, даже немыслимо задавать вопрос, не могла ли Россия найти какой-либо достойный выход для мирного разрешения кризиса без внутренних потрясений, если бы, скажем, Император Николай еще задержал на некоторое время объявление русской мобилизации, или решительно настоял на исполнении первоначального решения — мобилизации частичной против Австрии после объявления ею войны Сербии, предоставив таким образом Германии решать, что делать в этом случае.

До настоящего времени никто из историков и политиков даже не занимался поднимать такой вопрос. Выходит — война была неотвратима, война была нашей судьбой.

Известный русский писатель Марк Алданов, в серии своих исторических романов, по времени охватывающих наше близкое прошлое, в своем посмертном романе «Самоубийство» изобразил обширную галерею лиц и партийных групп, игравших роль в политической, общественной, революционно-партийной жизни предвоенных лет Европы. Центральная фигура Ленин. Захвативши для своего изображения жизнь в Вене и Берлине, он, между прочим, написал «по случайности в 1914 году судьба мира была в руках двух неврастеников», по его мнению — Кайзера Вильгельма Второго и министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Бертхольда.

Советую прочитать этот роман; он интересен не менее, чем написанный им много раньше роман «Истоки».

Верно, что эти деятели, особенно Вильгельм, заслуживают названия неврастеников. Характеристика Вильгельма во многих исторических работах уничтожительная.*) Например, неуравновешенный, непредсказуемый, мог лгать «так натурально, как поют птицы», любил властвовать, был тщеславен, горд, любил произносить громкие фразы в речах и т. д. Вместе с тем сантиментален. Переписка его с русским Царем интересна для характеристики обоих. Император Николай не заблуждался в оценке качеств «друга», но поддерживал с ним переписку, до некоторой степени веря, что она помогает улучшению взаимоотношений соседей, особенно в то время, когда дипломатия и печать в период Балканских событий 1911-1912 г. г. в обеих странах не проявляла дружеских чувств. Царица Александра Федоровна, воспитывавшаяся в Англии, терпеть не могла Вильгельма, особенно его плоских шуток.

*) Hanson W. Baldwin.

Верно, что от Вильгельма зависело сказать одно слово Бертхольду — умерить свои требования, тем более, что престарелый Франц Иосиф не хотел войны. Однако он дал Австрии «карт бланш» 5 июля по нов. ст. для наказания Сербии и сам отплыл на яхте к берегам Норвегии на три недели кризиса и, вернувшись, «опоздал» остановить Вену от объявления войны!

Если случайны вообще появления деятелей на историческую сцену, то появляются-то они и действуют в соответствующей по времени атмосфере, стремясь направить течение истории по своим замыслам, что не всем и не всегда удается. Бертхольду захотелось поставить на колени Сербию, чтобы окончательно прекратить всякое брожение против двуединой монархии на Балканах и прославиться. Вильгельму Сербия мешала продолжать распространение Германии.

В настоящее время надо считать совершенно установленным, что ничего случайного в решении начать войну именно в 14-м году не было. Война и план ее были в действительности решены Вильгельмом в полном согласии и при некоторого рода нажиме своих советников значительно раньше четырнадцатого года. К ней Германия готовилась несколько лет и откладывать начало ее в 14-м году было признано невыгодным с военной точки зрения.

Надо сказать, что из всех европейских соседей Германия, в особенности политические и военные круги, была наиболее знакома с внутренними нашими мероприятиями и настроениями, в особенности с работой по восстановлению и организации Армии. Мы мало обращали внимания на немецкие взгляды, на состояние нашей Армии и Флота, на оценки качества и подготовки командного состава или, вернее сказать, мало и несерьезно их анализировали.

Германский Генеральный штаб учитывал, что в 1915 году Русская Армия будет снабжена тяжелой артиллерией, приблизительно равной немецкой, и, кроме того, будут проведены другие мероприятия по усилению вооруженных сил; поэтому допускал, что преимущества германской армии не будут столь подавляющими.

Немецкая печать всех течений преувеличивала силы и рост наших вооруженных сил, чтобы держать население под страхом русского нашествия, особенно после того, как русский военный министр генерал Сухомлинов за год до войны в одном газетном интервью счел возможным заявить, что мы готовы к войне.

Стоит только бегло ознакомиться с положением Германии

и политикой ее в годы на переломе 19-го и 20-го столетий, как станет совершенно ясным, почему именно незначительный сам по себе предлог — Сараевское убийство в июне 14-го года наследника Австро-Венгерского престола, будто бы при участии или с ведома Сербского правительства (факт неустановленный и спорный), был использован для предъявления Сербии унизительных требований, и почему конфликт был мирно не улажен при всех уступках Сербии.

Перемена направления политики Германии относится к 90-м годам 19-го столетия, когда было закончено объединение Германии вокруг Пруссии под железной рукой канцлера Бисмарка и когда молодой император Вильгельм Второй посчитал нужным освободиться от его влияния в руководстве иностранной политикой. Германия в это время достигла уже высокой степени своего промышленного развития и император посчитал даже возможным возвестить на весь мир, что будущее Германии на морях, чем, конечно, более всего встревожил Англию, считавшуюся владычицей на морях до этого времени.

Англия не осталась сидеть в бездействии, сложа руки, после столь вызывающего заявления.

В первое десятилетие 20-го века Германия уже стояла, можно сказать, в зените своего промышленного и военного развития и, по общему признанию, была самым могущественным государством на Европейском континенте в военном отношении: на суше она имела первоклассную армию; на морях — могущественный военный и торговый флот. Единое по языку, культуре и трудоспособности энергичное население настойчиво требовало выхода своей предприимчивости на широкий простор. Требовались расширение территории, новые рынки, колонии. Во главе оказался темпераментный, неуравновешенный император, жаждущий власти и славы. Воинственное направление в воинственном по натуре народе подогревалось военной литературой, пропитанной ницшеанской философией, притом — ложной.

Для выхода на такой широкий простор из мирного застоя у Германии были разные возможности, которые обсуждались и о которых писалось. Во-первых, мирное проникновение в Азию через Россию в согласии со своими наиболее умеренными кругами и симпатизирующими группами в России. Это решение предлагалось даже во время переговоров о мире с большевиками в Бресте. Оно не отвечало общей динамике народа, не отвечало вожделе-

ниям императора и военных верхов, а также и жажде получения видимых быстрых результатов.

Во-вторых, открытая борьба с Англией на морях за господство, за колонии. Вызов был сделан, решение заманчиво, но оно признавалось чересчур рискованным.

Третье решение уже проводилось: проникновение в Азию и на берега Средиземного моря через Балканы и Турцию. Подготовка в Турции была уже проведена. На Балканах оставалась помехой только Сербия, а за спиной ея Россия. Это решение и принималось для вооруженного выступления в 1914 году. Германия считала, что и такое решение затрагивает интересы Англии, но рассчитывала, что последняя воздержится от прямого участия в войне, так как у ней нет договоренности с Россией относительно политики на Балканах. Как известно, для Германии было неожиданным объявление войны Англией из-за нарушения нейтралитета Бельгии (из-за клочка бумаги — по выражению немцев). С Россией еще поддерживались традиционно-дружественные отношения, но только наружно. После русско-японской войны Германия не раз давала чувствовать, что она перестала считаться и не считается с русскими интересами на Балканах и в Турции, несмотря на неоднократные заявления Вильгельма Второго Императору Николаю Второму, что он будет удерживать Австрию от агрессивной политики (после аннексии Боснии и Герцеговины в 1909 г.).

В 1914 году Германия решила открыто и окончательно порвать «дружбу» и встать на путь войны и для этого бросить вызов своим противникам, благо подвернулся какой-то предлог на Балканах: поставить Сербию на колени, и так как за нее определенно вступится Россия и связанная с нею оборонительным союзом Франция, то выступить против них обеих, тем более, что Россия еще не совсем оправилась от несчастной русско-японской войны, революционных потрясений 1905-1907 гг. и вообще не была готова к большой войне.

Самый план войны был разработан Германией давно. Немецкий генеральный штаб в лице Мольтке Младшего надеялся покончить с Францией в шесть недель после открытия военных действий, обрушившись на нее почти всеми своими силами и считая, что Россия будет занята в это время мобилизацией, перевозками частей армии в районы сосредоточения и что против нее на первое время будет достаточно Австро-Венгерской армии и оставленных в Восточной Прусии 13-ти немецких дивизий.

После же разгрома Франции обрушиться подавляющими силами на Россию.

«Завтрак в Париже, обед в Санкт-Петербурге» — в такую ходячую фразу среди военных выливалась хвастливо у немцев идея плана войны.

Первого августа Германия объявила войну России, шестого — Австро-Венгрия, четвертого августа немцы вторглись в Бельгию, чтобы пройти во Францию. Мировая война начиналась. С самого начала участниками оказались семь государств. Число государств к концу достигло 30-ти с разных континентов. Действительно — Мировая война — Первая во всей истории мира.

Этим было заложено начало событиям, приведшим весь мир в настоящей — второй половине двадцатого века к катастрофическому состоянию, когда он, разделенный на две половины, тщетно ищет путей к миру.

Только абсолютной уверенностью в могуществе и превосходстве своих сил, способных в кратчайший срок решительно разгромить противников, в безошибочности своих расчетов, можно объяснить безудержную стремительность, с которой Германия и Австро-Венгрия бросились в гибельную для обеих сторон войну, в размерах и длительности которой их правительства и генеральные штабы жестоко ошиблись.

Для моей цели я не вижу необходимости приводить здесь силы сторон, сравнивать подготовку, вооружение и прочее. Скажу только, что в самом начале войны на всех театрах военных действий численность сражавшихся доходила до шести миллионов, по меньшей мере.

Внутренее состояние России при вступлении в войну

Чрезвычайно важно для понимания хода событий внутри России и на фронте во время войны дать хотя бы короткие сведения о том, что происходило в С.-Петербурге и в стране во время мобилизации и в первые дни по объявлении войны. Русское Правительство не хотело войны вообще и не могло в сущности хотеть, так как страна не была готова к ней даже в том ограниченном масштабе, по которому строились расчеты увеличения и усиления существующих вооруженных сил по принятой программе 1913 года, вызванной переменами в германской и австро-венгерской армиях в сторону усиления их. Весной 1914 года даже собиралось особое совещание под председательством Государя, на котором было при-

нято решение всячески избегать вооруженного конфликта с центральными державами по балканским делам. Правительство было заинтересовано в поддержании мира на Балканах, хотя наша общественность со времени аннексии Австрией Боснии и Герцеговины часто поднимала газетный шум по поводу даже незначительных событий, подозревая продолжение агрессивных замыслов со стороны Германии. Против войны вообще в Государственном Совете резко высказывался граф Витте, называя всякую войну в 20 веке безумием. По этим соображениям и сочувствию к славянской Сербии и были предприняты известные шаги для мирного разрешения конфликта. Но, как сказано выше, Россия избежать войны не могла.

Что же происходило внутри России в разных слоях народа, в правительственных и общественных кругах, в действующей Армии в момент перед объявлением мобилизации и мобилизационный период? Этот период особенно интересен. Сознавалась ли вообще вся серьезность положения при вступлении в войну; более того, сознавалось ли вообще, что нужно сделать в кратчайший период, чтобы избежать поражения.

Широкие круги общества и народные массы были захвачены войной врасплох. В высших военных и морских кругах готовились к войне к 1915 году. Объявление мобилизации и предстоящая война вызвали с внешней стороны большой подъем не только в Петрограде, но и в других больших центрах. Даже происходившие перед этим забастовки рабочих на заводах и беспорядки кончились, как по команде. Запасные солдаты, хотя и не проявляли особого энтузиазма, тем не менее исправно явились по вызову на сборные пункты. Перемены в настроениях в Петрограде и других центрах сразу же после объявления войны немцам, с некоторой иронией, подтверждаются и иностранными источниками, например: «Каждый открыл, что ненавидит немцев и любит Россию и Царя. И при том не только в Петербурге. По всей России крестьяне и рабочие отозвались охотно на призыв в армию. Около 90% явилось по вызову. Молодые люди из интеллигенции устремились в армию добровольцами. Государственная Дума единодушна в объявлении войны».*)

Один из большевистских историков (Шляпников) отметил в своих записках, что «либералы и черносотенцы, министры и Госу-

---

*) Bernard Pares, Sir. Alan Moorehead.

дарственная Дума, дворяне и земства, — все слилось в одну озверелую шайку».**)

В войсковых частях мирного времени, расположенных поблизости к границе с Восточной Пруссией (Виленский военный округ), которым надлежало принять мобилизованных и через две недели быть в районе сосредоточения, я лично наблюдал только, что солдаты и офицеры приняли мобилизацию молчаливо и чрезвычайно серьезно. Главный вопрос у солдат был: как долго может протянуться война. У офицеров же было желание, кроме этого, узнать побольше о немцах, вооружении, а также о новых назначениях на главные посты в Русской армии. Рядовой состав Армии мирного времени готовился к походу, не имея возможности даже повидать семьи.

Сверху и в газетах поддерживалось ходячее мнение, что война не может продолжаться долго, т. к. у центральных держав не выдержат финансы против таких держав, как Франция, Англия и Россия. Серьезных соображений на эту тему было мало, да их не хотели и слушать. Газеты наперебой захлебывались в предсказаниях близкой победы над немцами. Поэты писали патриотические стихи.

Однако, ознакомление даже с небольшой частью газетных материалов, напечатанных речей и заявлений тех дней, может теперь привести к грустному заключению, что в руководящих правительственных сферах отсутствовало сознание грандиозности и серьезности предстоящей борьбы и возможных трагических для России последствий. Лишь немногие выражали сомнение в правильности распространяемых мнений, что война протянется недолго. Сомневающихся называли германофилами. Говорились речи о серьезности борьбы народов, но они тонули в шовинистическом шуме. Больше всего захватывали, распространялись и повторялись новости оптимистически-легкомысленные.

«Никто не поручится, что война не кончится через три месяца» — была положена резолюция на одной из бумаг военного министра Сухомлинова, который удостоился даже грандиозной манифестации перед балконом занимаемого им дома, когда стало известно, что министрам и Генеральному штабу удалось добиться согласия Государя на объявление мобилизации.

Патриотические демонстрации происходили не только в столицах. Не отставали и небольшие города. Пожалуй, только в сель-

**) Мельгунов С. П. «Шовинистический угар».

ских местностях при отправке запасных не было таких манифестаций. Там слышался плач прощающихся с уходящими на войну; как известно, у нас в деревнях даже новобранцев на военную службу провожали с плачем, но тот плач был другого рода.

Все эти наружные факты и события показывали, что война признается общенародным делом. Правительство Царя, Дума, Государственный Совет, общественные круги и партии, даже социалисты, были единодушны в необходимости дать отпор немцам. Только Император, обещавший поддержку Сербии, колебался объявить общую мобилизацию. Эти колебания толковались по-разному в правительственных и общественных кругах. Широкая публика о них и не знала; по крайней мере, армейская среда. Для рядовой армейской массы главное слово «война» было сказано и, значит, борьба на жизнь и смерть. Слова из лермонтовского «Бородино» — «Плохая им досталась доля, немногие вернулись с поля» сохраняли свое значение в современной войне в большей степени, чем раньше.

Для служилых людей — военных и гражданских, оставшихся в тылу, были свои испытания и горести, но пока не было личной опасности.

Что касается высших правительственных и общественных кругов, а также интеллигенции, то для них казалось очень важным, что удалось вырвать согласие Царя на объявление общей мобилизации. Они приветствовали войну. Казалось бы, что они должны были знать, что Германия, решившись на войну, не остановится ни перед чем, чтобы добиться победы, так как поставила все на карту. Но они легкомысленно верили в кратковременную войну и в победу, раз война начиналась при выгодной политической комбинации. О своих слабых сторонах не знали или не думали.

«Всем, близко стоявшим к правительственным, высшим служилым и общественным кругам в период, предшествующий объявлению войны, памятны эти дни по той нерешительности, колебаниям и слабости, которыми характеризовались распоряжения, исходившие от Государя Императора... Шесть раз за период с 12-го по 17 июля (ст. ст.) мобилизационный план России переделывался соответственно тем колебаниям и переменам, которые получались из Царского Села» — свидетельствует ген. Дитерихс, занимавший видный пост в Управлении Генштаба во время мобилизации. «Только 17 июля, после коллективного представления Совета Министров через Председателя Совета о необходимости немедленно объявить мобилизацию, ввиду полученных сведений из Германии,

Государь дал свое согласие». (Убийство Царской Семьи на Урале — стр. 66, ч. II, 1922 г.).

Колебания Царя были непонятны ни министрам, ни высшим чинам Генерального штаба; они без рассуждений приписывались его нерешительности, да влиянию Императрицы. Военные в Генеральном штабе видели только, что частичная мобилизация против Австро-Венгрии путает все планы сосредоточения войск и что промедление создает угрозу внезапного вторжения германской армии в пределы России, которым пугали.

При том возбужденном состоянии правительственных и общественных сфер такое отношение было понятно. Что же не учитывалось в колебаниях Царя? Трудно проникнуть и передать, даже и теперь, при наличии различных материалов для характеристики Императора Николая Второго, при наличии материалов о жизни Царской Семьи во время войны, что пережил в эти критические дни Царь; но имеются многочисленные свидетельства, что он выглядел больным и постаревшим и только после объявления войны и видимой поддержки со всех сторон, он воспрянул духом. Можно только предполагать, что могло пройти перед его обостренным в этот период взором, что переживал он.

По первому же обращению к нему Сербии о поддержке он обещал немедля ей помочь, видимо, предполагая, что ему удастся убедить Вильгельма воздействовать на Австро-Венгрию не переходить в своих требованиях границ. Но после того, как были уже открыты военные действия против Сербии, он увидел, что в своих стараниях уговорить кайзера на справедливый арбитраж получился тупик. От Царя требовалось сказать последнее слово — Война! Война, когда *он считал войну гибельной вообще для России,* даже при благополучном окончании. Вторая война в его царствование после такой несчастной русско-японской с ее тяжелыми последствиями.

Несомненно, что в эти дни он советовался с придворными и Императрицей, которую страшило, как и Царя, будущее России, неисчислимое количество жертв и вообще все ужасы войны. Оба, особенно Императрица, знали лучше других в России, качества немецкого народа и его руководителей, особенно Вильгельма. Оба понимали, что момент для нападения выбран Германией в трудное для России время и от нее ожидается — сдача позиций. И оба понимали, что сдача невозможна. Только не хотели отказаться от шаткой надежды на переговоры и переписку с Вильгельмом.

Государь не имел полного представления о степени нашей

неготовности, о недостатках нашей военной организации. Его Военный министр едва ли имел сам ясное, широкое представление о состоянии хозяйства в его ведении. В этом было наше несчастье. Но Государь, зато больше других понимал политическую сторону внутренней и внешней обстановки, а также слабые стороны России вообще для борьбы с центральными державами.

Двадцать лет царствования дали ему богатый опыт для должной оценки действительного положения. Ему было 46 лет; он был поставлен перед решением вопроса о судьбе России; он знал, что от него требуется сказать последнее слово, причем определенное — Война!

А в памяти вставало прошлое... объявление войны Японии, манифестации первых месяцев, неудачи, поражения, Порт-Артур, гибель флота, 1905 год с революционными событиями, неудачи созыва 1-й и 2-й Государственных Дум, разгул террористических актов...

Он знал, что так называемая «общественность» давно не с ним и только перед вопросом о войне как бы признает, что Царь и его последнее слово нужны. Также знал, что интеллигенция не разделяет его взглядов на существо Царской власти и ведет разрушительную работу против Царской власти и династии.

В 1913 году, во время празднования 300-летия Дома Романовых, он лично видел в Костромской губернии некоторые неприглядные стороны сельского хозяйства и даже заметил чрезмерное употребление спиртных напитков. Он знал, что годы после Русско-Японской войны оставили глубокий след на народной психологии в сельских местностях; о том, что при росте народного благосостояния налицо упадок нравов и, несмотря на прекращение революционных вспышек, волнений, эпидемии поджогов при Столыпине, проявления хулиганства, бесчинства не уменьшались. Все же в народ он верил, так же как в Армию, в которой он чувствовал себя хорошо.

События требовали сказать последнее *властное слово*. Решение по своему значению требовало от сознания обыкновенного человека сверхчеловеческого. После войны и революции, в 1922 году стала известна записка члена Государственного Совета П. Н. Дурново, поданная в 1913 г. с мрачными предсказаниями о последствиях войны с Германией, целиком почти оправдавшимися. Она была с германофильским духом, но указывала совершенно верно слабые стороны России. Царь, несомненно, понимал, что судьба России зависит от его решения. Чувство ответ-

ственности давило его; мучил вопрос: сможет ли Россия проявить выдержку, спайку, чтобы пережить испытания войны и не только выдержать, но и победить, независимо от жертв и лишений. *Твердой уверенности в это не было, ожидаемое слово было сказано!* И как отмечает в своей книге ген. Дитерихс, «вызвало общую радость.» «Все чины высших военных управлений ликовали по поводу объявления общей мобилизации и предстоящей войны с Германией. Министры встретили полное сочувствие и одобрение со стороны «общественного мнения», в своей твердости и настойчивости перед Царем. Политические деятели Государственной Думы обменивались крепкими рукопожатиями с представителями правительства и с политическими своими противниками.»

В то время никто не отдавал себе отчета, что радоваться началу грозной войны было рано. Осуждались колебания Царя; он был одинок во взгляде на будущее России. Решившись, наконец, пойти за общим течением, приняв заверение от Председателя Государственной Думы Родзянко: «Дерзайте, Государь, русский народ с Вами, и, твердо уповая на милость Божию, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство Родины ограждено», Государь Император отдался всецело и до конца делу тяжелой борьбы с врагом; также отдалась делу помощи воинам вся Царская Семья. Нет оснований сомневаться в искренности слов Пердседателя Думы, так же как и в общем единодушии, охватившем правительственные и общественные круги, но этого единодушия хватило не надолго.

II

1914 ГОД. ПЕРВЫЕ ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ВОЙНЫ.

Боевые действия

Боевые действия на Русском фронте начались наступлением в Восточную Пруссию, подготовленную немцами для обороны в соответствии с планом войны. Сама по себе местность благоприятствовала обороне наличием естественных препятствий. По соглашению с французами, Россия, в случае совместной войны против Германии, обязывалась выставить 800.000-ную армию и начать военные действия после пятнадцатого дня мобилизации, иначе говоря, ранее окончательного приведения войск в полную боевую готовность по их сосредоточении.

У французов не было никаких оснований сомневаться в том, что Россия не выполнит принятые на себя обязательства. Тем не менее, с самого начала войны французское правительство, ввиду быстрого продвижения немцев, стало настойчиво требовать нашего срочного наступления, которое скоро вылилось в призыв к Царю о «спасении».

На пятнадцатый день мобилизации первая армия ген. Ренненкампфа из 3-х армейских корпусов и большой массы кавалерии, выступила по приказу к немецкой границе и 4-го августа вторглась в Восточную Пруссию с востока. Одновременно выступила и вторая армия ген. Самсонова из 4-х корпусов с юга. Обе армии еще не успели закончить полностью мобилизации транспорта, что сразу же отразилось на службе снабжения и сообщений.

Первое решительное столкновение нашей первой армии с восьмой армией немцев у Гумбиннена кончилось полным разгромом XVII-го немецкого корпуса, в центре всей немецкой обороны. Паника у немцев от разгрома была так велика, что она распространилась далеко в тыл. Штаб восьмой армии и командующий армией были так потрясены, что было принято решение отводить войска за Вислу под защиту крепостей на переправах.

Этот частичный успех, в незначительном по своим размерам сражении, оказался чрезвычайно важным по своим стратегическим последствиям, принесшим неожиданно союзникам на западе спасение, в самый критический период сражения на Марне: для спасения положения на русском фронте в Восточной Пруссии немцы сняли с правого фланга, угрожавшего Парижу, два армейских корпуса и кавалерийскую дивизию и направили на восток, очевидно, уже будучи уверены в успехе во Франции. Произошло «Чудо на Марне», т. е. выигрыш сражения французами и срыв немецкого плана войны — в шесть недель покончить с Францией.

Первая неудача немцев в Восточной Прусии, была воспринята германским высшим командованием весьма болезненно и повела к спешной замене панического командования 8-й армии — новым командованием — ген. Гинденбургом и Людендорфом. Им удалось быстро восстановить порядок в восьмой армии, произвести перегруппировку, поднять дух и обрушиться сначала на вступившую с юга в Восточную Пруссию вторую русскую армию ген. Самсонова, окружить и взять в плен два центральных корпуса, нанеся тяжелые потери двум фланговым; после чего немедленно перейти в наступление против 1-й армии Ренненкампфа (кстати сказать, опоздавшей с помощью ген. Самсонову) и принудить ее к отступлению из Восточной Пруссии на Неман с большими потерями в людях и в материальной части. Второй армейский корпус, в штабе которого я служил, участвовал в этом сражении, будучи передан из 2 армии в 1-ю.

Эти два больших поражения после первой победы больно ударили по настроениям русских, но в это же время на юго-западе — в Галиции и Польше русскими армиями, имевшими перед собой всю Австро-Венгерскую армию, была одержана большая победа: противник потерял громадное число убитыми и пленными, много орудий и припасов; почти потерял боеспособность. Германии пришлось снимать спешно войска с французского фронта для спасения австрийцев от полного краха и кроме того усиливать фронт против русских в Польше, так как туда уже начали прибывать наши войска из Сибири, Дальнего Востока и Туркестана.

В течение последних месяцев 1914 г., с сентября до конца декабря, на русском фронте велась оживленная маневренная война (в уменье ведения которой мы сильно отставали от немцев). Все же русской армии удалось снова занять часть Восточной Пруссии до укрепленной полосы Мазурских озер и провести, сра-

вительно благополучно, две больших операции в Польше: одну с боями за Варшаву, другую, так называемую Лодзинскую. 2-й армейский корпус участвовал в последней и она оставила в моей памяти неизгладимо некоторые печальные воспоминания о руководстве войсками.

На Кавказском фронте ген. Юденичем в районе Саракамыша в конце года была одержана большая победа над турками, присоединившимися к Германии.

К концу года на русском фронте, после кровопролитных, изнурительных боев к западу от Варшавы, обе стороны, в конце концов, окопались друг против друга и громадный фронт замер на зиму. Началась позиционная война, также как и на западном фронте. О скором окончании войны участники перестали говорит.

Состояние армии к 1915 году

После пяти месяцев непрерывных боевых действий армия нуждалась не только в пополнении боевого состава, но в целом ряде спешных мероприятий по упорядочению снабжения, лечения, подачи пополнений, по устройству и укреплению позиций и по упорядочению управления на фронте и в тылу.

Боевой опыт в результате операций ясно показал не только высшему командованию и правительству, но и всей армии и народу — всю серьезность положения: перед Россией стояли впереди тяжелые испытания и труднейшие задачи для решения, чтобы с честью закончить войну.

Выявились, можно сказать, вылезли если не все, то многие причины наших неудач и поражений и, вместе с тем, необходимость спешной работы командования армии, военного ведомства в тылу, общественных организаций и гражданских тыловых властей, чтобы улучшить положение к весне 1915 года.

Были недостатки и упущения поправимые, были казавшиеся непреодолимыми, так как требовали для преодоления долгого времени, были — уже непоправимые.

Без солдат и офицеров, и притом хорошо подготовленных, воевать нельзя. Забота о сохранении боеспособной живой силы — должна быть первой на войне. Это важное требование в русской армии не всегда и не везде строго соблюдалось, как в боевой обстановке, так и во время отдыха. Между тем, потери в людях были громадными: убитыми, раненными, пленными, больными и, надо прибавить, дезертирами, особенно в пехоте.

Чрезвычайно большая убыль офицеров в пехоте уже в первые месяцы войны привела к тому, что ротами командовали неопытные младшие офицеры, только что выпущенные из училищ, даже раньше срока окончания курса.

Непоправимой громадной ошибкой была постановка в строй всех призванных из запаса унтер-офицеров на места рядовых вместо того, чтобы образовать из них сразу же резервы младшего командного состава. Это был недостаток мобилизационных планов, который надлежало исправить при призывах. Пополнения из вновь призванных в армию посылались недостаточно обученными даже стрельбе и часто без винтовок, ибо запасы винтовок в тылу были быстро исчерпаны. В войсках же сбор винтовок в боевой обстановке (от убитых и раненных) был плохо организован. Да и не всегда такой сбор был возможен при маневренной войне. Поэтому и прибыв на фронт, пополнения часто не могли получить винтовки сразу. Производство же новых винтовок на своих заводах было недостаточным, чтобы покрывать потери, оказавшиеся чрезмерно большими. Надо сказать, что командование с первых же дней боевых действий встретилось с явлением, о котором вероятно не думало: с преступным или необычайно легким отношением к сохранению вооружения. Винтовки бросались иногда весьма легко раненными. Такое же отношение замечалось к расходованию патронов.

Подвижной характер начального периода войны не давал возможности пехотным полкам заняться обучением прибывающих пополнений своими средствами, как это возможно в позиционной войне. Плохая организация обучения и отправки пополнений принесла много вреда армии в первые же месяцы войны и осталась больным местом до конца.

Особенно скверное влияние на наши успехи оказала проведенная ген. Сухомлиновым в мирное время реформа в армии об упразднении крепостных и резервных войск и замене их формированием при мобилизации второочередных пехотных дивизий. Превращение второочередных дивизий в боеспособные требовало гораздо большего времени, чем было определено мобилизационным расписанием. По бедности кадрами, выделенными из первоочередных и призванными из запаса плохо подготовленными офицерами, эти дивизии не могли быть приравнены к первоочередным. По справедливому определению многих старших военных, это было ополчение, получившее форменную одежду и винтовки. Только такие из этих дивизий, которые не сразу попали

на театр военных действий, могли быть более-менее подготовлены, да и то при возглавлении хорошими опытными генералами. Много непродуманного, или правильнее, преступно допущенного, было в отношении подбора генералов на должности начальников второочередных дивизий. Обращали внимание не на опыт, уменье, способности, а часто на «надо устроить» иного генерала. Поэтому получались на этой весьма важной должности иногда фигуры просто жалкие или никчемные. Старались им дать опытных начальников штабов, но здесь тоже часто ошибались.

Те же такие дивизии, которые попали в боевые действия сразу же по прибытии на театр войны, оказались обреченными на разгром и на расформирование, причем вместо помощи соседям, часто приносили им несчастье (подводили, напр., сдачей).

Затем, еще осенью войска начали получать грозные требования строгой экономии в расходовании снарядов в артиллерии, а зимой эти расходы были ограничены до минимума под страхом наказания. Дело в том, что в первых же боях, особенно против германских войск, наши войска увидели превосходство противника в артиллерийском огне разных видов. Огонь тяжелой артиллерии немцев производил громадное моральное впечатление на войска, особенно на необстрелянные. Наша отлично подготовленная полевая артиллерия, вооруженная трехдюймовыми пушками и недостаточным количеством легких гаубиц, принуждена была восполнять отсутствие тяжелой артиллерии усиленным огнем легких орудий, часто сверх всякой нормы. Расход снарядов вообще превосходил установленную норму, а норма к началу войны не была готовой почти наполовину. Улучшения положения, как сообщалось сверху, нельзя было ожидать раньше начала осени следующего 1915 года. Понятно, начали раздаваться жалобы, иногда панические. В рядах армии начинала слышаться критика работы военного управления, в особенности Военного Министерства Сухомлинова.

Шовинистический «угар» проходил в тылу; на фронте его вообще не было.

Ход военных операций, носивших все время маневренный характер, дал богатый опыт военному командованию во всех отношениях; он показал неподготовленность значительного % высшего командного состава к управлению войсками во время больших операций, а в отношении верховного командования и неподготовленность вообще к ведению большой войны.

Играло большую роль несерьезное отношение военного ми-

нистерства к назначениям на военные должности при мобилизации. Многим старшим чинам пришлось скоро уйти в резерв по приказам главного командования, причем карательные меры проводились не всегда справедливо. Требовался длительный период времени и большие работы для устранения недостатков, так как здесь виной была уже система.

Подвижной, маневренный период первых месяцев войны — осень 1914 года, а также зима 14-15 гг., даже при недолгом опыте участия в управлении войсками 2-го армейского корпуса, можно сказать, перевернул наше, молодых офицеров генерального штаба, представление о «современной войне», о которой нас теоретически знакомили в Военной Академии. Действительность заставила работать в обстановке, о которой в академии не говорили; представлялось, например, что все дивизии приблизительно одинаковы, что весь командный состав более-менее подготовлен, что качество войск нормально-хорошее и т. д. В действительности сразу же столкнулись с обстановкой, когда надо было учитывать не только сведения о противнике, его состоянии, о состоянии своих частей, а знать хорошо качества и подготовку своего командного состава. Поле наблюдения приблизительно за шесть месяцев, большое: ген. Ренненкампф — командующий первой армией, пять командиров корпусов, три начальника дивизии, до 10 командиров полков, два начальника штаба корпуса.

Люди, люди — прежде всего. Много воспоминаний о подвигах, о которых охотно рассказываешь! Много таких случаев, которые теперь возмущают своим легкомыслием, непонятной боязнью ответственности и т. д., даже трусостью.

В мирное время в армии, даже во время больших маневров, совершенно не практиковалось в большом масштабе подвоза снабжения всякого рода (продовольствие, вещевое довольствие, артиллерийское, техническое снабжение, санитарная служба). Даже теоретическая подготовка в этом важном деле была слабо поставлена. На войне в первые же дни потребовались спешно меры для улучшения положения.

Громадный масштаб войны требовал общей согласованной работы военных и гражданских властей, а также общественных организаций, как на театре военных действий, так и в тылу. Военное ведомство не могло справиться само со всеми задачами. Требовались люди с широкими организаторскими талантами. Их нужно было искать: подготовки к этому не было. Особенно тру-

дно оказалось справиться с организацией в должном виде вывоза больных и раненных в тыл и устройства их в лечебных заведениях.

На боевом фронте первые месяцы холодов переживались чрезвычайно тяжело. Окопы сначала плохо устраивались. Угнетало сознание, что войне конца не видно. Угнетала необходимость всячески экономить снаряды. Приводил в ужас вид получаемых пополнений в пехоте.

При таком положении перспективы на 1915 год рисовались в мрачных красках. Можно было ожидать катастрофы. В разговорах о положении среди офицеров иногда слышалось: «эдак пожалуй войны не выиграем» и, конечно: «кто виноват в этом?»

III.

ВТОРОЙ ГОД ВОЙНЫ (1915 г.)

Немецкие планы на 1915 г. Наступление немцев

И действительно, в 1915 г. Русской Армии и русскому народу пришлось держать труднейший экзамен: армии на выносливость и на выдержку, а тылу — на выдержку и зрелость.

На 1915 г. в Главной германской квартире был принят угрожающий для нас стратегический план: считать русский фронт в этом году главным по значению и поэтому обрушиться на него подавляющими силами, чтобы вывести Россию совершенно из строя противников. После же этого, развязав руки на востоке, в 1916 г. разбить англо-французов.

На Марне разбиты были надежды Германии покончить с Францией одним ударом. Австрию надо было поддерживать, иначе она грозила развалиться совершенно. Осенью 14-го года уже переброшены были на русский фронт германские резервы. После отправки резервов и артиллерийских запасов на восток, для ведения крупных операций на западе не хватало ни сил, ни средств. В это время у германского командования создалось убеждение, что войну можно выиграть только разгромом русской армии.

Немцы, конечно, знали и учитывали тяжелый кризис, переживаемый русскими из-за недостатка снарядов для артиллерии и винтовок. План казался легко осуществимым.

Выполнение этого грозного для России плана началось с германо-австрийского наступления на двух крайних флангах русского фронта: на севере — в Восточной Пруссии и на юге — из-за Карпат.

На севере немцам удалось быстро вытеснить с их территории нашу десятую армию и уже на русской территории, недалеко от крепости Гродно, окружить в Августовском лесу почти весь наш 20-й армейский корпус, большая часть которого после долгого сопротивления сдалась. Выручка корпуса через крепость

Гродно запоздала всецело по вине командования Северо-Западного фронта.

Наступление на крайнем юге было сначала отражено и в марте нашему осадному корпусу сдалась крепость Перемышль в Галиции с гарнизоном в 117 тысяч. Этот успех был ошибочно принят, как завершение овладения Галицией.

Но очень скоро второй удар армии «Макензена» заставил нас очистить почти всю Галицию. Противник для этого удара сосредоточил громадные артиллерийские средства и, обрушившись на наши укрепленные позиции, огнем еще невиданной силы, стремился окружить и уничтожить наши части. Окружение ему не удалось.

Третий маневр большими силами был направлен летом с севера и юга Польши на фланги нашего расположения с целью отрезать от глубокого тыла и уничтожить всю массу находившихся в центральной Польше войск. Польша была оставлена. Потери были огромны, но армия не потеряла боеспособности, части стойко отбивались, часто без поддержки артиллерии, из-за недостатка снарядов, и местами даже переходили удачно в контратаки.

Наконец, в августе-сентябре Гинденбург уже громадными силами, с новыми резервами повел четвертое по счету наступление. Главный удар был направлен на Ковно-Вильно-Свенцяны с глубоким прорывом на Молодечно-Борисов. Случайный, небоеспособный гарнизон крепости Ковно не выдержал огня тяжелой артиллерии немцев и крепость быстро перешла в руки немцев. Предполагавшийся маневр наших полевых корпусов на левом берегу Немана с опорой на крепость, совершенно не удался из-за быстрого оставления крепости. В районе же Вильно завязалось длительное упорное сражение, в то время как немецкий прорыв передовыми частями достиг Молодечно и мелкими частями даже Борисова. После грандиозного маневра русских войск, проведенного под руководством Главнокомандующего Северо-Западного фронта ген. Алексеева, прорвавшиеся части были принуждены к отступлению с большими потерями. Немцы после этого прекратили наступление и остановились на позициях на зиму. Весь план, поставленный на 1915 год, оказался сорванным; русский фронт оставался перед ними. К осени он застыл на новой, невыгодной для нашей обороны линии и так оставался без перемен до лета следующего 1916 года.

Как раз во время ликвидации последнего немецкого насту-

пления произошла смена Верховного Командования России: вместо Вел. Кн. Николая Николаевича Верховное Командование на театре военных действий принял сам Государь Император, назначив Начальником Своего штаба ген. Алексеева. К этому времени снабжение нашей артиллерии снарядами уже значительно улучшилось и на фронте наступило заметное успокоение.

Перемены в командовании не произвели большого впечатления в толще армии, но зато в тылу, в правительственных, общественных и думских кругах они были встречены с критикой и повели к ухудшению взаимоотношений власти и общественности, а также к частым переменам в составе правительства.

Таким образом, 1915 год оказался особенно тяжелым, но экзамен на выносливость армий был все же выдержан. Выдержан с большими потерями и в людях, и в материальной части и в территории при громадном напряжении всей страны. В тылу же, несмотря на улучшение положения к осени, появились явные знаки явного разложения и смуты.

Потери в людях действительно были чрезвычайно тяжелы; общие потери с начала войны превышали четыре миллиона человек, а за четыре месяца отступления с мая по август армия теряла убитыми и ранеными около 300.000 в месяц, а пленными до 200.000 человек. Пополнения во время отступления не вливались, или вливались только в те части, которые некоторое время не были затронуты наступлением немцев. Поэтому к зиме армия численно была сильно ослаблена и нуждалась в пополнениях. Между тем, вопрос о призыве в действующую армию все больше и больше был трудно выполнимым: с начала войны уже призвано было свыше десяти миллионов, из коих часть находилась в тылу в запасных частях и не могла быть послана из-за надостатка винтовок.

А. Керсновский в «Истории Русской Армии» дает такую картину перемен в солдатском и офицерском составе Армии: «К весне 1915 г. был призван весь обученный запас армии. Были призваны сроки 1915-1916 гг., т. е. 20 и 21-летние, давшие до 1.500.000 человек, но которых некому было обучать и нечем было вооружить. Пополнения войск весной и летом 1915 года состояли исключительно из «ратников 2-го разряда» — людей, за разными льготами, физической слабостью (т. н. «белые билеты») и сверхкомплектом в войсках, прежде не служивших. Люди эти направлялись в непомерно разросшиеся запасные батальоны, слабые кадры которых совершенно не могли справиться с их обучением. После 3-х, в лучшем случае 6-ти недель присутствия в этих батальонах,

они попадали в маршевые роты и везлись на фронт безоружными и совершенно необученными. Эти безоружные толпы являлись большой обузой в войсковых частях, ослабевший кадр которых не мог освоить и переработать этой сырой и тяжелой пищи. Они раздували численный состав частей, умножая количество едоков, но не увеличивая числа бойцов. Не получив ни военного воспитания, ни даже военного обучения, эти «ратники 2-го разряда» сразу попали в ад летних боев 1915 года. В этом вина Военного Ведомства».

«Если наши кровавые потери объясняются отсутствием боевого снаряжения, то причину огромного количества пленных в это лето 1915 года (до 400.000 нераненых) следует прежде всего искать в плохой организации пополнения войск, понижавшей их качество».

Тыл в 1915 году

Что же происходило в тылу?

Уже после того, как выяснилось для всех, что война затянется, Государственная Дума, собиравшаяся в январе 1915 г. на три дня, утвердила без возражений бюджетные предположения и Председатель Думы — Родзянко в обращении к Государю сказал: «Прими, Великий Государь, земной поклон народа своего! Народ Твой твердо верит, что отныне былому горю положен навеки прочный конец».

Между тем, первоначальное единение власти и общественности к середине лета испарилось совершенно.

Началась в общем нездоровая критика Правительства в неспособности к управлению, распространение панически-тревожных слухов, борьба за власть и даже подрыв авторитета Верховной власти. Почву для слухов в такое время, когда война и перемены в правительстве и командовании, нетрудно найти, тем более, что больных мест было действительно много для желающих шуметь, негодовать и критиковать.

Во всяком случае, шум поднимался не для того, чтобы общими силами спокойно продолжать поддерживать единый фронт борьбы с врагом, а для того, чтобы создать революционные брожения и настроения.

Во-первых, возникло так называемое Сухомлиновское дело об «измене». Недостаток снарядов особенно остро почувствовался во время весеннего и летнего наступления немцев и нашего отсту-

пления. Сначала в тылу, а затем уже и в армии начались разговоры, что тыловые генералы умышленно оставляют солдат без снарядов и винтовок. Вся тяжесть обвинений падала главным образом на Сухомлинова лично и его министерство. Он был уволен со своего поста и заменен ген. Поливановым. Против Сухомлинова было создано обвинение в «измене».

Дело это уже во время революции было передано в суд и он был признан виновным только в бездействии власти. Вина была, конечно, не в «измене» министра, а в общей системе назначений на ответственнейшие посты. Выбор таких лиц делал сам Государь под разными влияниями и впечатлениями, не умея хорошо разбираться в людях.

Гучков в Государственной Думе пытался поднять вопрос о несоответственных назначениях на должности в армии и военном и морском ведомствах, и вызвал только неудовольствие. Еще до Сухомлинова Военный Министр Редигер признался в Думе, что не все назначения удовлетворительны, и принужден был уйти в отставку за такое признание, как бы бросившее укор Монарху.

Относительно отступления наших войск летом 1915 г. и недостатка снарядов и патронов, я нахожу справедливым свидетельство ген. Ю. Данилова, главного распорядителя операциями в Ставке при Вел. Кн. Николае Николаевиче: «ходячее объяснение, что это (отступление — прим. автора) случилось из-за недостатка огнестрельных припасов и винтовок, слишком элементарно и, конечно, не покрывает вопроса. Я думаю, что, в качестве ответа, гораздо правильнее выдвинуть нашу общую неподготовленность к войне; неготовность вообще, а к наступательной войне в особенности. Россия, как мы видели, к 1914 году едва вышла из состояния своей почти полной беззащитности, созданной предшествующими событиями — несчастной войной 1904-1905 гг. и последовавшей за ней революцией. Для борьбы с западными соседями ее армия еще не была готовой». «Теоретически наш наступательный образ действий являлся крайне выигрышным, но он же должен был немедленно и ярко выявить все недочеты нашей военной системы и боевой и экономической подготовки. Так это и случилось в действительности».*)

Из личных воспоминаний за лето и осень 1915 г. у меня остался в памяти один эпизод, рисующий до некоторой степени настроение солдат при отступлении и отношение к слухам об «изме-

*) Ген. Ю. Н. Данилов. «Россия в Мировой войне 1914-1915 гг.»

не». На нашем участке фронта отступление началось только в начале августа; причем части не нуждались остро в снарядах. На Немане, севернее Гродно, я получил приказ начальника дивизии остаться у деревянного моста, построенного саперами, специально для корпуса, наблюсти за переходом через мост и указать саперам — поджечь мост лишь тогда, когда пройдут все части арьергарда до последнего дозора.

Соблюдался полный порядок. Проходит последняя тыловая застава. Слышен громкий смех, даже хохот, какие-то голоса одобрения. Слышу громкий веселый солдатский голос: «И вот, братцы, немцы уже два дня как записали нас на довольствие, а мы не даемся, утекаем...» Молодой офицер, оказавшийся командиром роты, доложил мне, что за мостом больше никого нет. На мой же вопрос, что такое рассказывал солдат, ответил, что среди солдат идут разговоры об измене в тылу, потому и отступаем. Тут же прибавил, что настроение в их частях отличное. Разговоры — развлекают; обвинения идут только на тыл.

Вероятно на других участках фронта настроение было хуже. Но всегда, в обстановке отступления, положение на фронте представляется для тыла — чем дольше — тем хуже. Наши вожди общественных организаций, члены Думы в это время начали изображать положение преувеличенно трагическим (говорить «страшные» слова о гибели, как отметил историк.)*). Дело дошло до того, что уже летом 1915 г. в частных собраниях говорилось о необходимости устранить Царя тем или иным переворотом. Очевидно представлялось, что это может пройти гладко, без потрясений, как замена одного высокого сановника на посту другим.

Далее, летом 1915 года произошел ряд событий, чрезвычайно важных для успеха всей работы внутри страны и на театре военных действий. Организованная для помощи армии еще в 1914 г. общественность, в лице Земского и Городского Союзов и Военно-Промышленного Комитета, работая на деньги, отпускаемые правительством, мало-помалу вступила как бы в конкуренцию с работой тыловых учреждений военного ведомства и, чем дальше, тем больше стала стремиться быть уже политической силой, явно враждебной правительству. Многие мероприятия этих Союзов были даже прямо вредными для Действующей Армии.

В Государственной Думе поднимались даже споры, кто больше

*) Мельгунов С. П. «На путях к дворцовому перевороту».

дал армии — общественные организации или правительственные органы.

Результаты работы организаций явно раздувались — не были столь блестящими, как писали и говорили, а между тем в этих организациях нашли убежище уклонявшиеся от службы в армии на фронте до 150.000 молодых людей (прозванных в Армии «земгусарами»). Принятые на службу в организации, иногда без наведения справок о прежней деятельности или принадлежности к политическим партиям, они были иногда в полном смысле «вредным элементом», когда попадали в прифронтовую полосу.

Летом 1915 г. в августе сорганизовался, так называемый «Прогрессивный Блок» из группы членов Государственной Думы и Государственного Совета с целью продолжения войны до победного конца, но при условии, что Верховная власть даст ответственное перед Думой министерство немедленно. Блок сначала работал с правительственными органами, но когда выяснилось отрицательное отношение Царя к домогательствам, переменил тактику на прямо оппозиционную.

В самом правительстве (Горемыкин) выявился полный разлад, особенно при вступлении Государя в командование войсками. Летом Совет Министров негодует на Ставку Верховного Главнокомандующего, особенно недоволен Начальником Штаба ген. Янушкевичем, с которым Вел. Кн. Николай Николаевич не желает расстаться. Генерал Янушкевич обвиняется в действиях, превышающих власть. Ставка, наоборот, негодует на Совет Министров, особенно на военное министерство. Царь находит выход — не задевая самолюбия дяди, вступает сам в командование войсками и вместо ген. Янушкевича назначает Начальником Штаба ген. Алексеева. Шаг этот устранил обвинения Ставки, но по существу был вредным для Правительства, которое претерпело в ближайшее же время большие изменения: ушли те министры, которые были против перемен в Командовании. Царь стал отдавать много времени Армии, лично объезжал войска, тогда как у министров начало входить в правило делать доклады не только Царю, но Царице, как посреднику. Как раз в это время английский историк Бернард Пэрес отметил, что влияет на новые назначения Распутин.

Думские круги, Члены Государственного Совета, представители общественности и партий видят эти факты и не находят ничего лучшего, как только говорить обвинительные речи и раздувать иногда ничтожные случаи, делать, так сказать, «из мухи слона». Не понимают, что они делают это во время войны, когда требует-

ся величайшая ответственность за свои слова, речи и действия. Они совершенно забыли уроки 1905 года, революционное движение, разложение в народной толще, внесенное им, и как трудно было справиться с восстаниями и бунтами в 1905-1906 гг. Забывают о немецких агентах, революционных деятелях, несомненно работающих в стране, особенно в Петрограде.

Недаром за границей, у наших союзников, при демократическом управлении, была введена почти диктатура премьеров правительств и английский премьер, при известиях о судьбе Сухомлинова, высказался, что русские чересчур смелы, когда, во время войны, решаются обвинять военного министра, поставленного Царем, в «измене» и требуют предания его суду.

Толща Армии, толща народная, наиболее потерпевшая от войны, наиболее страдающая, принесшая много жертв, оказалась более выдержанной: несмотря на потери и лишения, она осталась молчаливой силой для врага, готовой к дальнейшим испытаниям. Подвергать искушениям ее дух, возбуждать в нем разочарование и даже вражду и ненависть — было преступлением перед Родиной. Отрадным фактом в стране было то обстоятельство, что главный вопрос — снабжение армии снарядами перестало волновать. Уже в осенних операциях 1915 г. против немцев армия не чувствовала острого недостатка в снарядах.

В стране, в спешном порядке, развивалась военная промышленность, строились огромные военные заводы, расширялись и переоборудовались старые. Словом, спешно выполнялось то, что нужно было делать в мирное время. В дополнение к увеличивающемуся производству снарядов на своих заводах, уже в конце 1915 года Армия начала получать военное снаряжение из-за границы в возрастающих размерах.

То, что было сделано в 1915 году для развития своей военной промышленности, могло быть сделано гораздо раньше. Возможности были; были и знающие люди. Не было инициаторов, способных убедить вершителей судьбы страны в неотложной необходимости — избавиться от иностранной зависимости, да еще — вражеской.

IV

ТРЕТИЙ ГОД ВОЙНЫ (1916 г.)

Активность Русской Армии

В начале 1916 года армия уже не испытывала прежнего снарядного голода и в январе месяце нашими войсками на Кавказском фронте была взята турецкая крепость Эрзерум, что создало для нас чрезвычайно благоприятную обстановку для предполагавшихся операций Черноморского флота против турок.

Позиционная война позволяла обучать прибывающие пополнения в ближайшем тылу частей, что было использовано армией для лучшей подготовки армии к весне. В течение зимы и весны 1916 года с пополнениями влились сроки 16-17 гг., усилив значительно Действующую Армию. В запасных частях состояло до полутора миллиона человек. В течение 1916 года подлежали призыву срок 18 года и старшие сроки ратников ополчения, после чего людской запас от 19 до 43-х лет был исчерпан до призыва срока 19 года, т. е. 18-ти летних. Требовалось особо бережное отношение к личному составу (молодежь).

Противник на русском фронте не наступал. Все внимание его было сосредоточено на западе. На русском фронте были оставлены им части только для обороны. Русской армии приходилось предпринимать наступательные операции для отвлечения на себя австро-германских сил, по просьбам союзников. Нужно сказать, что наше правительство и высшее командование были чрезвычайно чувствительны к настояниям союзников об усилении активности, часто весьма эгоистическим, не считаясь с тем, готовы мы или не готовы, благоприятствует ли обстановка проведению операций или нет. Это было в 14-м году, это повторилось и в 1916 г., когда немцы, после пассивного 1915 года, перешли к активным операциям на Западном фронте.

У союзников вообще господствовало убеждение, что Россия имеет неисчерпаемые людские запасы, хотя, конечно, они знали о наших громадных потерях.

Первая операция предпринята была по просьбе французов для облегчения их тяжелого положения у Вердена. Начатая большими силами на нашем Западном фронте в начале марта, когда начиналось уже весеннее таяние снега, без серьезной подготовки, она кончилась полной неудачей с громадными потерями. И время, и место были выбраны неудачно (район озера Нарочь) и, пожалуй, самое главное, что незначительный местный успех пытались развить, когда началась уже распутица и пехота принуждена была действовать по лужам воды, или болотам.

Зато немцы ничего не могли снять с нашего фронта для усиления своих войск у Вердена и принуждены были прекратить свои атаки.

Вторая операция была предпринята по настойчивой просьбе итальянцев, до личного обращения Короля включительно к Государю: нужно было остановить успешное австрийское наступление против них.

Брусиловское наступление

Операция эта вылилась в так называемое Брусиловское наступление на Юго-Западном фронте. Наступление имело громадный успех: находившиеся против нас австро-венгерские армии были выведены из строя почти полностью. Чтобы спасти положение, немцам пришлось спешно перебросить до 700.000 тысяч человек, сняв их с итальянского и французского фронтов и притянуть даже две турецкие дивизии.

Положение на итальянском фронте было спасено, а на западном фронте обеспечено от немецкой активности. Для нас же большие успехи не принесли сколько-нибудь значительных стратегических выгод, но стоили огромных потерь, (Пиррова победа по определению одного иностранного историка*), так как к августу месяцу разбитые австрийцы были заменены немцами и дальнейшие атаки, стоившие русским огромных жертв, уже были безрезультатными, в особенности, когда они велись повторно на реке Стоход. Здесь особенно пострадали части гвардии. В армии **впервые** были случаи отказа целых полков исполнить приказ об атаке противника.

Активность для помощи союзникам в 1916 году обошлась русской армии сверхдорого — в два миллиона человек, что сводило на нет успехи и что отмечалось в печати. Это были победы

---

*) Hanson W. Baldwin.

«большою кровью» без больших стратегических результатов. Они давали пищу для обвинения «генералов» в умышленном истреблении солдат и особенно гвардейских частей, хотя во главе войск стоял Государь.

В августе 1916 г. в войну против Австрии вступила Румыния. Первые же операции румынской армии были совершенно неудачными; свежая армия не выдержала удара германской армии и нам скоро пришлось наскоро создавать Румынский фронт выделением для него нескольких корпусов. Выступление Румынии для нас было совершенно невыгодным; на нем настаивали и добились согласия союзники.

Осень третьего года войны по настроениям в армии и в тылу была более тяжелой, чем прошедшие. Остро чувствовались и угнетали сведения о потерях. Фронт застыл на занимавшейся линии, но не затихали бои кровопролитные и изматывающие.

Как известно теперь, у противника положение было много хуже, чем у нас: австро-венгерская армия была уже совершенно неспособна продолжать войну; Германия — уже не могла усиливать числа своих дивизий, так как людской запас у нее был совершенно исчерпан, производительность снабжения упала наполовину из-за недостатка сырья. Население центральных держав голодало.

Немецкое главное командование (Гинденбург и Людендорф) смотрели на перспективы 1917 года весьма пессимистически.

Людендорф в своих воспоминаниях, например, отметил, что у него не было надежды, что кто-либо из противников отпадет, выйдет из игры, и что мораль немцев совершенно подорвана недостаточным питанием. В другом месте он говорит, что прямая пропаганда на русском фронте дает очень малый эффект.*)

Как известно в настоящее время документально, немцы с осени 1914 года начали широкую шпионскую тайную работу в России и Финляндии. В марте 1915 года был принят план считать Петроград главной квартирой революционной пропаганды; в сентябре же этого года за границей были начаты переговоры с Лениным об участии в пропаганде большевиков. Отмечено, что русские сначала неохотно шли на переговоры и смотрели на предложения с подозрением. В общем, в конце концов работа была налажена. Кроме пораженческой и революционной пропаганды велась работа по поддержке сепаратных течений.

---

*) Alan Moorehead.

Итоги 1916 года

1916 год кончился. Положение армии в смысле снабжения улучшилось. Не улучшилось зато общее положение. К осени 1916 года тяготы войны ощущались уже всем населением России. Особенно сильно они чувствовались необеспеченными классами, деревней и рабочими. Мобилизация вычерпала до 15 миллионов взрослых мужчин, не считая двух с половиной миллионов, которые были заняты работой, необходимой для обороны на заводах, в шахтах, на железных дорогах, при «общественных организациях» и т. д. Последний призыв взял в армию 19-ти и 43-х летних; ожидался призыв 18-ти летних. В сельском хозяйстве начались ощущаться недостаток рабочих рук. Продовольственное положение еще оставалось сносным — не только армия не испытывала затруднений в снабжении, но и в тылу не ощущалось остро недостатка съестных припасов: если и случались затруднения в снабжении в крупных центрах, то из-за недостатков в работе транспорта. Но цены в городах начинали быстро расти и в населении возник и распространялся страх, как бы зимой не пришлось голодать.

Однако узел ухудшения положения лежал в это время не в армии и не в снабжении войск. Он лежал во внутреннем положении, в общей усталости от войны и, главным образом, в направлении заявязавшейся еще в 1915 году борьбы Государственной Думы, общественных организаций, революционных групп с правительством и Верховною властью Государя Императора.

И самое страшное, кроме этого, в охвативших городские массы настроениях — психически больных, когда принимают на веру и распространяются с охотой ложные, панические, разлагающие слухи.

Что касается направления завязавшейся в 1915 году борьбы за власть, то оно приняло характер травли правительства с распространением слухов об измене в верхах управления, о поисках сепаратного мира, о работе темных сил в пользу Германии — все это с определенной целью добиться сначала министерства доверия, позже ответственного Министерства перед двумя палатами: Государственной Думой и Государственным Советом.

Все это требовалось, чтобы «довести войну до *победного* конца». Правительство с Думской кафедры поносилось, объявлялось негодным и даже нечестным.*) Съезды общественных орга-

---

*) Милюков. Речь в Думе 1-го ноября.

низаций 1916 г. выносили резолюции, которые своим содержанием революционизировали страну больше, чем какие-либо политические забастовки. Проникая в армию, эти резолюции действовали не только на рядовую массу офицерства, но и на высший командный состав.

Не сознавая ясно, россияне приближались к потрясениям, которых Царь так страшился при объявлении войны. Потрясения, на этот раз, готовили не те, о которых Столыпин говорил: «вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» Революционные настроения шли не во имя Маркса, а во имя «победного конца» от Думы, от Земгора, даже от Государственного Совета. Как они мыслили победить — неизвестно. Но определенно уже, — сведя на нет власть Царя. Он мешал...

V

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ВОЙНЫ (1917 г.)

Армия накануне Февральской революции

Русская Действующая Армия накануне Февральской революции 1917 года с ее тылами занимала широкую полосу, которая тянулась на две тысячи верст от Балтийского моря через Ригу, Двинск, Барановичи, Пинск, Дубно, Тарнополь к Карпатам и через Румынию к Черному морю. Вся полоса делилась на четыре фронта (группы армий): Северный — ген. Рузский, Западный — ген. Эверт, Юго-Западный — ген. Брусилов и Румынский — ген. Сахаров. Ставка (Штаб) Верховного Главнокомандующего — Начальник Штаба ген. Алексеев — располагалась в Могилеве на Днепре. В Азии действовала на отлете Кавказская Отдельная Армия (Вел. Князь Николай Николаевич). Армия с тылами насчитывала около восьми миллионов человек. На фронте находилось 68 армейских корпусов и девять кавалерийских. Против них насчитывалось 157 пехотных и 30 кавалерийских дивизий противника — около половины всех сил его, действовавших на европейских и азиатских фронтах. Русские силы по видимости были внушительны, также как и находившиеся против них силы врага. Но за два с половиной года войны в личном составе нашей армии произошли громадные изменения, особенно в пехоте — наиболее многочисленном роде войск.

В сравнительно благополучном состоянии в смысле изменений находился старший командный состав — потери были не столь велики, война способствовала подбору удовлетворительного состава (профессионально) на должности от командиров полков и выше. Офицеры, вышедшие на войну полковниками, прошедшие опытную тяжелую школу, занимали должности начальников дивизий и выше, были стержнем всего командного состава. Все слабое по подготовке и физическим силам, по качеству, отсеялось. В среднем же и, в особенности, в низшем офицерском командном составе положение было иное. В армии мирного времени насчитывалось всего около 30.000 офицеров (кадры); в 1917 же году в

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
1914-1918 г.г.
0 150 300 км.
Швеция
Финляндия
Финский зал.
Балтийское море
Псков
Рига
Двинск
Двина
Москва
Ковно
Кенигсб.
Вост. Пруссия
Вильно
Неман
Смоленск
Могилев.
Варшава
Брест Лит.
Пинск
Гомель
Днепр
Ровно
Линия немецкой оккупации
Львов.
Брусилов. наступление 1916 г.
Киев
Австро Венгрия
Украина
Ростов
Румыния
Азовское море
Крым
Сербия
Болгария
Черное море

действующей армии и ее тылах численность достигала 200.000 человек; в запасных частях и глубоком тылу в разных учреждениях до 50.000. За время войны потери в офицерском составе превосходили 60.000 человек. Из этого ясно, что кадры мирного времени к 17 году были почти исчерпаны и средний и младший командный состав был совершенно иной, чем в начале войны.

Исключительно громадная потребность в офицерах заставила брать для прохождения курсов военного времени уже во второй год войны всех, кто по своему образованию хоть сколько-нибудь мог усвоить ускоренную подготовку к службе офицера. Офицерский состав в пехоте все более и более забирал в себя всю молодежь с самой разнообразной школьной подготовкой. Многим из этих офицеров были знакомы, более чем кадровым офицерам, революционные течения и многие были даже причастны к ним.

Что касается солдатского состава армии, то в кавалерии сохранилась значительная часть кадрового состава, с которым полки выступили на войну. То же самое было в артиллерии. В пехоте же, представляющей главную массу армии, картина была совсем иная — из ее состава выбыли почти все кадровые офицеры, унтер-офицеры и рядовые и она превратилась в ополченскую многомиллионную массу крестьян и рабочих, одетых в форменную одежду, не получивших должной подготовки до отправления в армию.

Весьма трудно дать определенное заключение о моральном состоянии и офицерского состава и всей массы солдатского, даже теперь, при наличии большой литературы о войне. Можно согласиться с выводами историка Царствования Императора Николая II — С. С. Ольденбурга: «Армия, в которой почти не оставалось старых кадров, держалась даже не традицией, а тенью традиций. Подавляющее большинство низшего командного состава образовали офицеры военного времени — молодые люди из интеллигенции и полуинтеллигенции, — наскоро окончившие военные училища. Но дух Воинского Устава, дух старой Царской Армии был крепок; даже тень традиции оказывалась достаточной, чтобы поддерживать дисциплину в восьмимиллионной массе». Правильнее было бы сказать — «дух держался», а не «был крепок». Такой дух требовал особенно заботливого, бережного отношения и неукоснительного поддержания дисциплины.

Английский историк Бернард Пэрэс из посещения боевых линий в Румынии в конце 1916 г. так передает свои впечатления: «Офицеры разделяли абсолютно все лишения со своими солдатами. Эта армия очень сильно отличалась от регулярной в начале

войны, но она была одной большой семьей в полном смысле этого слова. Факт жизни вместе в условиях постоянной опасности с поощрением инициативы и храбрости сам по себе вел к этому. И, казалось, что этот дух сотрудничества между офицерами и солдатами может быть действительным большим вкладом в будущее». Это было совершенно естественно, т. к. у молодых офицеров и солдат было одно желание, чтобы война поскорее кончилась. Даже в этой отдаленной части фронта считалось тогда, что снабжение огнеприпасами было на уровне с австрийским и немного позади германского.

Мои личные воспоминания, относящиеся к началу 1917 г. (Первая армия на Западном фронте). На фронте царило затишье. Укрепленная полоса была хорошо оборудована и условия размещения войск в этой полосе не были тягостными для жизни. Тыловые учреждения работали хорошо. Текла обычная армейская жизнь с ежедневными заботами, развлечениями, невзгодами и случайными недоразумениями. О петроградской жизни знали больше от приезжих, да из запаздывавших газет. Иногда передавались новости из штаба фронта вместе со сводками о действиях и другие. Никаких разговоров о революции или заговорах. Переживания 1915 года отошли в прошлое и забывались. Прежние толки и слухи затихли, а если кем-нибудь вспоминались, то как анекдоты. Слышали и о Распутине, но то было в «гнилом тылу». Когда случайно кто-нибудь выражал опасение революции, то слышалось: «только не во время войны».

Основной вопрос, сыгравший такую громадную печальную роль летом 1917 года — как взаимоотношения офицеров и солдат, воинская дисциплина, абсолютно отсутствовали. Все не выходило из нормальной жизни на войне. Но само собою разумеется понимали, что Армию надо беречь, что она не та, что была в начале войны.

От устойчивости фронта до начала предполагаемых весной активных действий зависела судьба войны, судьба России и казалось, что все в армии, от солдата до генерала сознают это и работают для успеха. Если и были иначе думавшие, то они молчали.

Высший командный состав верил, что 1917 год — решающий год, что противник дальше не может выдержать. Ожидали успеха, лишь бы выдержал тыл то напряжение, которое в конце 1916 года уже ощущала вся страна. Командование знало недостатки армейского тыла, сильно разросшегося после 1915 года в связи с появлением во фронтовой полосе учреждений общественных организа-

ций, и боролось с ними. Больше всего беспокоил глубокий тыл и, в особенности, Петроград — главный правительственный нерв — по создавшейся в нем специфически нездоровой и неблагоприятной обстановке, имевшей свое начало еще летом 1915 года, со времени принятия Государем на себя Верховного Командования и с тех пор не улучшавшейся, а осенью 1916 года ставшей угрожающей.

Ясного представления о положении и предвидения будущего не было. В свете того, что в настоящее время нам известно о событиях 1917-1918 гг., надежды были чересчур оптимистичными, но во всяком случае семнадцатый год для нас был бы благополучным *при строгом поддержании дисциплины*. Надо было быть только более бережливыми (скупыми) в смысле расходования живой силы, так как в 17-году можно было рассчитывать только на призыв срока 19 года, т. е. 18-тилетних.

Немцы, несмотря на полное истощение сил и средств, как известно, смогли в 17 году удержаться на Западном фронте, а на русском организовать даже два удара — один в районе Тарнополя и другой в районе Риги. В 18-м же году они даже снова угрожали Парижу. Положение союзников было спасено прибытием свежих американских войск.

Правда, в 1917 году немцам, в отношении продовольствия, помогли неудачи румын. Из Румынии они выкачали все, что было возможно. В 1918 же году, после Брестского договора, они сразу же двинулись на юг России через Украину, где еще можно было получить продовольствие.

Во всяком случае, если говорить об армии в целом, то даже в сильно измененном, как выше говорилось, составе и при всех недостатках, это был живой организм, больной только одной болезнью: хотели скорейшего окончания войны все, не исключая и офицерства.

Пораженческого духа не замечалось. Даже офицерство, впоследствии выявившее себя революционерами, исправно несло службу.

Петроград накануне Февральской революции

Столицы, большие города, давали стране тон настроений; в 1916-1917 гг. Петроград был наиболее опасным, неблагополучным местом тыла. В Петрограде не хотели революции, но на нее работали и при том работали усердно не столько профессиональные

революционеры, сколько «патриоты» всех рангов и кругов.

Заседавшая в столице Государственная Дума, в лице создавшегося в 1915 г. «Прогрессивного блока», с ноября 1916 года перешла в решительную атаку на Царское правительство, обвиняя его в неспособности довести войну благополучно до конца. «Штурмовой сигнал» был подан в Думе лидером ка-де Милюковым. В своей речи 1-го ноября он намеками и вопросами дал понять, что измена, возможно, гнездится у трона. Безответственная речь разрушала последний национальный авторитет царского имени. Нравственный авторитет был подорван злостной пропагандой об отношении к Распутину Царской Семьи, непонятным и неприемлемым для широкой публики, тем более, что в дополнение к его репутации была пущена ложь, что он немецкий шпион.

Правительство, ввиду частых перемен в своем личном составе, не чувствовало твердой почвы под ногами, а новый состав, после убийства Распутина, просто плыл апатично по течению. Государь не отталкивался совершенно от Думы, не принимая решительных мер против вопиюще вредных выступлений, продолжая надеяться, что она не встанет на путь революции во время войны. Вместе с тем, он упорно не соглашался на перемены в порядке государственного управления, которых добивалась Дума, вернее так называемый прогрессивный блок ее.

В городе, с населением около двух миллионов, было около 400.000 рабочих на заводах и фабриках, среди которых распространялись пораженческие идеи, а среди низшего городского населения распространялись слухи о возможном голоде зимой из-за разрухи в транспорте и проч. Экономическое положение массы населения, несмотря на огромное увеличение заработной платы, было чрезвычайно тяжелым. Всякий перебой в подвозе по железной дороге продовольствия порождал тревогу за завтрашний день и служил поводом к возникновению волнений и беспорядков.

Среди рабочих и солдат работали агенты ячеек профессиональных революционеров циммервальдцев, а также агенты Ленина и немцев. Ко всему этому нужно добавить, что к январю 1917 года, была создана очень важная организация — так называемый ВИКЖЕЛЬ (Всероссийский Исполнительный Комитет жел. дорог), несомненно при участии революционных партий.

Казармы в столице и ближайщих окрестностях были переполнены солдатами запасных батальонов, частью обученными, частью еще молодыми новобранцами. В составе запасных гвардейских батальонов были призванные из рабочих Петроградских

фабрик и заводов, уже зараженные идеей циммервальдцев о немедленном мире. Всего в запасных батальонах района Петрограда насчитывалось до 160.000 человек, а всего в России до 800 тысяч, с последним призывом 18-ти летних, при недостаточном количестве кадрового командного состава. Пропаганда против продолжения войны, особенно в Петрограде, делала свое дело; мечтой большинства обученных солдат становилось: как бы избежать отправки на фронт, где весной придется идти в бой.

Петроградский военный округ, ввиду нахождения в столице правительства и иностранных посольств, не был подчинен Главнокомандующему Северным фронтом. Командующий округом ген. Хабалов на случай беспорядков не имел достаточно сильных подготовленных частей и сам по себе не был человеком решительным. Полицейские же силы насчитывали всего около 3500 городовых.

Служилый класс, городская интеллигенция, торговцы жили слухами о близких неминуемых переменах власти. Ходили слухи о готовящихся дворцовых переворотах, в разных вариантах. Основания для слухов, как теперь известно, были (из показаний Гучкова и др.), но планы не получили осуществления. Даже среди членов Императорского Дома открыто велись об этом разговоры, причем некоторые члены Дома боялись переворота в пользу вел. кн. Николая Николаевича. Никто не видел или не хотел видеть того хаоса, который несли какие бы то ни было перевороты во время войны.

Казалось бы, что при такой угрожающей обстановке, которая была известна и Государю и Штабу Верховного Главнокомандующего, напрашивалось введение диктатуры в тылу, особенно в Петрограде. Мы знаем, что даже в государствах с парламентами временно терпелась диктатура премьеров (Франция, Англия). Раз Государственная Дума стала открыто на путь уничтожения авторитета Верховной власти, раз она в разгаре страстей не хотела видеть, что работает уже на революцию и не хочет стать на ту точку, что для успешного окончания войны нельзя не только ломать, а даже менять неудовлетворительный, но привычный порядок управления государством, она должна быть поставленной на должное место или распущена. Властного слова сказано не было никем. Как правило, Русская Армия не вмешивалась в политику, но еще летом 1916 года Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего ген. Алексеевым, в виду угрожающего катастрофой положения в тылу, а особенно в Петрограде, был представлен Государю доклад, в котором предлагалось принять один из

двух путей для выхода из тяжелого положения: или дарование **сверху** «ответственного министерства» или назначение диктатором в тылу доверенного лица, при чем лицом этим указывался Вел. Кн. Сергей Михайлович, известный деловитым, сильным характером. Государь остановился на диктатуре, но проект вызвал возражения с двух противоположных сторон: со стороны премьера правительства Штюрмера и со стороны Председателя Государственной Думы — Родзянко. Оба постарались личным доводами через Государыню похоронить проект. Родзянко видел в докладе умаление престижа Думы и своего; Штюрмер — своего и вместо диктатуры. Государем было утверждено постановление Совета Министров «о возложении на Председателя Совета Министров объединения мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». Короче говоря: все осталось без перемен.

После похорон проекта ген. Алексеева о диктатуре, он докладывал Государю об опасности направления в запасные батальоны столицы призываемых в войска рабочих (вооруженной силы для революции) и получил указание не вмешиваться в чужой круг деятельности. Видимо была вера в Протопопова. Верхи командования знали об опасности, боялись революции, но в общем не решались стать на путь самостоятельного предупреждения Думы и общественности, считая Думу понимающей положение. А между тем, нужно было добиваться от Думы одного: до окончания войны не требовать никаких капитальных перемен, независимо от недостатков и ошибок Верховной власти.

Ничего в этом отношении не было сделано и все старания Думы были направлены к тому, чтобы Государь пошел на уступки и передал действительную власть лицам, «облеченным доверием всей страны» и т. д., то есть тем, которые впоследствии оказались и слабыми и совершенно неспособными к управлению.

При таком положении в столице нарастало то психологическое состояние, при котором развились последующие события. Доклады Департамента полиции в январе месяце 1917 года освещали положение правильно и предсказания его почти целиком оправдались. Они указывали, что политический момент напоминает канун 1905 года, когда все началось с вынесения различных резких резолюций, затем беспорядками и террористическими актами. Указывали, что либеральная буржуазия верит, что правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту своих функций в руки кадет, в лице лидируемого ими Прогрессивного блока, и тогда на Руси «все образуется». Левые

же упорно утверждали, что наша власть зарвалась, на уступки ни в коем случае не пойдет и, не оценивая в должной мере создавшуюся обстановку, логически, должна привести страну к неизбежным переживаниям, стихийной и даже анархической революции, когда уже не будет времени, ни места, ни оснований для осуществления кадетских вожделений и когда, по их убеждениям, и создастся почва для «превращения России в свободное от царизма государство, построенное на новых социальных основах.»

В докладах были и более детальные предсказания, с указанием действующих лиц и групп. Все такие доклады оставалялись без внимания, так как Протопопов, назначенный Министром Внутренних Дел, считал их паническими и уверял Царицу и через нее Царя, что в силах справиться с беспорядками, в случае их возникновения. Убийство Распутина не изменило к лучшему положения.

Дни Февральской Революции

Дни 26-го февраля — 3-го марта по ст. ст. известны как дни «ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Несомненно, что до сих пор еще некоторые подробности событий остаются не открытыми, несмотря на большую литературу на русском и иностранных языках. Исключительный интерес представляют данные о переживаниях Государя в поезде на пути из Ставки в Псков, разговоры с Рузским 1-го марта до поздней ночи и утром 2-го марта. Имеется внешнее поверхностное изображение, но изображения более глубокого нет.

Из всего вороха материалов видно, что, оставляя Ставку, Государь не доверял паническим докладам. Для него было непонятно явление «чудища» во всем хаосе. У него была вера, что все уладится при встрече с Родзянко и небольшой уступке домогательствам думских вожаков. На это указывает ожидание Родзянко на ст. Дно и его сопротивление Руэскому на требование ответственного министерства перед палатами. А Рузский в конце разговора удовлетворен — добился!

Сокрытие Родзянкой от Ставки и Рузского истинного положения (организация в стенах Думы Совета р. и с. д.) — несомненно — обман!

Революции в Государственной Думе не ожидали, как писал о том после Милюков. Ожидали уступок от власти и в предвидении их распределяли посты.

Она пришла нежданно и не в виде дворцового переворота,

после которого все осталось бы на месте, только произошла бы смена лиц.

Она пришла, как разрушивший в столице порядок, разгул взбунтовавшихся солдат и рабочих, как стихийное движение черни; весь хаос бесплодно пытался взять в руки Временный Комитет Членов Государственной Думы, а в действительности успели в этом организаторы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Все произошло и пошло так, как предсказывалось и как надо было ожидать, при стечении всех неблагоприятных для власти и Думы обстоятельств. Одно слово «революция» панически действовало, парализуя волю почти всех.

Беспорядки и волнения, начавшиеся 23 февраля, на почве недостатка продуктов питания и против других затруднений, вызванных войной, сначала без каких-либо политических лозунгов, разрастаясь, привели, при хаотических действиях власти, к солдатскому бунту 27 февраля и к возглавлению бунта членами Государственной Думы, во главе с Председателем Думы Родзянко и, в дальнейшем, к отречению от престола Императора Николая II-го во Пскове 2-го марта в пользу своего брата. Дальше — 3-го марта — к отказу последнего от вступления на престол до Учредительного Собрания, то есть к отказу признать обязательной волю отрекшегося Императора.

Петроградский мятеж или бунт, как мы теперь знаем, мог быть подавлен только экстренными мерами со стороны Главного Командования Действующей Армии, не ожидая указаний Царя. Вся масса действующей армии, только в первых числах марта была поставлена перед совершившимся фактом перемен грандиозного значения. Она не знала о событиях в Петрограде и Пскове. Действующими лицами являлись только самые высшие начальники, которые, оберегая армию от проникновения в нее тревожных сведений, посчитали невозможным призвать части армии к действиям, означающим гражданскую войну в тылу, перед лицом стоящего перед фронтом противника, — без прямого приказа. Сделанные в критический день мятежа — 27 февраля — Ставкой распоряжения об отправке войск к Петрограду под начальством ген. Иванова (по выбору Государя) и характер полученных им от Государя директив показывают, что и Государь, избегая гражданской войны, был против решительных мер.

Читая же в то время официальные извещения о событиях, передаваемые в Штаб армии по Юзу, можно было предположить, что события хотя и неожиданные и ошеломляющие, идут как

бы правовым путем. После оповещения об образовании 27 февраля Временного Комитета Государственной Думы, будто бы только для водворения порядка в столице, стало известно, что 2-го марта Государь объявил о своем добровольном отречении от престола в пользу своего брата Вел. Кн. Михаила Александровича и что последний 3-го марта объявил народу, что он примет власть только в случае, если на вступление его на престол будет выражена воля всего народа, через его представителей, созванных на специальное Учредительное Собрание. До тех пор Вел. Кн. призывал всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству.

В этих двух последних документах, обнародованных широко, характерно для всех последующих событий было то, что перемена в Верховном управлении страной последовала *как бы* в тесном контакте и при обоюдном согласии между Верховной властью Государя и Государственной Думы, во имя блага народа и государства.

По всем этим обстоятельствам, в первые дни после всех необычайно важных известий и о создании Временного Правительства, масса русского офицерства сравнительно спокойно приняла новый порядок. Она поверила заявлениям о том, что целью совершившегося переворота является стремление обеспечить России возможность довести войну до победного конца. В этом убеждении утверждали всех слова манифеста отрекшегося от престола Императора, а также приказ Вел. Кн. Николая Николаевича, ехавшего с Кавказа принимать вновь верховное командование воруженными силами, о том, что он признал новую власть и призывает всех воинов к повиновению ей через своих прямых начальников. И Государь, и Вел. Князь были в великом заблуждении. В первые дни, видимо, даже Ставка не знала, что произошло.

Надо считать, что Армия видела в происшедшем только переворот (не революцию), который был принят как смена людей у власти. Командный состав Армии и Флота без протеста, без сопротивления принял его и ожидал, что военные порядки не меняются и что Временное Правительство сможет выполнить свой долг.

Но кроме высшего и среднего состава в командовании, кроме разнообразной усталой офицерской рядовой массы, армия состояла из многомиллионной толщи крестьян и рабочих, как было сказано раньше, переодетых в военную форму; эта масса только присутствовала при развертывании событий и молчала в ошелом-

лении. У нее были свои думы и желания. Она поняла, что власть Царя заменена противниками его, но что эта новая власть даст солдатам и деревне? Новая власть пока призывает к подчинению начальникам и дисциплине во имя победы над немцами, т. е. к старому, а у них, у большинства, прежде всего, царила одна мысль: как бы эта война поскорее кончилась!

Скоро, очень скоро, вся эта масса была выведена из своего пассивного, молчаливого состояния. «Свобода, довольно повоевали!»

От Февраля к Октябрю

Очень скоро стали поступать в Армию на фронт первые, более-менее подробные, известия о сущности действительных событий в Петрограде, которые заставляли задуматься над положением в самом центре управления страной и задавать тревожно вопрос: «Камо грядеши?» Временное Правительство имеется, оно требует от командного состава работы, поддержания дисциплины, но почему в первой своей декларации дано обещание не разоружать и не посылать на фронт части Петроградского гарнизона, принимавшие участие в революционном выступлении, иначе говоря, в бунте; почему в Петрограде выпущен какой-то приказ номер первый, вводящий новые порядки во взаимоотношения солдат и офицеров, явно направленный против офицеров? Почему были и продолжаются зверские убийства офицеров? И, наконец, почему арестован отказавшийся от престола Царь с Семьей; почему он в печати не называется «отрекшийся», а «свергнутый» и почему не вступил в командование войсками Вел. Кн. Николай Николаевич?

Скоро стало доподлинно известно и то, что скрывалось от армии и широкой публики: что одновременно с появлением на революционную сцену Временного Комитета Государственной Думы 27 февраля в стенах Думы, в другой половине, левыми революционными вожаками — социалистами был спешно организован Совет Рабочих и Солдатских депутатов по образцу Совета 1905 года, и что он-то и распоряжается Петроградским гарнизоном, а Временное Правительство совсем не хозяин положения, а только ширма, временно нужная Совету. Временное же Правительство принуждено мириться со своим положением и помирилось даже с появлением приказа номер первый, изданного для Петрограда Советом самовольно и проникшего в армию в обход

командования. Этот приказ был принят солдатской массой охотно, как разрешение на безначалие и своеволие.

Одновременно с выпуском приказа, Совет направил в Армию делегации Петроградских рабочих — на бумаге для подъема настроения солдатской массы, а в действительности для хвастливых рассказов, как в Петрограде они расправлялись с «буржуями» и как в Кронштадте и Гельсингфорсе матросы и солдаты расправлялись с офицерами.

Стало понятно, что рядом в центре существуют две власти: *одна*, на виду у всех, взывает о необходимости продолжать войну до победного конца; *другая*, за ширмой первой, имея в руках части гарнизона и увеличивая свой состав за счет дезертиров с боевого фронта, стремится побороть все препятствия на пути углубления революции, т. е. разрушить прежде всего дисциплину в войсках. Для такой цели все средства хороши.

Скоро появились во время разных демонстраций и приводили в недоумение и к недоразумениям знаменитые лозунги социалистов: «мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов.»

Два полюса — Временное Правительство и Совет Р. и С. Депутатов. Армия вначале еще надеется, что Временное Правительство, имея Главнокомандующим в Петрограде генерала Корнилова, приведет в порядок гарнизон и утвердит краеугольный камень основания армии — сохранение дисциплины.

Увы! позиции сдаются одна за другой Совету. Увольняются военным Министром Гучковым до 150-ти старших начальников по какому-то неведомому списку; среди уволенных только незначительное число не удовлетворяющих занимаемым должностям.

В это время присоединились к союзникам С. Ш. А., но в 1917 году американцы ограничились действиями флота против немецких субмарин и только в следующем году они начали перевозить на Западный фронт сформированные за зиму пехотные дивизии.

В мае месяце в Армии уже явные признаки анархии. Некоторые части, особенно вновь сформированные зимой пехотные «Гуркинские»дивизии, не подчиняются приказам о перемещениях или о смене других частей на позициях; с благословения командования происходят армейские съезды, на которых произносятся еще хорошие и горячие слова офицерами и унтер-офицерами, но уже появляются как из под земли «ораторы» от пар-

тийных фракций и даже большевики, которые открыто говорят, что пора «втыкать штыки в землю» и «по домам». По инициативе группы офицеров при Ставке Верховного Главнокомандующего созывается в Могилеве съезд офицеров; созыв его вызвал горячие дискуссии в офицерской среде, как на специальных собраниях, так и в застольных разговорах. Офицерство разделилось: одна часть была за посылку представителей на съезд и организацию особого Союза офицеров; другая часть за то, чтобы никого не посылать, чтобы избежать обвинений в контр-революции, и третья за организацию особого союза офицеров и солдат вместе. Съезд офицерский состоялся; на нем были откровенно высказаны офицерами мнения о состоянии армии. Никаких контрреволюционных речей не было, говорилось лишь откровенно о тревоге за Армию; тем не менее это была одна из причин смещения ген. Алексеева с поста Верховного Главнокомандующего.

Чтобы сделать внушительный доклад о положении Армии и убедить правительство в гибельности и приказа номер первый и в замене его разработанной в военном министерстве декларации прав солдат, Петроград посетили одновременно все главнокомандующие фронтами во главе с ген. Алексеевым, и 4 мая на соединенном заседании Временного Правительства и Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д. один за другим (Алексеев, Брусилов, А. Драгомиров, Щербачев, Гурко) откровенно доложили, что Армия на краю гибели и что нужны срочные меры для восстановления авторитета командного состава. На слова ген. Гурко, что нужно остановить разложение немедленно, выступил с возражениями один из редакторов приказа «номер первый» — Скобелев: «Я считаю необходимым разъяснить обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились(?), что основания для этого были. Необходимо сказать правду, мероприятия командного состава привели к тому, что за два с половиной месяца армия *не уразумела* происшедшего переворота..... Мы возлагаем надежды на нового *военного министра* и надеемся, что министр революционер продолжит нашу работу и ускорит мозговой процесс революции в тех головах, в которых он протекает слишком медленно.»

Военный и морской министр Керенский, только что заменив-

ший ушедшего с поста Гучкова, заявил после этого, что «ответственность мы берем на себя, но получаем право вести армию и указывать ей путь дальнейшего развития.»

Председатель правительства кн. Львов поблагодарил приехавших генералов, сказал, что цели у всех одни и те же, что каждый выполнит свой долг до конца, и генералы уехали на фронт.

Результаты: Доклад состоялся 4-го мая, Алексеев смещен и заменен Брусиловым через несколько дней, а 9 мая была объявлена декларация прав солдата, которую Командование считало гибельной, а ген. Алексеев отказался даже обсуждать. Речи старших начальников были признаны Советом контрреволюционными. На первом месте стояли — развитие революционности, защита завоеваний революции.

После этих докладов главнокомандующих положение, казалось бы, надо признать безнадежным. Но новый Верховный Главнокомандующий ген. Брусилов и Начальник Штаба — ген. Деникин возлагали надежды на то, что предположенное ранее наступление на всем фронте *при успехе* может спасти армию от разложения и принимали все меры к тому, чтобы подготовка к нему была закончена поскорее. Успех наступления был в это время уже сомнительным. Гораздо правильнее было воздержаться от него и не подвергать всю пассивную массу испытаниям. По принятым на совещании с союзниками условиям, русская армия должна была перейти в наступление весной, не позже как через три недели после наступления союзников. Между тем, в середине мая наступление, начатое на французском фронте окончилось неудачей и поэтому у нас даже был повод не начинать наступления, так как оно оказалось бы изолированной операцией. Еще в начале весны генерал Алексеев, ввиду появившихся в армии признаков разложения, считал, что раньше половины июля союзники рассчитывать на наше наступление не могут.

Надежды на перемены к лучшему не оправдались. Несмотря на объезды фронта и горячие патриотические речи Керенского, несмотря на героические примеры созданных ударных частей и батальонов смерти, несмотря на мощный огонь артиллерии, разрушавшей укрепления и окопы противника, наступление, начатое 18 июня, успеха не имело. На некоторых участках наступление сначала имело короткий успех, но затем небольшой нажим противника повел к отступлению в беспорядке армию Корнилова. Начатый же в это время контрудар немцев привел к ка-

тастрофе армию в районе Тарнополя (Тарнопольский разгром).

Об этой катастрофе уже не Штабы только, а Комиссары Юго-Западного фронта телеграфировали правительству: «Начавшееся 6-го июля немецкое наступление на фронте XI армии разрастается в неимоверное бедствие, угрожающее быть может гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперед геройскими усилиями меньшинства, определился резкий и гигантский перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи и убеждения потеряли силу — на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Положение требует самых серьезных мер... Сегодня Главнокомандующим, с согласия комиссаров и комитетов, отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду, содрогнется и найдет в себе решимость обрушиться на всех, кто малодушием губит Россию и революцию».

Последняя фраза телеграммы направлена была, как видим, не по надлежащему направлению. Больше всего виновен был «Главнокомандующий» и его советники. Моральный авторитет высшего и среднего командного состава был подорван двойственной политикой высшей власти и, не поддержанный, упал совершенно. Во время наступления ясно выявилось озлобление массы солдат на ударные образцовые части и на всякий смелый призыв или напоминание о дисциплине; из строя выбыли как раз те элементы, на которых можно было опираться для водворения порядка в армии.

Тарнопольский разгром произвел громадное впечатление и в армии и в тылу. К нему прибавилось выступление большевиков в Петрограде для захвата власти, правда, легко подавленное, но тем не менее показавшее истинные цели большевиков и их связь с немецким ген. штабом. Вожаки — Ленин бежал, а Троцкий был арестован, но скоро освобожден под давлением Совета Р. и С. Д. В Правительстве произошли в третий раз перемены: ушел с поста министра-председателя кн. Львов, его заменил Керенский. Верховным Главнокомандующим был назначен ген. Корнилов вместо ген. Брусилова.

На новом посту Керенским проведен был сначала ряд мер, направленных к водворению дисциплины и порядка в Петрогаде

и в Армии, но только временно. Для выявления настроений революционной и либеральной общественности, а также армейского командования в середине августа в Москве было созвано и состоялось т. н. Московское Государственное Совещание в составе около 2.000 делегатов. Вместо примирения противоречий между либералами и революционной демократией, получился полный разрыв: либеральная общественность, сильно поправевшая, и командный состав армии видели спасение в немедленном установлении твердой власти и в уничтожении влияния Совета Р. и С. Д., а революционная демократия стояла за спасение и даже углубление революции.

Это разделение на два лагеря участников Совещания сыграло громадную роль в дальнейшем. Керенский, конечно, не мог отмежеваться от «своих». Противодействие проведению строгих мер со стороны Совета не ослабевало, а между тем вопрос о строгой твердой политике Временного Правительства требовал окончательного и срочного разрешения. Обстановка в этот момент благоприятствовала проведению решительных мер. Требовалась решимость, настойчивость и выдержка. Беда была в том, что новый Верховный Главнокомандующий ген. Корнилов и новый Министр Председатель Керенский (после ухода кн. Львова) преследуя в общем как будто одну цель — продолжение войны, оказались не дружными союзниками, а конкурентами, опирающимися на различные силы: Корнилов на высший состав армии и либеральную общественность, а Керенский на «своих» в советах и армейских комитетах.

Поэтому Керенский, страшась диктатуры армии и ведя с ген. Корниловым переговоры об организации сильной власти через посредство разных лиц, в конце концов прибегает к провокации, обвиняет Корнилова в стремлении захватить власть в свои руки. Получает от Правительства диктаторские полномочия, смещает ген. Корнилова с поста Верховного Главнокомадующего и заменяет собою. Корнилов, возмущенный провокацией, не подчиняется. Происходит открытое контрреволюционное выступление Корнилова.

Как известно, для расследования дела восстания была создана чрезвычайная следственная комиссия из четырех членов, причем в нее введены два члена по требованию Совета Р. и С. Д. Комиссия эта, не закончив полностью следствия (встретила нежелание Керенского отвечать на поставленные вопросы), пришла в общем к выводам, что ликвидация Петроградского Совета же-

лательна была и для Временного Правительства и для Корнилова и что на этой почве создалось соглашение Керенского и Корнилова, неискреннее с обеих сторон и с недоговорками о конном корпусе Крымова. Оба понимали, что в результате ликвидации Советов должна родиться диктатура, причем Корнилов не скрывал, что диктатором может быть только военачальник. Для Керенского диктатор военный был неприемлем. Отсюда, как только началось движение Крымова, Керенский, убоявшийся диктатуры Корнилова, решил сместить Корнилова, обвинив его в борьбе с правительством. (Из показания члена комиссии Н. Украинцева в статье Р. Ж. 1959 г).

Будучи поддержан только небольшой частью командного состава, Корнилов пытается продвинуть к Петрограду конный корпус ген. Крымова, предназначавшийся для подавления ожидавшегося в Петрограде восстания большевиков во время наступления немцев у Риги. Но в самом корпусе не было единства взглядов на положение и неподготовленное выступление провалилось. Корнилов и часть его сторонников из командного состава были арестованы и помещены в Быхов в 50-ти верстах от Могилева. При успехе выступления ген. Корнилова опасность грозила прежде всего Совету Р. и С. Д. и едва ли можно сомневаться, — Керенскому. Он спасал себя.

Неудача выступления Корнилова создала для всех офицеров невероятно тяжелое положение. Много офицеров было убито, много арестовано по подозрению в симпатиях к Корнилову; отношения офицеров и солдат ухудшились до такой степени, что офицеры, предъявлявшие законные требования по службе, считались «корниловцами»; можно сказать, что в армии в это время произошло разделение на два лагеря: солдатский и офицерский. В тылу усилилось влияние Советов, особенно Петроградского. Председателем его стал Троцкий, освобожденный из-под ареста. Появился открыто лозунг: «вся власть Советам.» Авторитет Временного Правительства окончательно пал, Керенский, балансируя, принужден искать поддержки в левой части Совета. Правительство еще говорит о продолжении войны, но везде — и в армии и в тылу анархия и крики о мире.

Арест Корнилова и предание его и других старших начальников суду за вынужденную контрреволюцию надо считать концом борьбы за сохранение Армии. Армия занимала за малыми изменениями прежний фронт; в ней около пяти миллионов «боевого» состава на бумаге, но она была совершенно небоеспособна;

не в состоянии была удержать позиций при малейшем немецком нажиме. Поэтому все было направлено к тому, чтобы в обстановке пассивности (немцы после взятия Риги не наступали, а перебрасывали войска на Запад) как-то избегать эксцессов и не оставлять линии фронта, на которой происходили только братания солдат с немцами.

В сущности после провала Корниловского наступления солдатская масса и думала только о скорейшем конце войны, а ранее крепкая часть офицерства перестала даже интересоваться, что будет в дальнейшем с Временным Правительством, менявшим свой состав уже несколько раз, и кто будет во главе его, так как видела, что оно целиком в руках Совета Р. и С. Д., в котором все больше и больше выявлялось усиление роли большевистской его части, возглавляемой Троцким и руководимой Лениным из Финляндии. Появилось даже мнение: «чем хуже, тем лучше». Скорее назреет и окончательно разрешится кризис. Перестали различать разницу устремлений двух половин революционных вожаков. Ясного понимания сущности того, что внесет левая часть их в жизнь государства и армии, не было. Армейские Комитеты этого времени, добившиеся некоторого успокоения в солдатских массах (не везде), стояли за поддержку Временного Правительства при условии, что оно будет за скорейшее прекращение войны. При такой моральной обстановке обреченность Временного Правительства во главе с Керенским была очевидной и конец неминуемым и близким.

Армия накануне 25 октября

Два официальных документа, относящихся по времени к последним дням существования Временного Правительства и к моменту захвата власти большевиками, рисуют ясно жуткую картину состояния Действующей Армии и вообще состояния вооруженных сил России в это время.

Один документ — журнал заседания Комиссии по обороне и иностранным делам с докладом на нем военного министра ген. Верховского и другой — сводка донесений о настроениях в Действующей Армии за время с 15-го по 20-е октября.

Генерал Верховский, назначенный военным министром после Корниловского выступления за особое рвение по отправке из Москвы эшелонов для усмирения Ставки и ареста «мятежных» генералов и офицеров, после двухмесячного (сентябрь, октябрь) управления министерством, всего за пять дней до большевистско-

го перевората, выступил без ведома правительства на секретном заседании комиссий с «откровенными и исчерпывающими» сведениями о состоянии Армии.

Этот доклад интересен не столько подробной обрисовкой материального положения армии, сколько ярким изображением морального разложения вооруженных сил и вместе с тем органов власти. Привожу из него выдержки.

«Численность всей армии выражается цифрой 10,2 мил., из коих шесть мил. приходится на фронт и непосредственный тыл, три мил. на разные организации военного времени и 1, 2 мил. на тыл в строгом смысле слова. Из указанного количества бойцов, т. е. боевого состава в пехоте, артиллерии и коннице, немного менее пяти миллионов; организации Земского и Городского Союзов отвлекают 200.000, Красный Крест 100 тыс., постройка и эксплоатация жел. дор. — 600 тысяч.»

Содержать такую армию государству не по средствам. Все возможные сокращения дадут не более 1, 2 мил., т. е. будет уменьшение до 9-ти мил.; между тем возможно прокормить лишь семь миллионов.

Армия в настоящем составе связывает на русском фронте 130 дивизий противника.

Материальное положение тяжелое, почти безвыходное, моральное же состояние Армии он назвал еще более тяжелым и заявил, что объективные данные заставляют его прямо и откровенно признать, что «воевать мы не можем». Сам же он чувствует себя не в силах продолжать работать в прежнем направлении. Он даже не верит в улучшение при намеченном плане перемен, так как невозможно преодолеть влияния пропаганды большевиков на солдатские массы.

Всего десять дней перед этим ошеломившим комиссию выступлением, в заседании Совета Республики Верховский заявлял: «Люди, говорящие, будто русская армия не существует, не понимают, что говорят.... Приходится слышать вздорные речи, будто с наступлением холодов армия уйдет из окопов и не исполнит своего долга». Естественно, что такая перемена во взгляде на положение вызвала удивление и возражения, а главное то, что Верховский предлагал немедленно возбудить вопрос перед союзниками о заключении мира, чтобы вырвать почву из-под ног большевиков, обещающих немедленный мир. Реальными данными, на которые можно опираться при таком предложении союзникам, он, Верховский, указывал то, что союзники не могут не счи-

таться с неминуемым полным разложением армии, а это позволит немцам взять с русского фронта все 130 дивизий и кроме того, что Россия не в состоянии будет выполнить свои финансовые обязательства.

В дополнение к докладу, в ответ на разные вопросы, последовало такое заключение: «пора от громких слов перейти к трезвой оценке положения. Надо решать, что нам по карману и что нет. Если нет средств для лучшего мира, надо заключать тот, какой сейчас возможен. В противном случае положение только ухудшится.»

Вследствие неожиданности «разорвавшейся бомбы» серьезная сторона доклада была оставлена без внимания, т. к. партийные вожаки Совета и либералы даже в это время не отдавали себе отчета в истинном положении дел на фронте. Накануне большевистского переворота, на совещании лидеров различных партий и некоторых членов правительства, П. Н. Милюков, например, говорил о необходимости занятия Константинополя.

Второй документ —сводка донесений о настроениях Действующей Армии перечисляет подробно по армиям случаи за вторую половину октября неисполнения приказов, о сменах частей на позициях, случаи самовольных отходов в тыл, эксцессов, братания с немцами и даже случаи увода немцами солдат в плен. Указывает случаи самосудов солдат над офицерами и т. д. Общее заключение, что вся громадная масса плохо прокармливаемых людей живет только ожиданием мира и не способна совершенно ни к какой работе, обучению и конечно к боевой деятельности.

Армейские Комитеты еще имеют значение для улаживания различных происшествий и недоразумений, но бессильны заставить части нести боевую службу исправно. В связи с усилением большевиков в Петроградском Совете многие члены комитетов левеют.

Захват власти большевиками и первые шаги

(Октябрьская революция)

Моральная обстановка, сложившаяся в Петрограде к 25 октября 1917 г. в Петроградском Совете, в кругах Керенского и в гарнизоне была столь шаткой, а для Временного Правительства столь безнадежной, что оно было легко свергнуто.

Подготовка выступления велась в открытую; тем не менее

никакого серьезного противодействия организовано не было и за два дня до переворота Керенский не видел опасности, или закрывал глаза, на доклады о ней.

Защитниками власти в Петрограде оказались не надолго только юнкера военных училищ да ударницы женского батальона. В Москве большевикам было оказано более сильное сопротивление, опять же молодежью, юнкерами, студентами, прапорщиками. Население в обеих столицах держалось пассивно.

Когда Министр Председатель, он же Главковерх, Керенский выехал из Петрограда в начале выступления большевиков 25 октября во Псков и пробовал организовать защиту власти войсками из Действующей Армии, то выдвинутый им на пост Главкосева ген. Черемисов отказал ему в отправке войск и даже вообще в подаче войск, направляемых к Петрограду генералом Духониным, Начальником Штаба Главковерха.

Тогда Керенский повел к Петрограду под начальством ген. Краснова часть казаков, ранее входивших в корпус застрелившегося ген. Крымова (после объяснения с Керенским). Горсть казаков после некоторого успеха в бою с большевиками, вступила с ними в переговоры о перемирии и Керенскому, ввиду угрозы быть выданным большевикам, пришлось скрыться и потом бежать.

Власть была объявлена свергнутой 25 октября. Зимний Дворец с последними защитниками был взят около 11 часов ночи, а в два часа ночи 26 октября новоявленным «Рабоче-Крестьянским Правительством» был обнародован декрет о земле: он передавал в руки крестьян все помещичьи имения, а также все земли удельные, монастырские, церковные со всем живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и проч. Порядка передачи не указывалось — декрет фактически был разрешением на захват и разбой. Позже этот декрет был заменен основным законом о социализации земли, сходным с тем, что хотели провести соц. революционеры (Чернов и др.) на Учредительном Собрании.

Второй пункт обещаний — немедленный мир. Генералу Духонину, вступившему в Верховное Командование после бегства Керенского, было предложено немедленно вступить в непосредственные переговоры с немецким командованием о перемирии. Ввиду отказа Духонина выполнить такое приказание он был смещен и вместо него назначен Верховным Главнокомандующим прапорщик Крыленко, который направился в Могилев с отрядом матросов брать Ставку с боем, предполагая, что там будет орга-

низовано сопротивление, так как в Могилеве были части, готовые к защите Ставки.

Генерал Духонин решил не оказывать сопротивления отряду и лишь распорядился об освобождении из-под стражи заключенных в Быхове генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Маркова и др., которые и направились разными путями на Дон. Прибывшему в Могилев Верховному Главнокомандующему прапорщику Крыленко не было оказано никакого сопротивления. Тем не менее генерал Духонин на глазах Крыленко был зверски убит. Так как немцами было изъявлено согласие на заключение перемирия, то в немецкую главную квартиру была послана специальная комиссия, которая и подписала соглашение о перемирии в начале декабря, выговорив согласие немцев, что они не будут перебрасывать войска во Францию до заключения мира.

Декрет о земле, перемирие с немцами, столь долго ожидаемые солдатской массой, декреты о демобилизации некоторых сроков службы и, наконец, выпущенное под руководством Крыленко и его Начальника Штаба Бонч-Бруевича нового положения о демократизации армии произвели на всем фронте своего рода землетрясение, перевернувшее весь кое-как еще державшийся порядок. Солдаты еще до Брестского договора начали самодемобилизоваться, т. е. уезжать домой, не считаясь ни со сроками службы, ни с правоспособностью железных дорог. (Уезжали даже на крышах вагонов, а паровозы на станциях добывали угрозами). Играло роль желание оставить как можно скорее фронт. Ограничения, что не могут быть оставляемы без обслуживания до конца демобилизации хозяйственные и лечебные учреждения, конский состав, имущество и проч. — не действовали.

По новому положению о демократизации армии уничтожались чины, ордена, знаки отличия, погоны, вводились новые правила работы комиссаров. Только теперь большинство офицеров начало понимать, что значит появление большевиков у власти. Весь уклад жизни в армии, более или менее установившийся после ликвидации выступления Корнилова, был нарушен. Проявление большевизма в армии было давно, но с переменой власти большевики получили сверху — от комиссаров одобрение самых незаконных действий, всякого произвола. Во главе всей Действующей армии вместо убитого ген. Духонина появился прапорщик Крыленко; во главе фронтов — коллегиальные командования (Главком из трех лиц); во главе армий — командующие армиями со штабами, под надзором новых армейских комитетов, с комисса-

рами по назначению. Жизнь в армиях целиком зависела от состава этих новых комитетов и новых комиссаров: только они могли так или иначе влиять на потерявшую всякое понятие о порядке солдатскую массу. Происшествия — иногда трагические, стали повседневными. Молодые офицеры, даже сродные общей массе по своей ускоренной подготовке, подозреваемые в контрреволюции, стали тайно оставлять армию, направляясь кто куда: кто на Дон, кто в Киев, кто даже в Сибирь. Вообще туда, где была надежда временно укрыться или найти работу. Не верилось, что большевики продержатся долго у власти. Было строго запрещено оставлять Армию без разрешения.

Что касается населения городов, правительственных и городских служащих, то, на первых порах, оно выявило к большевистской власти совершенно иное отношение, чем весной к приходу власти Временного Правительства кн. Львова. Приход к власти Временного Правительства был принят почти везде без сопротивления и даже с радостью. Теперь служащие в правительственных и городских учреждениях отказывались продолжать работу. Большевики для подчинения прибегали к содействию обольшевиченных комитетов, к революционным трибуналам и к солдатам запасных частей. Начался разгул террора. Выпущены были декреты о национализации банков, сберегательных касс, отобрании имущества от «буржуев» и назначены как исполнители, во главе разных комиссий и отрядов, наиболее лютые из подонков населения городов и дезертиров с фронта. Всем этим исполнителям пришлись по вкусу пущенные лозунги: «грабь награбленное», «мир хижинам, война дворцам» и проч.

VI.

ПЯТЫЙ ГОД ВОЙНЫ

Разгон Учредительного Собрания.

Все надежды либеральной интеллигенции и умеренных социалистов на перемену положения окончательно померкли, когда в середине января было разогнано большевиками столь ожидаемое Учредительное Собрание, на котором большевики были в меньшинстве. Члены Учредительного Собрания — не большевики были объявлены врагами революции, контрреволюционерами, также как и офицерство после выступления Корнилова. Никакого выступления на защиту не последовало.

Для переговоров и заключения мирного договора была послана в Брест-Литовск делегация, уже во главе с Троцким. Ленин и Ко. расчитывали, что немецкие социалисты окажут благотворное для большевиков влияние на переговоры. Но, само собою разумеется, расчеты эти не оправдались; немецкое правительство и командование поставили делегации такие условия, которых большевики не ожидали. Делегации они показались совершенно неприемлемыми и Троцкий, отвергая их, сделал ошеломившее сначала немцев заявление: «ни мира, ни войны», т. е. прекращаем войну и не подписываем никакого договора. Однако, военных немцев нисколько не охладила формула Троцкого. В первых числах февраля ими был поставлен большевикам ультиматум — подписать договор. Так как большевики не отвечали, то немцы перешли в наступление на всем фронте от Риги до Украины, которая не признавала большевиков.

К моменту перехода немцев в наступление, на фронте против них был собственно только скелет армии, состоящий главным образом из Штабов от мелких до больших, таких же комитетов, хозяйственных учреждений, обозов, невывезенного в тыл имущества, оружия и большого количества погибавших от голода и болезней лошадей. Красноармейские формирования в армейских районах из добровольцев были и малочисленны и

совершенно небоеспособны. Однако, когда перед фронтом между Ригой и Двинском на некоторых участках появились немецкие плакаты, возвещавшие о прекращении перемирия и о переходе в наступление, то из Штаба Северного фронта был получен грозный приказ «оказывать врагу упорное сопротивление». Результат не заставил себя долго ждать: на ближайшем к Петрограду направлении Двинск-Псков немцы продвигались вдоль железной дороги так быстро, что скоро головой прошли Псков. Красноармейские отряды не смогли даже испортить ж. д. пути, чтобы помешать движению бронепоездов.

Брестский мир.

Тогда произошло под давлением Ленина знаменитое решение большевиков — подписать договор, который сам Ленин назвал «похабным». Снова была направлена делегация в Брест-Литовск, которая и подписала позорные условия. Уступлены были немцам Украина, Финляндия, Аландские острова, Эстляндия, Лифляндия и юго-западная часть Закавказья (Карс, Батум). Дано обязательство платить контрибуцию. Как известно, в самом Петроградском Совете и в других советах он вызвал возмущение и выход из совета левых эсеров. Не признали мира Украина, Донское, Оренбургское и Уральское казачьи войска.

После разгона Учредительного Собрания и подписания «похабного» мирного договора, критики его со стороны левых эсеров, новая Рабоче-Крестьянская власть уже видит контрреволюцию везде; правительство переезжает из Петрограда в Москву и для своей охраны Совет Народных Комиссаров, по переезде в Москву, прибегает к организации отрядов из других национальностей — бывших военнопленных венгров, латышей и даже китайцев. Латышские батальоны, родина которых была оккупирована немцами, составляли главную опору власти в это время, а впоследствии они направлялись в наиболее ответственные районы гражданской войны (Казань в 1918 г., Южный фронт в 1919 г). В Москве немецкий посол гр. Мирбах с охраной играют в это время большую роль, ведя двойную игру в разных русских кругах.

Старая действующая армия самодемобилизуется окончательно, с невероятной быстротой: демобилизационные отделы Штабов армий и комитеты имеют дело только с перевозками в тыл остатков имущества, снаряжения и вооружения, а также

брошенных без призора лошадей. Первые формирования красноармейских отрядов из добровольцев, организуемые по рецептам Троцкого, еще в декабре, в армейских районах, были малочисленны и совершенно непригодны для боевых действий. Неудача с этими формированиями заставила Троцкого во время демобилизации вызвать в Москву ряд старших начальников армии, еще остававшихся на фронте, и после совещания с ними приступить к выработке нового положения о формировании Красной Армии в военных округах и в некоторых районах фронта. В общем, по плану, вся страна должна была превратиться в военный лагерь. Принцип комплектования был оставлен добровольческий, который не давал желательных результатов. Начались регистрации офицеров, не желавших добровольно поступать в Красную армию, которым впервые было заявлено Троцким, что советская власть заставит их служить там, где найдет нужным. Для действий против очагов неповиновения или вспыхивающих восстаний власть пользовалась красноармейскими формированиями из наиболее революционно настроенных рабочих, солдат и матросов (Красная Гвардия). В эти формирования ринулся весь преступный и авантюристический элемент. По своему внешнему виду и поведению эти отряды местами походили больше на разбойничьи шайки, чем на военные отряды. К ним подбирали по типу и возглавителей-карателей.

Завязка гражданской войны

Линии фронта возникли гораздо позднее. В различных местностях были отдельные очаги завязывающейся гражданской войны. Эти очаги связывались железнодорожными магистралями.

Главной задачей красной стратегии в это время было бросать быстро в эшелонах свои отряды, где выявлялось недовольство или неподчинение.

Способ действий, возведенный рьяными «деятелями» в правило для закрепления завоеваний революции, был примитивно разбойный. Как только власть в городе переходила к большевикам, начиналось поголовное истребление всех, кто подозревался в «контре» или на кого получался донос. Производились обыски, грабежи. После применения такого способа все противники спешили скрыться или молчать.

Во второй половине февраля такие эшелонные отряды сло-

мили сопротивление двух главных противников советской власти — Украины и Дона, которые не хотели признать советскую власть.

Не признавшие новой власти Оренбургское и Уральское казачьи войска временно были оставлены в покое без воздействия центра.

Двухмиллионное Донское казачье войско воевать с большевиками в это время не хотело. Возвращавшиеся с фронта казаки без сопротивления сдавали оружие красным отрядам в Донецком угольном бассейне и расходились по станицам. В отчаянии от такого разложения казачества войсковой атаман ген. Каледин в первой половине февраля застрелился, а начавшей формирование на Дону — 15 ноября 1917 года Добровольческой Армии пришлось уходить в Первый Кубанский поход, чтобы избежать истребления.

За первые три с половиной месяца своего существования, советской власти удалось за небольшими исключениями привести к подчинению население на всей территории Российской Империи. Находившиеся в России чехословацкие формирования объявили нейтралитет и направлялись на восток, к Владивостоку, а польский корпус ген. Довбор-Мусницкого был разоружен.

Прогнозы для начала гражданской войны

В этот момент казалось, что приходится оставить всякую надежду на какой либо успех организации вооруженной борьбы против новой власти. Надежда, что Донское казачье войско даст возможность создать Добровольческую армию на Дону, к чему стремились ген. Алексеев и Быховские узники, рухнула. Действительно, численность первоначальной организации ген. Алексеева была не больше 500 чел. и в нее вступили только офицеры, кадеты, студенты, гимназисты, юнкера; не было солдат. Средств не было. Политические группы внутри России, которые были еще окончательно не задушены, интересовались организацией, но ничего не могли дать. Вообще внутренние силы противобольшевистские были слабы и больше всего занимались бесплодными разговорами. Против Алексеевской организации велась даже пропаганда не только на Дону и Украйне, но и внутри России «антикорниловцами».

Если перед Октябрьской революцией можно было считать, что армия поделилась как бы на два лагеря — солдатский и офи-

церский, или вернее на тех, кто хотел скорейшего прекращения войны всякой ценой и на тех, кого солдаты в насмешку называли «до победного конца», или «корниловцами», то, все же нельзя было считать, что все население России тогда поделилось тоже на различные две половины. Внутри был великий хаос. Октябрьский же переворот и первые шаги новой власти довершили разделение: все население оказалось разделенным на две части, вернее, на три.

В одной части оказались все бывшие правящие и имущие классы, часть офицерства (говорю часть, т. к. были шедшие с солдатской массой), гонимая и преследуемая. К этой же части надо отнести «революционную демократию», не подчинившуюся большевикам, разогнанную в Учредительном Собрании и мечтающую о восстановлении своих прав «народных избранников». В этой части единства не было.

В другой части были принявшие большевистскую власть и получившие желанный мир хотя и «похабный», а крестьянство, кроме того, для дележа помещичьи усадьбы и земли; рабочий класс получил доступ к вершинам власти через вступление в коммунистическую партию.

К третьей части я отношу пассивную массу нейтральных, которая думала как-то отсидеться, пока «кто-нибудь» разгонит новую власть. Такие нейтральные были в большинстве.

Большевистская власть утверждалась на всей территории России. Мир с Германией, демобилизация, земельные обещания, как будто удовлетворили солдатские массы и деревню, где недовольство вызывалось теперь появлением у власти лодырей и проходимцев, их произволом.

Возможно ли было в это время ожидать, что через несколько месяцев начнется гражданская война на нескольких фронтах: Мы не учитывали, что война на Западном европейском фронте еще не кончилась и что это имеет значение. По тем же отношениям к новой советской власти, которые выявились в это время, было невозможно расчитывать на помощь бывших союзников.

Надежды, настроения добровольцев в это время (I-й Кубанский поход), ген. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты» изобразил такими словами: «Мы уходили... За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. ТАМ остались наши раненные, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. ТАМ брошены наши семьи, обреченные на существова-

ние полного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя».

«Мы начинали поход в условиях необычных: кучка людей, затерянных в широкой Донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю. Среди нас два верховых главнокомандующих, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... Все с винтовками, с вещевым мешком через плечо. Уходили от темной ночи и духовного рабства в безызвестность».

«За синей птицей».

«Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светоч» слабо мерцающий, услышат голос ,зовущий к борьбе тех, кто пока еще не проснулся».

«В этом был глубокий смысл Первого КУБАНСКОГО Похода».

VII

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В своем коротком обзоре, я по мере ознакомления с событиями войны по годам отметил то, что выявила война, что вышло наружу с ходом ее, что она требовала, что у нас было не устроено, что плохо устроено, что начато и недоделано и т. д. Возможно, что много мною пропущено и что во многом я не совсем прав. Поэтому я относительно некоторых сторон нашей общей неподготовленности приведу в выдержках компетентное мнение генерала Ю. Н. Данилова, который долгое время перед войной был генерал-квартирмейстером Главного Управления Генерального Штаба, а во время войны, от начала до августа 1915 года — был ген. кварт. Ставки Верховного Главнокомандующего. По занимаемым им должностям, он несомненно был самым широко осведомленным с нашим военным положением и состоянием армии, генералом генерального штаба.

В своей замечательно написанной книге «Россия в Мировой войне 1914-1915 гг.», Берлин, 1924 г., он пишет: «При новом политическом курсе Вильгельма и готовности Германии, Россия естественно становилась в ряды ее противников. Но учитывая это, надо было и готовиться к возможному столкновению в самом широком масштабе, не ограничиваясь чисто военной стороной. Надо было готовиться к испытанию всех народных сил и средств».

«Россия, к прискорбию, в этом коренном вопросе пошла по пути непримиримого противоречия. Изменив решительно свою внешнюю политику, ее правительство проявило колебания в отказе от старых внутренних распорядков. И в этом противоречии — трагический зародыш военных неуспехов нашей родины».

«С открытием военных действий, в России не удалось создать «психологии большой войны». Умственная темнота населения, огромные расстояния, разобщенность, неудовлетворенность условиями внутренней жизни — все это не создавало благоприятной почвы для развития здорового национального чувства и сознательного отношения к идее защиты государства».

«В эти годы (1905-1910) Россия была вполне бессильна оказать какое-либо противодействие натиску германизма на Балканах; равным образом она должна была проявить сверхгероические усилия, если бы потребовалось оказание военной помощи ее союзнице — Франции».

«Только в 1910 году удалось составить и частично провести сколько-нибудь полный план восстановления военных запасов, добиться планомерного отпуска соответствующих средств, приступить к разработке и проведению мер по реорганизации армии, ближе подходящей к современным условиям, составить план мобилизации и развертывания вооруженных сил на случай военных действий».

«Наши казенные военные заводы к началу войны оказались немощными и недостаточно подготовленными для развития своей производительности. Еще менее, вернее, неподготовленной к изготовлению военных предметов оказалась наша частная промышленность, без содействия которой вопрос обеспечения армии всем необходимым представлялся неразрешенным».

«Таким образом в военно-промышленном отношении Россия была подготовлена к войне крайне слабо. О «мобилизации» отечественной промышленности, т. е. о заблаговременной подготовке ее к целям и потребностям войны, думали недостаточно и отрывочно».

«Грандиозный масштаб надвигавшейся войны не был предвиден не только нами, но и всеми остальными участниками развернувшейся мировой борьбы».

«Россия к началу войны 1914 года далеко не была к ней готова — ни политически, ни по состоянию своих финансов и промышленности, ни в узко военном отношении».

«При всем этом следует отметить, что наша армия менее всего была подготовлена к ведению широкой наступательной войны, требующей более гибкой и легкой организации и широкого снабжения мощной и подвижной тяжелой артиллерией, авиационными средствами, современными средствами связи, жел. дор. и понтонными частями, автомобильными транспортами. Все эти вспомогательные технические средства были в России лишь в зачатке, как бы только «обозначены».

«Справедливость требует, однако, отметить, что в отношении боевой подготовки Русская армия сделала большие успехи. Оставалось, конечно, немало слабых мест, из коих главнейшее —

недостаток у начальствующих лиц навыков к внешнему управлению войсками и их вождению».

Неподготовленность к большим наступательным операциям и недостаток у громадного большинства старших начальствующих лиц навыков к управлению и вождению войск — это почти полный ответ на постоянный вопрос, почему мы в 1914 году не имели решительного успеха против германской армии, имея только что мобилизованные корпуса.

Немецкий генеральный штаб еще в мирное время высказывал, что их высший командный состав лучше подготовлен и будет иметь большие преимущества перед русским в ведении маневренной войны. Надо признать, что и верховное наше командование страдало отсутствием опыта в руководстве армиями на театре военных действий, особенно в начале войны.

1915-й год был годом тягчайших испытаний армии и широкого тыла. В отношении управления армиями при отступлении и операциях он был проведен без вопиющих недостатков, за исключением сдачи 20 корпуса в Августовском лесу в феврале по вине штабов Северного (ген. Рузский и Бонч-Бруевич) и 10 армии (ген. Сиверс). В глубоком тылу во время отступления войск и движения беженцев, одновременно с организацией помощи армии, началась нездоровая, вредная для армии критика деятельности правительства и отдельных лиц и даже опорочение Царской Семьи. Государственная Дума резко изменила свое отношение к правительству и Верховной власти. В лице «Прогрессивного Блока» она стала добиваться от Государя перемен в государственном управлении (министерство доверия или ответственное перед Думой). К лету 1915 года относится появление на сцену в Петрограде агентов-циммервальдцев с пропагандой против войны и немецких агентов, избравших Петроград центральным местом пропаганды пораженческой (Ленинской). Кроме того, перемена в верховном командовании армией повела к большим переменам в составе правительства, что дало почву общественности и прессе для критики верховной власти.

1916 год — особый год из Мировой войны. Иностранцы в восторге от побед Брусилова. Для них он способнейший из генералов. Но один из них назвал победы «ПИРРОВЫМИ», т. к. куплены они были чрезвычайно «большою кровью», особенно, когда он продолжал наступление против прибывших выручать австрийцев германских дивизий. Была обескровлена гвардия, бы-

ли поэтому осенью случаи неповиновения войсковых частей. Сведения об этих потерях распространялись, конечно, в тылу, а в запасных батальонах сеяли панические настроения среди призванных: скоро вероятно и нас пошлют «на убой». Эти настроения были и в запасных батальонах Петрограда зимой 1917 года.

И в это время в Государственной Думе рукоплескали «штурмовому сигналу» умудренного опытом вождя к. д. Милюкова. Забыто было, что Петроград в это время был пороховой бочкой, что существует еще фронт, на котором миллионы людей еще держатся, теряя людей почти ежечасно и что эти люди жадно ловят всякие слухи из столицы, где в Государственной Думе депутаты так свободно сеют вражду к власти.

Роль этой речи, построенной на лжи, полной искусных инсинуаций, была более важной, чем можно было ожидать. Она разносилась по России в разных видах с добавлениями и усилениями. В общем выходило, что «Штюрмер и Царица предают Россию Вильгельму». Даже посольства союзников пришли в волнение. А на самом деле все толки о сепаратном мире, даже после того, как Германское правительство, после успеха в Румынии, заявило о готовности вступить в переговоры о мире, были только легендой.

Историк — С. П. Мельгунов, положивший много трудов для исследования этого вопроса, пишет: «Вероятно не все согласятся с толкованием, данным в нашем описании отдельных эпизодов и характеристикой психологических мотивов действий исторического персонажа. Но одно как бы вне сомнения: с легендой о сепаратном мире, порожденной общественной возбужденностью военного времени и поддержанной тенденциозной обличительной историографией, насколько речь идет о верховной власти, раз навсегда должно быть покончено. Оклеветанная тень погибшей Императрицы требует исторической правды. А. Ф. хотела быть добрым ангелом хранителем монархии и сделалась ея злым гением. Это факт, который отрицать нельзя, но в тяжелую годину испытаний и она и сам Николай II-й с непреклонной волей шли по пути достижения достойного для страны окончания войны. В этом отношении они были почти фанатично последовательны и в их кругозоре не мелькала даже и мысль о возможности условий, при которых нарушение чести могло быть оправдано событиями. Не только мерзкое обвинение в «измене», с негодованием отвергаемое Родзянко в воспоминаниях, но даже его предположение, что «может быть А. Ф. полагала, что сепаратный мир более выгоден для

России», должны быть категорически отброшены. «Бацилла мира» их не коснулась»...

«В самый трагический момент своей жизни, стоя на краю пропасти и неминуемой гибели, они находили и мужество и силы говорить (и в интимных записях дневника Царя и в замаскированных письмах Царицы, пересылаемых потаенным путем) о «национальном позоре», которым ознаменовалось окончание войны. Никогда надежды их не обращались к внешнему врагу, а только от него — от немцев — в теории могло бы придти им тогда спасение».

Сам по себе вопрос о сепаратном мире вовсе не волновал армию, в особенности солдатскую массу. Мира они хотели больше всего и не особенно понимали, почему так боятся его. Здесь важно было то, что кто-то вверху «предает армию и Россию немцам».

Злое, несправедливое слово было сказано Милюковым во имя увеличения авторитета партии и унижения Царской власти. Семя злобы, семя ненависти посеяно было широко. В партии кадет не нашлось человека, чтоб осудить оратора. Семя упало большею частью на благоприятную почву и дало обильные плоды в 1917 году, когда появился соперник Временного Правительства — Совет Солдатских и Рабочих депутатов, в котором в первую голову оказались распропагандированные солдаты Петроградского гарнизона и молодые солдаты запасных батальонов. Первым пунктом приказа номер первый было обещание Совета, что участники бунта не будут посланы на фронт. Высокая награда трусам!

Дни Февральской революции известны. Задаются вопросы, почему Государь согласился на отречение, тогда как так упорно отказывался дать ответственное министерство? Почему вообще произошло так быстро падение Царской власти и монархии?

На первый вопрос есть множество индивидуальных ответов. Некоторые интересны, но все они не покрывают вопроса и многие страдают вымышленными умозаключениями. Воздержусь приводить их. Чтобы понять обстановку отречения, нужно не только перечитать все ленты телеграфных разговоров 2-го марта, большую литературу, но глубоко проникнуть в характеры действующих персонажей.

Что же касается быстроты падения Царской власти, то привожу мнения двух известных многим генералов Головина и фон Лампе.

Н. Н. Головин пишет:*) «Здесь мы подходим к глубоким и

*) Ген. Головин. «Российская контр-революция 1917-1918 гг.», кн. первая.

могучим силам коллективно психического характера, роль которых в социальных явлениях при материалистическом подходе к истории опускается. Скрытые при своем возникновении, а также в течение своего развития, они внешне выявляются в виде общих настроений, представляющих тот общий психический фон, на котором развиваются события. На этом фоне действуют, как отдельные личности, так и массы. Цели, которые они преследуют, напряжение воли, которое они при этом проявляют, даже работа их мысли — все это тесно зависит от тех основных психических настроений, которые в известные моменты народной жизни становятся господствующими. В особенности велика сила этих общих настроений в те периоды, когда коллективно психическая жизнь людей получает особое напряжение, как например, во время войны».

«В области явлений коллективной психики и следует искать причины быстроты свержения Царской власти в мартовские дни 1917 года».

А. А. фон Лампе, Ген. штаба ген.-майор *):

«Царская власть... пала изумительно легко. Восьмого марта в Петрограде забастовало 80.000 рабочих (из общего числа в 400.000). Вечером 11 марта Государь подписал приказ в роспуске Государственной Думы, 12-го вспыхнуло в столице восстание запасных батальонов, которые готовили пополнение армии и уже 15-го Император Николай II отрекся в пользу своего брата Великого Князя Михаила, обойдя неизлечимо больного прямого наследника престола — Цесаревича Алексея. На следующий день 16-го марта Великий князь Михаил отказался принять наследие брата, и к власти пришло «Временное Правительство», которое смело встало во главе громадной страны и обещало довести дело до «Учредительного Собрания». Выполнить эту задачу Временному Правительству... не удалось. Оно постепенно сдавало власть и страну коммунистическому интернационалу и в ноябре того же года было им свергнуто. Не буду задерживаться на рассмотрении причин, почему все так случилось; отметчу только, что в основании этого непонятного явления лежало какое-то психологическое затемнение в руководящих слоях русского общества, считавшего революцию неизбежной и не хотевшего понять, что революция во время войны означает поражение и гибель. Это психологическое явление распространилось в начале 1917 года настолько, что

*) Ген. Лампе. «Пути верных». (Все даты по нов. ст.).

его влиянию подвергся и сам Император, своим отречением от трона за себя и за сына нарушивший основные законы страны, вообще не предусматривающие отречения, и изменил своей вере о неизменности своего высокого жребия... Это явление распространилось и на императорскую фамилию, которая, казалась бы, должна была быть от него свободной».

«В силу этого психологического явления ни мартовская революция, ни смена власти не встретили сопротивления ни в народе, ни в обществе. Все, как тогда было принято выражаться, «приняли революцию», за исключением крайних правых кругов, мечтавших о реванше; но они были слабы и не имели в стране никакого значения. Не было никакого намека на сопротивление и, как тогда называли — «контр-революцию».

Революция пришла и прежде всего начала разрушать дисциплину в Армии. Из двух властей, созданных революцией, Совет оказался Верховной властью, а Временное Правительство (правильнее бы называть теперь Кратковременное) ширмой, вывеской, за которой можно было работать для полной победы революции (до приезда Ленина).

Работа по разложению пошла быстро и в наступлении в июне на южном фронте ярко показала свои успехи. Части образцовые, желавшие показать пример трусам, погибли и всякий офицер, требовавший дисциплины, стал числиться у солдат врагом народа.

На Московском государственном совещании было продемонстрировано разделение многочисленных делегатов на две половины: одна за «спасение страны», другая за «спасение революции».

Корниловское выступление уже разделило армию на тех офицеров и солдат, которые звали продолжать войну до «победы», и на тех, которые кричали «довольно повоевали», т. е. на противников советов и за советы. А дальше уже на белых и красных, что перешло к гражданской войне на всей русской территории. Здесь каждая сторона старалась привлечь в свои ряды из населения побольше сторонников. Эта тема уже для обзора гражданской войны.

Что касается окончания Мировой войны, то мне хочется сказать в заключение следующее: Во всяком государстве, в любой отрасли управления — военной ли, гражданской — недостатки, ошибки, недочеты и промахи естественны. Были они у противников, были у союзников, были и у нас всякие — крупные и мелкие. Но как всем известно, не в них было дело в 1917 году — во время

войны начался штурм власти, штурм недобросовестный по большей части.

Несмотря на недочеты и даже упущения в мирное время по подготовке к войне с могущественным противником, несмотря на громадные потери, несмотря на снарядный голод в 1915 году, несмотря на тяжкие испытания народа и даже несмотря на громадные изменения в составе армии и ее моральном облике, мы в начале 1917 года были близки к победе. Нужно было выжидать и держаться.

И при победе над врагом Император Николай II-й был бы прославлен, как Верховный вождь России, доведший ее до победы.

И однако все рухнуло. Рухнуло не по причинам военной слабости. Бог попутал разум у считавших себя солью земли «мудрых или разумнейших». Они стали добиваться власти во время войны, не стесняясь средствами еще задолго до февраля 1917 года. Добились, остались без Царя! И все обрушилось!

Часть II

1918 — 1920 годы

Гражданская война в России. Восточный фронт

I.

ВВЕДЕНИЕ

Общая обстановка и образование фронтов.

Штаб бывшей Русской Первой армии, в котором я оставался до окончания демобилизации, при начале немецкого наступления едва не был захвачен немцами на пути между Псковом и Двинском и был перемещен кружным путем через Лугу и Новгород — в Старую Руссу. Из воспоминаний этого времени можно сказать, что задерживаемая на фронте часть личного состава штаба переживала задержку мучительно, совершенно не зная, что будет завтра. Солдатская масса самодемобилизировалась. Не демобилизировался и ожидал указаний сверху армейский комитет с двумя комиссарами во главе и часть личного состава штаба; перед ним стоял вопрос: куда? О событиях на Юге не было достоверных сведений вплоть до известия о смерти ген. Корнилова, о которой большевики, конечно, прокричали. С недоверием было принято распоряжение из Москвы переехать в Самару для организации новых формирований в Поволжском военном округе по новому плану, хотя телеграфно было выговорено обещание, что красноармейские отряды, сформированные местными советами, останутся вне ведения командования округом.

Советская власть переживала в это время трудное время. Она была не уверена в завтрашнем дне. Все их благополучие зависело от немцев, которые вели двойную игру: подписали мирный договор, а вели секретно разговоры с русскими группами, мечтавшими избавления от большевиков.

Немцы после подписания мирного договора немедленно приступили к его реализации. Они остановили наступление в северозападной России на линии Нарва-Псков-Полоцк-Могилев. В южной же части России движение их продолжалось, ибо здесь было продовольствие для их войск везде. Движение остановилось только в области Войска Донского, после занятия Ростова-на-Дону.

Последние советские отряды были выгнаны при этом из Украины в начале мая и Украина вошла в сферу оккупации (гетманская Украина).

Как только немцы вошли в область Войска Донского, то казачество, испытав на себе большевистский террор и увидев, что большевики стремятся к уничтожению казачества, восстали и лихорадочно начали формирование своей армии, выбрав атаманом ген. Краснова, который получил поддержку от прежних врагов — немцев.

Как раз в это время, после 80-тидневного первого Кубанского похода, вернулась в Донскую казачью область Добровольческая армия под командованием ген. Деникина и прибыл на Дон из Румынии отряд полковника Дроздовского, вошедший в подчинение ген. Деникину после боя за Екатеринослав.

Добровольческая Армия во время похода на Кубань потеряла в бою под Екатеринодаром своего вождя — ген. Корнилова (13 апреля нов. ст.); выйдя в поход в составе около 4000 чел., главным образом офицеров, она вернулась в Задонье в составе 5000 чел. Потери убитыми и ранеными были около двух тысяч, но Кубань дала около трех тысяч бойцов.

Отряд пол. Дроздовского, состоявший из тысячи добровольцев с артиллерией, проделал поход из Румынии в два месяца, прибыл 4-го мая к Ростову, захватил его и затем двинулся к Новочеркасску, подошел к нему в критический для казаков момент и сыграл решительную роль в бою за город.

Таким образом, неожиданно немецкая оккупация на Украине и на Дону давала возможность начинать борьбу с большевиками на Юге России. Атаману Донского казачьего войска ген. Краснову и командующему Добровольческой армией предстояло решить трудную задачу. Первый признавал необходимым опираться в это время на немцев, а второй — сторониться и только избегать столкновений с ними.

Мировая война еще не кончилась на Западном фронте и ее влияние отражалось на событиях на окраинах России, где могла завязаться гражданская война. Картина получалась весьма интересная: немецкая оккупация привела к тому, что Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Западный Кавказ вошли в сферу влияния Германии. Восточный же Кавказ, Сибирь, Дальний Восток, Урал, Поволжье, Север России оставались вне влияния немцев. В Поволжье держались против большевиков

уральские казаки на стоверстном фронте на Саратовском направлении. Туркестан волновался, в разных районах России вспыхивали крестьянские волнения на почве дележа помещичьих земель и имущества. Отряды атамана Дутова, вытесненные из Оренбурга, продолжали существовать в степных частях территории Войска и в Тургайской области, выжидая. На Дальнем Востоке, в Забайкалье, действовал отряд атамана Семенова при поддержке японцев.

В интересах Германии было, чтобы оккупация отнимала поменьше войск и в то же время не было помехи выкачивать из занятых областей возможно больше продовольствия и сырья; в интересах союзников — чтобы немцы не могли убрать из России на Западный фронт все свои войска и, казалось бы, поддержать антибольшевиков в России, бывших своих союзников. Русским антибольшевикам не приходило в голову, что они будут посылать свои войска во Владивосток, Мурманск и в Архангельск только из-за боязни потерять доставленное и неизрасходованное имущество в этих пунктах.

Вопреки всем неблагоприятным прогнозам, в начале 1918 г. гражданская война по всем названным причинам начиналась и намечалось три фронта борьбы с большевиками, три фронта гражданской войны:

1. *Южный* — благодаря немецкой оккупации.

2. *Восточный* — благодаря борьбе казачьих войск и интересам союзников в переброске во Францию чехословацкого корпуса.

3. *Северный* — англичане и американцы у Архангельска и Мурманска создали этот фронт для обеспечения от захвата этих пунктов немцами и советами.

Наконец, позже (в октябре 1918 года, перед сдачей на Западном фронте) при содействии немцев-оккупантов создался в 1918 г. фронт, угрожавший Петрограду. На Западном фронте летом 1918 года немцы, начав свое последнее энергичное наступление, к концу мая достигли большого успеха — линия их фронта проходила всего в 60-ти километрах от Парижа. Казалось, что победа склоняется окончательно на сторону немцев; в русских политических кругах появились даже сторонники ориентации на немцев (Милюков) по примеру Донского атамана ген. Краснова.

Положение быстро изменилось с прибытием свежих американских дивизий. (Америка вступила в войну в 1917 году).

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС И РОЛЬ ЕГО ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Чехословацкое войско, сформированное в России, оказалось после большевистского переворота и Брестского мира на распутье нескольких дорог: противники большевиков на юге России хотели (ген. Алексеев), чтобы оно хотя бы частью помогло формированию Добровольческой армии; французы, — чтобы корпус был переброшен во Францию, где участвовали уже чехословаки; из союзников — англичане были за использование корпуса для образования на Волге противогерманского фронта; новая власть в России хотела привлечь чехов на службу в Красную армию; немцы после Брестского мира настаивали на полном разоружении корпуса и обращении людей в военнопленных; сам по себе людской состав мечтал через Францию попасть домой после войны.

Из русский политических партий эсеры интересовались судьбой корпуса в своих целях.

По определению ген. Флуга, посетившего Сибирь весной 1918 года по поручению командования Добровольческой армии со специальной целью выяснить силы и возможности русских организаций, всего во всех военных организациях в Сибири было до 8000 человек, неспособных, по его мнению, в случае восстания продержаться самостоятельно более двух недель.

Отсюда следовал вывод, что без выступления чехословаков возможны были лишь отдельные изолированные восстания, а не захват всей ж. д. магистрали через Заволжье и Сибирь до Владивостока. Борьба оренбургских и уральских казаков, начатая сразу же по захвате власти большевиками, также как выступление атамана Семенова в Забайкалье и отдельные вспышки крестьянских восстаний в Поволжье и в Прикамье, не могли создать фронта борьбы.

Чехословацкий корпус в самом начале выступления представлял уже внушительную силу, насчитывая в своем составе до 40 тыс. человек. При дальнейшем пребывании в Сибири численность его достигла до 92 тыс., будучи пополнена военнопленными, причем корпус, пополнившись в количестве, потерял много в качестве. Основной недостаток — некомплект офицеров.

История организации корпуса, политики чехов после большевистского переворота и выступления с оружием в руках против большевиков чрезвычайно поучительна с той точки зрения, что корпус дал толчок к выступлению русских организаций. Чехе дра-

лись с большевиками вместе с русскими в Поволжье, на Урале и в Сибири в 1918 году, а после прекращения войны на Западе сыграли печальную роль в событиях, будучи оставлены в Сибири насильно.

История корпуса такова: в начале Мировой войны в 1914 году из чехов, проживавших в России, была сформирована дружина, которая в 1916 году была развернута в бригаду, с русским командованием во главе, причем для этого были использованы добровольцы из числа военнопленных чехословаков. Количество славян среди захваченных почти двух миллионов австрийских пленных достигало миллиона. Эта громадная цифра подала мысль французам использовать чехословацкие формирования в России для борьбы на французском фронте, где были большие затруднения в пополнении потерь. В Париже группа чехов во главе с проф. Массариком образовала Чехословацкий Национальный Совет и пошла навстречу французским пожеланиям, увидев в этом способ добиться в будущем независимости Чехословакии. Весной 1917 года Массарик, по приезде в Петроград, добился у Временного правительства разрешения и соответствующего приказа на формирование из пленных и дезертиров отдельного Чехословацкого корпуса из трех дивизий с русским командованием во главе. Пока одна бригада чехословаков стояла в рядах русского Юго-Западного фронта, новые части формировались в тылу фронта на Украине. В мае 1917 г. в Киеве чехословацкий съезд избрал Массарика политическим главой и был организован Отдел Национального Совета в России.

Ко времени большевистского переворота Чехословацкий корпус состоял из двух уже сформированных дивизий и третьей формировавшейся. Был большой приток желающих. Конечно, не только по причинам патриотическим. Ряды корпуса избавляли вступивших от положения военнопленных и давали защиту и лучшие условия жизни. Был большой недостаток офицеров. Во главе были поставлены русские офицеры разных чинов и опыта (Дитерихс, Шокоров, Войцеховский, Ушаков, Степанов и др.). Из чехословацких рядов во время уже конфликта выделились: Сыровой, Гайда, Чечек, Швец, Воженилек, Прхала.

В составе Отдела Национального Совета были люди образованные, но не одинаковых политических взглядов, были даже коммунисты. Надежды на независимость Родины, подогреваемые Национальным Советом, предохранили новые формирования от разложения; они держались той мысли, что корпус представляет

собой иностранное войско, оказавшееся на территории России до отправки во Францию, и что им не следует вмешиваться во внутренние распри русских. Это положение было принято и объявлено Массариком и этим была проникнута вся его политика. Поэтому чехами было подписано в марте соглашение с большевиками о нейтралитете с разрешением отъезда чехословаков во Францию через Владивосток. Враги — немцы, а большевики не враги, разрешают отъезд; так думали Массарик и «иже с ним».

Этим взглядом на положение объясняется отказ чехословаков в помощи по призыву ген. Алексеева с Дона — направить туда хотя бы одну дивизию в самый трагический для Донского казачьего войска момент (время самоубийства ген. Каледина). Массарик по своим политическим взглядам был близок русским эсерам. Преобладание последних в различного рода советах в 1917 году и комитетах, победа на выборах в Учредительное Собрание, — все приводило его и членов Национального Совета к заключению, что эсеры имеют за собой большинство народа. Эти симпатии руководителей выявились во время выступления корпуса против большевиков.

К концу марта чехословацкие части оставили Украину полностью. Сборным пунктом для начала движения эшелонов на восток была назначена Пенза, где происходила условленная сдача оружия и где большевики старались отговорить людей от путешествия и уговорить вступить в интернациональные отряды в составе Красной Армии. Пропаганда большого успеха не имела.

Соглашаясь на пропуск эшелонов корпуса, советская власть потребовала частичного, при оставлении Пензы, разоружения: на эшелон оставлялось 150 винтовок и один пулемет. Несмотря на выраженное чешскими политическими руководителями согласие на такое разоружение, начальники эшелонов и солдаты встретили такое распоряжение с подозрением и часть оружия была скрыта. Не все чехословаки были поклонниками политики Массарика уже в это время. Первый эшелон был отправлен 27 марта.

К середине мая эшелоны корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. Движение происходило не гладко. Были задержки из-за развала транспорта, были причины неясные, встреченные с подозрением. В начале мая было получено распоряжение (по желанию французов) повернуть часть корпуса, достигшую Омска, на запад — на Мурманск. Это распоряжение решено было не выполнять.

Нужно при этом помнить, что после Брестского договора в

Москве остановилось немецкое посольство во главе с графом Мирбахом, которое требовало строгих мер против чехословаков. Оно было озабочено исправным проходом по жел. дороге с востока военнопленных мадьяр, а не свободным движением чехословаков на восток. 14-го мая на ст. Челябинск из проходившего эшелона с мадьярами была брошена железная полоса, поранившая чеха; чехи нашли виновного и устроили над ним самосуд. Местный совет горячо ввязался в разбор случая, причем чехи показали, что для них советские силы не помеха, отказавшись выдать виновных.

Этот случай и вероятно давление немцев дали повод Троцкому принять решение, направленное против всего корпуса; 21-го мая было отдано распоряжение по телеграфу о полном разоружении и расформировании эшелонов с предложением или вступить в Красную армию или составить рабочие артели по указаниям сов. власти.

В ответ на это распоряжение эшелоны отказались подчиниться и сдать условленное ранее оружие. Люди в эшелонах и ближайшие начальники ясно увидели, что подчинение грозит концом существованию корпуса и самой их жизни. Они еще надеялись как-то доказать неправильность решения, но очень скоро узнали, что надежды их тщетны.

Окончательный толчок к открытому вооруженному выступлению чехословаков на всем протяжении пути был подан Троцким, который 25 мая истерично — грозной телеграммой на имя советов и красноармейского командования потребовал немедленного отобрания от чехословаков оружия полностью. Приказывалось расстреливать на месте каждого чеха или словака, оказавшегося вооруженным, и выбрасывать из вагонов и заключать в лагерь военнопленных людей каждого эшелона, в котором окажется хотя бы один вооруженный.

Эффект телеграммы на чехословаков был для Троцкого и исполнителей — советов неожиданный. Она вызвала общий взрыв в корпусе. Спасая свое существование, эшелоны вступили в борьбу с большевиками, захватывая станции жел. дор., разгоняя советы, уничтожая красноармейцев, создавая панику среди них. Такие выступления вызвали местные восстания русских организаций и формирование наспех русских добровольческих отрядов, независимо от того, кто становился во главе гражданской власти и не заглядывая далеко в будущее. Ближайшие к массам людей начальники эшелонов уже раньше, по собственной инициативе, вошли в связь с некоторыми русскими организациями по пути в целях

найти содействие продвижению. Руководители организаций в свою очередь решили воспользоваться создавшимся положением в своих целях — уничтожения большевистских советов и красных отрядов. Обыватель был совершенно не осведомлен и смотрел на задержки чехов, как на случайные до того момента, когда чехи начали с оружием в руках продвигаться на восток.

Основные очаги восстания вдоль пути образовались почти одновременно: 25 мая в Ново-Николаевске во главе с капитаном Гайда (около 4000 бойцов); 26 мая в Челябинске под начальством полк. Войцеховского (около 8000 чел.); 28 мая в Пензе под начальством поручика Чечека, который командовал хвостовыми эшелонами (около 5000 чел.). Головные эшелоны чехословаков, находившиеся под начальством ген. Дитерихса, двигались через Забайкалье к Владивостоку сравнительно беспрепятственно (около 15.000 чел).*) Первой задачей начальников этих групп было войти в прочную связь между собой, устранив все препятствия с оружием в руках.

С этой целью Чечек двинулся от Пензы к Сызрани, захватил здесь жел. дор. мост через Волгу и затем 8 июня вступил в Самару и отсюда направился на Уфу. Войцеховский и Гайда сначала двинулись друг другу навстречу и соединились у Омска. После этого Войцеховский повернул к Уфе и встретился с Чечеком у Златоуста; Гайда же направился на восток и занял 19 июня Красноярск и 11 июля Иркутск. Так как ген. Дитерихс двигался из Владивостока, то от Байкала были двинуты навстречу ему части. У Байкала эти части были задержаны на короткое время красными, причем здесь погиб подполк. Ушаков (Ген. штаба, вып. 14 г.). В Забайкалье произошло соединение сил Дитерихса и Гайды и с этой встречей установилось сквозное жел. дор. сообщение до Владивостока через Маньчжурию по Китайско-Восточной жел. дороге.

В момент выступления чехи были озабочены только обеспе-

---

*) *Примечание:* По советским источникам «растянутость эшелонов в известной степени была обусловлена пропускной способностью жел. дорог, но основное заключалось в другом. Составленный командованием график перевозок предусматривал такое распределение войск по эшелонам и такой порядок следования последних, чтобы можно было в любой момент и в любом районе быстро собрать под одним командованием крупные силы из всех родов оружия. Если можно так выразиться, корпус передвигался в эшелонах в боевом порядке, и когда заранее намеченные группы эшелонов оказались в заранее намеченных районах, был дан сигнал к нападению». (Эйхе — «Уфимская авантюра Колчака»).

чением беспрепятственного движения к Владивостоку. Присоединившиеся к ним русские добровольцы не были уверены, что чехи задержатся надолго. Слухов, самых разнообразных, было много, особенно преувеличенных относительно скорой помощи союзников. Успех вооруженного выступления чехословацкого корпуса, давший ему и восставшим вместе с ним русским жел. дор. магистраль от Волги до Владивостока, был неожиданным для союзников. Как раз в это время велись переговоры об интервенции с целью создания в России противогерманского фронта. Они подтолкнули решение вопроса: интервенция была решена 2-го июля, но с весьма ограниченными целями по настоянию американцев. Чехословацкий корпус решено было оставить в России временно, и часть чехословацких эшелонов была направлена на запад к Волге. Большие силы для действий могли в это время дать только японцы, но они были под подозрением американцев; сфера их интервенции ограничивалась поэтому занятием жел. дор. полосы от Владивостока до Байкала.

Выступление чехословаков застигло большевиков врасплох. Троцкий метал молнии против мятежников с пустыми руками, т. к. новый план организации Красной Армии еще не дал ощутительных результатов из-за отсутствия добровольцев, а мелкие красноармейские отряды были страшны только для безоружных обывателей. Так как чехословаки считали, что в составе этих отрядов есть немцы и мадьяры из пленных, то при столкновениях с ними они расправлялись с ними беспощадно.

Весной 1918 года Восточного противобольшевистского фронта в общепринятом смысле этого слова не существовало, но летом того же года он был образован одновременно с занятием чехами Самары 8-го июня и началом формирования добровольческих частей Народной армии с военным центром в Самаре. Скоро линия фронта тянулась по Волге от Хвалынска через Сызрань, Симбирск, устье Камы до Казани включительно. Волжская флотилия была *хозяином на всем* протяжении фронта.

Примечание. Ген. Лампе, в своей книге «Пути верных», на стр. 72, говоря о длительности существования фронтов, считает, что борьба на Восточном фронте велась только один год и три месяца, почему-то не принимая в счет времени борьбы до прихода к власти адмирала Колчака, хотя в той же книге, на стр. 37 и 38, в противоречие себе, пишет о некоторых плодах действий частей, напр. о захвате золотого запаса и об участии в боях рабочих Урала.

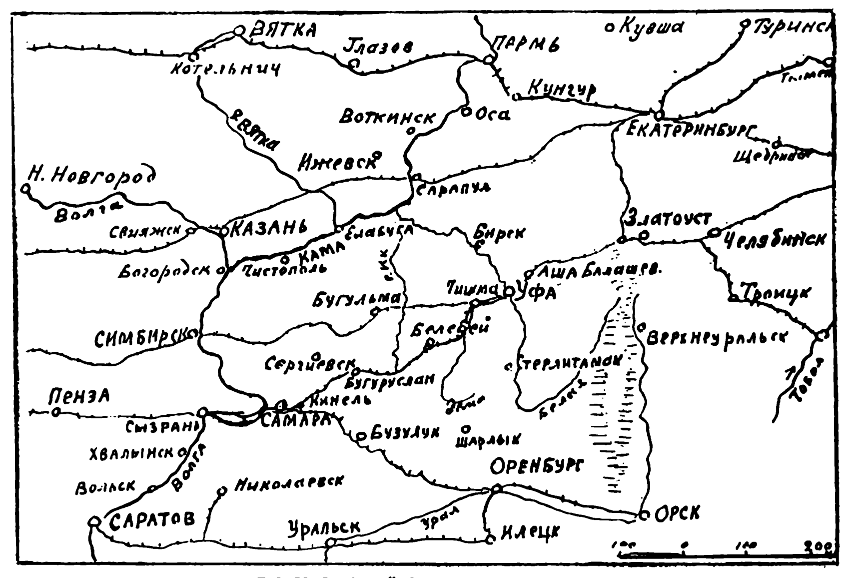
II

ЛЕТО И ОСЕНЬ 1918 ГОДА ПОВОЛЖЬЕ И ПРИКАМЬЕ.

Самарский период (8 июня — 8 октября)

Самара — сравнительно большой губернский, торговый город на левом берегу средней Волги — у впадения в нее реки Самарки. Переименован Советской властью в «Куйбышев» — по фамилии первого председателя Самарского Совета (видного коммуниста).

Город Самара, как и другие города России в это лето 18 года, переживал трудное время. Власть-то была захвачена, но большевистский режим еще не закрепился достаточно, чтобы чувствовать себя прочным. Обыватели, элемент пассивный, подчинившись, не верили в долговечность власти и ждали, что кто-то все переме-

От ВОЛГИ до УРАЛА. ВОСТОЧНЫЙ фронт гражданской войны в 1918-1919 гг.

нит. Жизнь в Самаре была еще не столь тяжела и председателя Совета Куйбышева даже хвалили, т. к. он был доступен для подачи всяких претензий и жалоб.

Но у Самарского Совета перед чехословацким «мятежом» были свои местные тревоги. Происходили волнения во многих сельских местностях из-за реквизиций лошадей и подвод для красноармейских отрядов. В самом городе были случаи крупных столкновений с левыми эсерами, анархистами и прочими противниками режима и политики. И вдруг сведения о чехословацком мятеже в Пензе, грозные телеграммы Троцкого, панические вести из Сызрани о продвижении чехов. Пришлось наскоро собрать красноармейский отряд и направить его к мосту через Волгу у Сызрани. Чехов этот отряд не задержал, т. к. бежал к Самаре, заразив своими паническими рассказами на пути рабочих на заводе в Иващенково, которые готовились к обороне и предполагагли испортить жел. дор. путь. Самарскому Совету приходилось считаться с тем, что чехословаки не замедлят оказаться перед Самарой через несколько дней и необходимо приготовиться к обороне хотя бы района жел. дор. моста. Река Самарка в это время еще не вошла в свои берега после весеннего разлива, что облегчало задачу обороны. Известно, что какой-то отряд был двинут даже из Уфы в Самару для помощи.

Незадолго до выступления чехов в Пензе, по распоряжению Московского военного центра (Троцкий) в Самару из Старой Руссы прибыл эшелон бывшего штаба Первой Армии с поредевшим, но работоспособным составом, пpадназначенным переорганизоваться в штаб Приволжского военного округа. Эшелон был встречен местным Советом во главе с председателем Куйбышевым, можно сказать, «в штыки», как контрреволюционный. Начальнику штаба и двум комиссарам из состава бывшего Армейского комитета стоило больших трудов убедить Куйбышева, что прибывший состав будет выполнять только задачи, поставленные ему центром, не касаясь местных задач, которые выполняют отряды в его распоряжении. Только после телеграфных разговоров с Москвой было отведено помещение в городе для штаба (здание гимназии), эшелон разгружен и личный состав получил в городе комнаты.

Куйбышев, видимо, успокоился, в штабе началась монотонная никчемная организационная работа, т. к. добровольцев для службы в Красной Армии не находилось ни среди солдат, ни среди офицеров. После появления чехословаков уже перед Сызранью в штабе стало известно, что большевики, вопреки прежним отношениям,

требуют от начальника штаба нарядить двух-трех офицеров в красноармейские отряды для штабной службы. Начальник штаба отказался и вопрос временно был оставлен, до разрешения вопроса с чехами о проходе. У большевиков, видимо, сложилось впечатление, что им удастся получить гарантию прохода эшелонов без всяких выступлений. Известно, что они посылали делегатов к чешскому командованию, которые были холодно приняты.

Другой результат получился, когда в Пензу отправился из Самары один из трех проживавших здесь членов разогнанного по приказу Ленина Учредительного Собрания — эсер Брушвит. Группа эсеров была так слаба (3 чел.), что Самарский Совет не уделял ей внимания, также как мало обращал внимания и на сведения о существовании в городе тайной военной организации, руководимой арт. подполковником Галкиным. Он не был партийцем эсером, но поддерживал связь с эсеровской группой. Брушвиту удалось договориться с чешским командованием. Он, во-первых, оказал чехам ценную услугу, ознакомив их с положением в городе, с расположением большевистских сил и учреждений, с состоянием противобольшевистских сил и проч. Обещал, что военная организация поможет им пройти мост и в дальнейшем окажет содействие для водворения порядка, а группа членов Учредительного Собрания возьмет власть в свои руки.

Относительно партии эсеров нужно сказать здесь, что она имела в Учредительном Собрании большинство, а когда Собрание было грубо разогнано, то никто в Петрограде не встал на его защиту. Центральный Комитет партии перекочевал в Москву и там после обычных тайных партийных дискуссий решено было заняться пропагандой восстаний среди населения в Поволжье, где они ожидали «вспышек» более, чем где-нибудь.

При обсуждении с чехами в Пензе будущего аппарата власти и режима, между прочим, был уговор, что власть из членов Учредительного Собрания будет организована на широкой базе, т. е. будут привлечены члены из других партий. Желающих сотрудничать с группой эсеров, однако, не оказалось.

Засекреченная военная организация насчитывала в своем составе около 150 человек, в большинстве офицеров и отнюдь не эсеров, и кроме того из молодежи. Она лихорадочно ждала, чем кончатся разговоры Брушвита с чехами, а затем ждала указания времени выступления; ждать пришлось недолго.

После незначительных боев на участке ж. д. Сызрань-Самара,

совершенно расстроивших красных, 8-го июня на рассвете чехословаки вступили в Самару, не встретив серьезного сопротивления, и быстро очистили ее от красноармейцев и комиссаров. Вошли они в город, не прибегая к каким-либо маневрам, а прямо по мосту через Самарку. Нападение незначительными силами или отдельными членами военной организации с ручными бомбами обратило в бегство случайную «храбрую» охрану моста. Путь оказался свободен. Красные отряды разбежались в разные стороны. Комиссары воспользовались водным путем и ушли на пароходах по Волге вверх и вниз. Часть большевиков из городского совета попряталась в городе и пригородных населенных пунктах. Объялено, что большевистская власть в Самарской губернии свергнута и что вся власть в ней принадлежит Учредительному Собранию, а местною властью объявлен Комитет Учредительного Собрания, образованный временно из пяти членов Учредительного Собрания. Комитет ставит себе ближайшей задачей укрепление власти Учредительного Собрания, создание Народной Армии для борьбы с внешним врагом (немцы и большевики) с сохранением обязательств с союзниками. Открыта запись добровольцев в Народную Армию не менее как на три месяца.

Во главе военных сил поставлен «Штаб Народной Армии» из трех лиц — начальника штаба подполковника Галкина и двух членов — Фортунатова и Боголюбова, последний скоро был замещен В. И. Лебедевым.

Надо было без промедления обеспечить новый центр от всяких неожиданностей, т. к. Самара оказалась маленьким островом, окруженным рассыпавшимися красными отрядами, да еще с водными средствами для десантов. Оправившись несколько от ударов, они стали переходить к активным действиям в ближайших окрестностях и мешать новой власти работать в деревне. Связь с деревней была опасна. Из деревень появлялись ходоки за информацией.

Видимо, Комитет надеялся на поддержку чехов, чтобы иметь время организовать свои военные силы. В городе была большая радость, что избавили жителей от большевиков, но поддержки большой не предвиделось. Все ждали, что будут делать дальше чехи. Первое впечатление от разговоров с их командованием, — что они долго не задержатся. Остаются только для прочистки пути на Уфу, куда Чечек должен двинуться после занятия и обеспечения за собой узловой станции Кинель, т. к. гор. Бузулук, по дороге на Оренбург, был занят красными и угрожал их пути. Ресурсы для немед-

ленного создания хотя бы в зачаточном размере Народной Армии были весьма слабыми, запись добровольцев незначительна. Ресурсы: выступившая против большевиков военная организация — всего 150-200 человек — не имела вовсе ничего подготовленного для работы, кроме знания расположения города и окрестностей. Не было аппарата управления и, чтобы создать его, не было мало-мальски подготовленных людей, и в то же время замечалось подозрение, что готовый к работе штаб Поволжского военного округа «красный», т. к. прибыл по распоряжению Москвы. Самый авторитетный работник — подполковник Галкин, годный для представительства от Армии в Комитете, но не для должности военного министра и командующего военными силами. Не было плана работы хотя бы на первые дни; было лишь сумбурное понятие вообще о принятых на себя обязанностях.

Члены военной организации были, конечно, первыми добровольцами и вместе с записавшимися в первые два-три дня образовали остов первых воинских частей: две роты, эскадрон, конную батарею, мед. отряд и проч. Состав — большею частью бывшие офицеры и воспитанники высших и средних учебных заведений из местной буржуазии. Рабочие и вообще горожане дали ничтожное число добровольцев. Значительная часть офицерства осталась выжидать, надеясь, что удастся избежать участия в гражданской войне. Были, конечно, и такие, что отрицательно относились к новой власти, как полубольшевистской, и отказывались от службы.

Готовый по организации к работе штаб Поволжского военного округа в первый же день вступления чехов был указан местом для записи добровольцев, но начальнику его штаба прежде всего пришлось объяснить Чечеку, что состав его не принимал и не соглашался принимать участия в подготовке города к обороне. Сам начальник штаба, пессимистически смотревший на будущее Народной Армии, а также на помощь союзников, на второй день тайно выехал из города, направляясь будто бы в Литву, где жили родители. Состав же штаба почти целиком 9 июня начал свою работу в стенах уже бывшего штаба Поволжского военного округа. Под начальством Галкина оказалась небольшая группа молодых офицеров Ген. штаба, среди которых был и Каппель, в первые же дни выступивший на фронт. Остальной состав штаба офицерский, чиновники, телеграфисты, писаря, хозяйственная часть охотно остались в штабе почти полностью. Остались даже некоторые члены бывшего армейского комитета — эсеры и др.

И еще один ресурс, о котором как-то не думали, но он оказался чрезвычайно ценным: Волжская флотилия. В городе оказались три морских офицера — мичманы: Ершов, Степан Дмитриев и Мейерер — они горячо взялись за создание флота. Чуть ли не через день мичман Ершов рапортовал в штабе, что флотилия готова к работе. Речная флотилия из вооруженных и приспособленных пароходов и буксиров играла громадную роль во всех операциях Народной Армии вдоль берегов Волги и Камы.

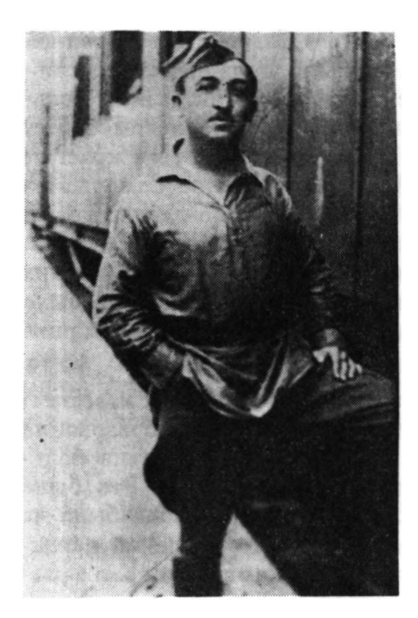
Все ресурсы были пущены в ход и, удивительное дело, просто чудо в военных рядах: вчера еще безнадежно смотрели на положение, ничего особенного не ожидали от прихода чехов, и вдруг все изменилось... Маленькая кучка офицеров, не взирая на чуждую по своей природе и политике власть, не задумываясь о своей судьбе, поднимает оружие против банды насильников. В штабе еще вчера уныло высиживали часы, а сейчас все заработали, особенно телеграфисты. Они в первые дни умудрялись перехватить очень ценные сведения. Даже на жел. дороге нашлись рабочие, помогшие при оборудовании броневиков.

Без осложнений подобраны лошади для эскадрона и конной батареи. Для первых формирований было найдено оружие и боевые припасы в красноармейских складах. Начат сбор винтовок, ручных гранат. Их было мало.

Верилось в успех при таком воодушевлении, верилось даже в помощь союзников. Время, однако, не ждало. Первые неприятные вести пришли со стороны Сызрани. Там широкий жел. дорожный мост через Волгу. Когда проходили чехи, жел. дор. служащие и рабочие помогли им и большевики были разогнаны. Большевики теперь собрали будто бы значительный отряд и начали наступать, чтобы захватить мост и город снова. Требовалась срочная помощь сызранским слабым силам сохранить мост и город в своих руках.

Здесь была первая проба только что сформированным из добровольцев маленьким частям Народной Армии под командованием подполковника Каппеля. Маленький отряд был готов. Отличный боевой состав. Нужен был командир. Каппель самолично проверил все до мелочей и вызвался вести его в первый бой.

Первый удар Каппеля по красным у Сызрани был сверхудачным. Красные бежали и импровизированные «броневики» преследовали их очень далеко. Тревога была даже в Пензе. Кем-то был пущен слух, что чехи вернулись, хотя чехов у Каппеля в отряде не было.

Поручик Чечек в Самаре
8-го июня 1919 г.

Ген.-лейт. В. О. Каппель

Штаб Самарской группы войск в Уфе
в 1918 г. Сидят: П-ки Швец, Щепихин, Чечек, Петров и доктор Власак

Июнь месяц и первая половина июля в Самаре для Народной Армии — это ряд смелых действий маленьких отрядов под начальством Каппеля, совместно с речным флотом против разных большевистских отрядов, иногда довольно крупных. На левом берегу выше Самары занят уездный город Ставрополь, которым красные пользовались для высадок и нападений на охранение Самары. На правом берегу Волги разбита группа красных у Ново-девичьего, на левом — группа красных, угрожавшая Ставрополю от Мелекеса. Полууспехов не было. Красные не выдерживали ударов небольших сил. Но зато в Самаре часто бывали моменты, когда трудно было найти взвод для выполнения мелких спешных задач. Служащие штаба имели наготове винтовки на всякий случай.

В начале июля чехи передали радостное для русских известие: чехословацкие полки возвращаются с востока для образования вместе с частями Народной Армии общего фронта против большевиков, считая, что за большевиками стоят немцы. Это было ожидаемое решение союзников, так как война на Западе была не кончена. Интервенция была решена, но, конечно, сведения о масштабе и силах были раздуты чрезвычайно. В Самаре во время различных митингов раздувал планы союзников Лебедев, так же как и в Народной Армии. На линии жел. дороги чехословаками в тылу была занята Уфа и начато формирование уфимских частей. Чечек встретился у Златоуста с Войцеховским, причем последним 8 июля отдан оперативный приказ от имени командира чехословацкого корпуса Сыроваго: полковник Степанов направился для овладения Симбирском, а Чечек для закрепления Сызрани. Войцеховский должен был наступать на Екатеринбург. В общем — первый официальный документ чехословацкого корпуса о действиях против большевиков.

Чешские эшелоны 1 дивизии начали прибывать в Самару как раз в то время, когда против Сызрани большевики сосредоточили большой отряд и повели наступление на широком фронте. Спешно был организован отряд при участии 4-го чешского полка и направлен на помощь сызранцам. Под начальством Каппеля удар был нанесен с тыла по красным, которые уже ворвались в город. Красные были разбиты: часть их, еще находившаяся в эшелонах, в панике под артиллерийским обстрелом бежала от жел. дор. на юг. Паника была так велика, что беглецы достигли Хвалынска в 80-ти верстах, а там в это время вспыхнуло восстание, разогнавшее мест-

ный Совет. Создался таким образом новый район борьбы под начальством эсера подполковника Ген. штаба Махина.

В это время в Самару после прочистки пути на Уфу и занятия Уфимского узла вернулся назначенный начальником 1-й чехословацкой дивизии полковник Чечек с частью сил, действовавших в районе Уфы. Часть сил по приказу командира корпуса от станции Чишмы была отправлена по Бугульминской дороге на Симбирск и продвигалась по жел. дор. весьма успешно.

С упрочением положения на участке Сызрань — Хвалынск Каппель начал готовится к походу на Симбирск.

Командование всеми силами на фронте было объединено в руках полковника Чечека, как командующего войсками Поволжского фронта в оперативном отношении. Тыл, заботы о пополнении частей Народной Армии оставались на попечении подполковника Галкина и Комуча.

Положение Самарского центра упрочивалось и район влияния его и хозяйства расширялся. Заняты Бузулук, Уфа. Атаман Дутов занял снова Оренбург и большевистские силы этого района отошли частью на Туркестан, частью на север, минуя Уфу (Блюхер). На Урале и за Уралом после занятия Челябинского узла и Златоуста создавался фронт на Екатеринбургском направлении под командованием Войцеховского. Уральские казаки продолжали держать оборонительный фронт против Саратова, прислав в Самару две сотни казаков.

Берега Волги вверх от Самары были очищены почти до Сингилея, где оставался сильный советский отряд Гая, охранявший подступы к Симбирску по правому берегу Волги и со стороны Сызрани. В самом Симбирске были части красных из Мелекесского отряда. (В Самаре не знали о бунте Муравьева 10 июля в Симбирске). Появилась новая группа красных у Николаевска, действовавшая в направлении крупного населенного пункта Иващенково с бывшим военным заводом снарядов и угрожавшая связи Самары и Сызрани. Группа эта была подвижна. Были получены сведения, что в Николаевске формируются два полка пехоты и конница и что во главе группы стоит Чапаев, прославленный впоследствии советами. С прибытием чехов пришлось выставлять заслон южнее Иващенково у Марьина из чехов и оренбургских казаков, полк которых прислал в Самару атаман Дутов по освобождении Оренбурга. Выставление заслона было полумерой, в расчете, что удастся ликвидировать группу при первой возможности.

Уфа энергично формировала части из добровольцев и одновременно очищала свой район от красных.

В середине июля отряд Каппеля в Сызрани был совершенно готов: два батальона пехоты, два эскадрона, батарея легкая, батареи гаубичная и конная; по тем временам это был уже мощный отряд, особенно в руках Каппеля, уже популярного в частях. Сызрань решено оставить на чехов и формируемые части 2-й дивизии Бакича. Когда успех продвижения чехов от Бугульмы к Симбирску определился, приказано было начать движение 17 июля с расчетом подойти к Симбирску с чехами, с разных только сторон, одновременно или несколько раньше. Для привлечения внимания отряда Гая (считали около 2000 чел. с сильной артиллерией) приказано было двинуться вверх по Волге из Ставрополя речной флотилии, представлявшей тогда уже внушительную силу.

Маневр был выполнен блестяще. Каппель в 4 суток прошел около 140 километров и, не обращая внимания на угрозу со стороны Сингилея своему правому флангу и тылу, рано утром 22 июля сбил охранение и оборонявших город красноармейцев и вступил в него в то время, когда чехи подошли с другой стороны и захватили жел. дор. мост.

Отряд Гая еле выбрался на запад от преследования.

Потеря Симбирска произвела громадное впечатление в Москве. Троцкий по радио призывал рабочих и крестьян спасать революцию. Приказано было перебрасывать начатые на прежнем фронте и внутри формирования. Начата мобилизация. В Самаре еще не знали о том, что 10 июля в Симбирске произошло событие, весьма показательное для внутреннего состояния Красной Армии. В это время командующий красными войсками в Симбирском районе, знаменитый покоритель Киева Муравьев, левый эсер, 10 июля поднял восстание, объявив, что присоединяется к чехословацким «мятежникам». В окружении его нашлись, однако, люди, которые не дали хода его призыву к восстанию, арестовали его и не замедлили прикончить. Большевики в печати указывали, что восстание было приноровлено к московскому восстанию левых эсеров.

С занятием Симбирска, судя по полученной директиве Войцеховского от имени командира корпуса, задачу можно было считать выполненной. Следовало лишь закрепить за собой обе переправы через Волгу и, кроме того, обеспечить за собой правый берег Волги у впадения Камы занятием Богородского, как стороже-

вого пункта и базы для флотилии. Закрепление и обеспечение левого фланга требовало значительных сил, а их не было.

Надо сказать, что в Самару к Галкину и, вероятно, к членам Комуча появлялись ходоки из разных пунктов и почти все без исключения давали преувеличенные сведения об офицерах в городе, готовых взять в руки оружие, также вообще о количестве активных противобольшевиков. Так было с Симбирском и еще в большей степени с Казанью.

Симбирск дал добровольцев из офицеров и молодежи на два батальона, работа по использованию ресурсов всякого рода оказалась не по плечу и местным исполнителям и присланным из Самары. Требовалась решительность и быстрота. Призыв местного населения при видимой близости красных отрядов не мог дать хороших результатов, т. к. и времени для боевой подготовки было мало и обстановка была чересчур нервная. Из материальных запасов оказались значительные только интендантские; захвачено много винтовок, большею частью берданок. Получен патронный завод, но надо было силой заставить рабочих не уклоняться от работы. Тыловой район, по которому в эшелонах проследовали с броневиками чехи по жел. дор., был все время под ударами мелких отрядов красных со стороны береговых пунктов на Каме: Мензелинска, Елабуги, где были уже значительные силы красных, с которыми позже пришлось иметь бои ижевцам и воткинцам.

Отсюда, Симбирск не мог держаться собственными силами сразу по освобождении и нуждался в постоянном присутствии частей Народной Армии из самарских формирований и направленных к городу со специальной целью — чехов. Взятие Симбирска привело в чрезвычайное возбуждение население Казани. В Симбирске появились ходоки-делегаты с призывом не задерживаться и захватить город с большими ресурсами. В Симбирске в это время оказались оба члена штаба Народной Армии Лебедев и Фортунатов, оба горевшие желанием смелых действий. Командир чехов капитан русской службы Степанов, позабыв о задаче, полученной в Уфе, человек увлекающийся и неуравновешенный, быстро согласился на столь заманчивое предприятие под его командой. Каппель по запискам Степанова был очень осторожен, но в конце концов согласился на поход. В успехе не сомневались. Начали усиливать речную флотилию, личный состав которой к этому времени пополнился шестью кадровыми офицерами в чине от капитана 2-го ранга до лейтенанта и намеченный план вооружения судов был выполнен. В несколько дней были устроены две плавучие батареи

с шестидюймовыми орудиями по два орудия в каждой. Запас снарядов был крайне ограничен, приходилось их экономить.

Силы для операции были невелики, но надежны. При самом большом напряжении можно было выделить для десанта около двух батальонов Народной Армии и двух батальонов первого чешского полка с сильной артиллерией.

Из Казани почти ежедневно приходили сведения о полной растерянности среди большевиков и в войсках. Там в это время находился Вацетис, главнокомандующий Красной армией. В составе войск были два стрелковых латышских полка. По докладам прибывавших из Казани, город имеет значительные, готовые к восстанию военные организации и сможет при успехе удержаться собственными силами; были сведения, что в Котлас в скором времени прибывают союзные войска.

В Самаре полковник Чечек и полковник Галкин имели ясное представление об обстановке в Казани, т. к. делегаты появлялись и в штабе Народной Армии со сведениями о панике в Казани, после потери красными Симбирска. Но здесь не было веры, что Казань, если удался бы захват, удержится собственными силами. Считали, что удар в столь чувствительный пункт заставит Советскую власть пойти на срочные, крайние меры для обратного овладения потерянным. Потребуются большие подкрепления.

Обстановка же в самой Самаре требовала немедленно ликвидировать угрозу со стороны Николаевска в направлении Иващенково. Николаевская группа Чапаева усиливалась и сильно нажимала на заслон из 2-го чехословацкого полка. Почти ежедневные стычки и бои с подвижным противником сильно измотали чехов. Все попытки ликвидировать группу Чапаева не удавались, т. к. он ускользал от ударов, применяя партизанский образ действий и появляясь даже под Хвалынском против Махина. Требовались более крупные силы для маневра или высадка десанта в Вольске и, может быть, в Саратове. Саратов для Самары имел громадное значение не только потому, что он питал людьми и снабжал Николаевскую группу, а еще и потому, что на Саратовском направлении упорно бились с большевиками уральские казаки и часть крестьян Новоузенского уезда. Удар на Саратов давал возможность уральцам, взяв Николаевск, выйти на Волгу; население побережья Волги более враждебно относилось к большевикам, чем в центральных губерниях. Казалось, что Саратов даст достаточные силы на левом фланге фронта и вместе с уральцами легче справится с обороной, чем Казань.

По всем этим причинам в Самаре стояли на той точке зрения, что Симбирск необходимо обеспечить с севера занятием района устья Камы с демонстрацией в сторону Казани и все, что возможно, сделать для обеспечения Самарского центра от постоянной угрозы.

В первых числах августа (3-го или 4-го числа), когда Симбирск готов был к действиям, между Самарой и Симбирском происходил длинный разговор по Юзу. Симбирск (Лебедев, Фортунатов, Степанов) от имени группы добивались санкции на решительные действия для захвата Казани, надеясь на обещания оттуда, а Чечек из Самары, после подробного освещения положения, в конце концов категорически настаивал только на демонстрации для закрепления устья Камы, куда прибыл из Казани с батальоном майор сербской армии Благотич, обещавший примкнуть к чехам. Капитану Степанову было сказано в дополнение, что ни на какие резервы при их операции он рассчитывать скоро не может и что чехи должны быть возвращены в Симбирск не позже как через неделю, при всяком положении.

Судя по записям Лебедева в его воспоминаниях, а также по воспоминаниям Степанова, резоны, приводимые Чечеком, им казались не серьезными. По Лебедеву успех под Казанью «может сокрушить Советскую власть, а самарские страхи пустяки». Он и Степанов горели желанием даже не задерживаться под Казанью, а двигаться к Нижнему Новгороду, и т. д.

Казань была взята 7-го августа после недолгого, но упорного боя. Считавший себя главой операции капитан Степанов дает такое описание боя в своих воспоминаниях: «Майор Благотич доходит до Богородского на правом берегу Волги, а затем соединяется с чехами на левом берегу и участвует во взятии Казани. Явившись к Степанову, входит в подчинение и просит указать задачу». «Это было как раз в тот момент, когда командовавший чехословацким отрядом поручик Швец докладывал мне по телефону, что энергично поведенное им первоначально наступление запнулось, напоровшись на во много раз превосходившего численно противника, снабженного к тому же неисчислимым количеством пулеметов, скорострельных пушек, а также полевой и гаубичной артиллерией... Вследствие больших потерь цепи чехословаков безнадежно залегли и их дальнейшее продвижение поручик Швец считает невозможным. Согласно отданной мною диспозиции поручик Швец,

имевший в своем распоряжении 1-й и 3-й батальоны первого полка, должен был вести наступление на центр расположения противника, энергично охватывая Казань слева при поддержке боевой флотилии; подполковник Каппель с батальоном самарских добровольцев имел главной задачей охватить левый фланг противника, а по возможности и город с северо-восточной окраины. Лично в моем распоряжении оставалась могущественнейшая, поставленная на суда артиллерия, мной еще не использованная, и рота чехословаков — сила, которую я считал во главе с собой вполне достаточной для решения участи боя в мою пользу при условии направления ее в тыл противника, подвезя на одном из судов. В этих условиях я дал майору Благотичу приказание поступить в распоряжение поручика Швеца, усилив его центр и правый фланг и войдя таким образом в разрез между чехословаками и русскими добровольцами. Открываю чрезвычайно удачный и губительный огонь по всему боевому расположению красных. Ободренные прибытием братьев югославян и удачным действием нашей артиллерии, под могучий боевой клич сербов «На нож» цепи поднимаются и одним неудержимым, все сметающим со своего пути порывом сбивают красных и на их плечах врываются в предместье города, где встречаются огнем броневых автомобилей красных, на миг их задерживающих. Под влиянием того же еще неослабевшего порыва соединенные войска с помощью ручных гранат ликвидируют броневики и врываются в город. Казань взята».

Значение потери Казани красными было огромно. Троцкий спешно выехал на Волгу в Свияжск и целый месяц наводил порядки в рядах красных отрядов, строя из них батальоны, полки и подбирая соответствующих командиров. Вацетис по поводу потери докладывал: «Вся тяжесть обороны легла на пятый латышский стр. полк. Четвертый латышский стр. полк восстановил свою прежнюю боевую репутацию. Что же касается русских частей, то в своей массе они оказались к бою совершенно неспособными вследствие своей тактической неподготовленности и недисциплинированности». Сам Вацетис избежал захвата в плен лишь чудом.

Он же, Вацетис, очевидно оправдывасяь, 13 августа докладывает Ленину: «...Если бы 5 августа или к полудню 6 авг. противник окладел бы г. Казанью, то к вечеру 6 авг. он захватил бы также ст. Свияжск и мост через Волгу. Вследствие нашей неготовности стратегический расчет властно диктовал упорную оборону Казани,

кровопролитные бои, чтобы противник понес много жертв и потратил бы под Казанью много времени. Вот почему надо было подавать все резервы на Казань, а не группировать их около ст. Свияжск... Всеми изложенными соображениями объясняется то, почему я довел оборону г. Казани до такого крайнего напряжения, вплоть до риска моей собственной жизнью и жизнью лучших бойцов нашей республики». «7-го числа августа кризис уже миновал, т. к. лучшие войска чехословаков погибли под Казанью, оставшиеся же не были в состоянии развить успеха вверх по Волге... Считаю долгом службы донести о доблестном поведении 5-го латышского Земальского полка в двухдневной обороне г. Казани».

Представитель ВЦИК в комиссии, образованной для выяснения причин неудач красных на Восточном фронте, А. Розенгольц пишет: «Я с тов. Курским выехал сначала в Казань, где мы должны были выяснить причины столь быстрого падения Симбирска... По прошествии нескольких дней нашего пребывания в Казани она совершенно неожиданно для нас, также и для военной власти... была взята противником».

«Взятие это произошло чрезвычайно просто. Чехословацкие войска поднялись к Казани на пароходах, обстреляли город и почти без всякого сопротивления с нашей стороны взяли его в течение нескольких минут».

Эти два показания — Вацетиса и Розенгольца характерны полным противоречием. Не подлежит сомнению, что Вацетис выкручивается и врет: никаких стратегических расчетов у него не было, все произошло для него неожиданно. Лучшие чешские части не погибли, а погиб латышский пятый полк.

Расправившись сурово с бывшим командованием в Казани, Троцкий устроил назначение командующим Восточным фронтом бывшего полковника Ген. штаба Сергея Каменева и подобрал трех новых командующих армиями для фронта.

Следя за событиями на Восточном фронте, Ленин в центре лично направлял отряды рабочих на фронт; он весьма мрачно изображал положение в своих выступлениях. Вообще надо считать, что июль и начало августа были решительным поворотным моментом в истории Красной армии. Пока не грянул гром, дело организации армии по намеченному плану не двигалось. Центр не мог добиться от местных советов исполнительности и все оставалось

на бумаге. После потери Симбирска строительство изменилось.*) По плану Казанской операции, предполагалось одновременно с захватом города захватить и жел. дор. мост через Волгу у Свияжска, что не удалось и было большим минусом: красные продолжали владеть обоими берегами Волги и могли подвозить подкрепления и снабжать войска всем необходимым без препятствий. В Казани было захвачено много военного имущества; захвачена половина всего золотого запаса России, эвакуированная из Петрограда (650.000.000 зол. рублей). Захвачена также Военная академия Ген. штаба с профессорами и преподавателями и с частью слушателей. Академия находилась в Екатеринбурге и перед наступлением чехов была эвакуирована в Казань, причем часть слушателей (по моим сведениям — 37) при приближении чехов, добыв оружие, ушла тайно из Екатеринбурга в сторону Челябинска и присоединилась к восставшим казакам.

Троцкий из Свияжска отдавал приказ за приказом. Некоторые в Самаре перехватывались при передаче по радио. Он угрожал, что если какая-либо часть отступит самовольно, то первым будет расстрелян комиссар, а за ним командир. И в это же время большевикам был нанесен еще один сильный и неожиданный удар. Восстали рабочие двух заводов на реке Каме — Ижевского и Воткинского. Рабочих во время войны на заводах было около сорока тысяч. На этих заводах вырабатывались винтовки, стволы, стаканы, снаряды. Были сталелитейные цехи. Рабочими были не пришлый пролетарский элемент, а местные жители. Работали на заводах поколения некоторых семей; и гордились работой и благоустройством на заводах. Рабочие долго боролись с бесчинством советов. Вспыхивали неудовольствия, но как-то улаживались.

Потеря Казани всполошила большевиков в Ижевске и Воткин-

---

*) *Примечание:* Из примечаний в книге Г. Х. Эйхе «Уфимская авантюра Колчака»:

«6. По данным отдела учета добровольческой Красной Армии, на 1-е июня 1918 г.: числилось в II военных округах всего около 315 тысяч человек со следующим весьма показательным примечанием. «В том числе обученных 49 тысяч, готовых к отправке 17 тысяч, вооруженных всего 181,8 тясячи». Непосредственно на фронте против чехо белых в районе Средней Волги числилось во второй половине августа 1918 г. в 1,4 и 5 армиях всего 26 тыс. штыков и 80 орудий, 6 пароходов, несколько вооруженных барж и 4 катера, за короткий срок была проведена мобилизация в прифронтовых губерниях, давшая свыше 10 тысяч бойцов».

ске. Они получили приказ немедленно мобилизовать всех рабочих и двинуть на помощь войскам у Казани. Ижевцы и воткинцы отказались и подняли восстание. К рабочим присоединились крестьяне большой территории по Каме. Завязалась жестокая борьба, которая длилась до ноября месяца, когда красным удалось ворваться в Ижевск. Ижевцы и тогда не сдались, а в большинстве ушли за Каму с семьями. Из них, как ядра, были потом организованы лучшие части в белой армии, которые дрались на востоке до конца гражданской войны.

Взятие Казани с богатой добычей — вершина успехов в Поволжье соединенных сил чехословаков и русских.

После взятия Казани и восстания ижевских и воткинских рабочих в Самаре ликование. Самарский Комуч разросся и ожидалось прибытие новых членов. Весь успех упрочения положения и дальнейшего прогресса зависели от воинских сил. Что же сделал для этого Комуч, столь разросшийся? Что ему можно вписать в плюс? Ограничусь временем 8 июня—8 августа, т. е. 2 месяцами.

Члены «Штаба из трех» — Галкин, Лебедев, Фортунатов внесли некоторую долю: Галкин в Комитете отстаивал независимость Народной Армии от вторжений любителей с духом 17-го года, был сторонником создания общей военной власти на всем фронте, появлялся почти каждый день в разные отделы штаба и помогал работе как мог. Лебедев верил в прибытие союзников и старался укрепить веру в других, и после таких успехов, как в Симбирске и Казани, даже доставал какие-то суммы денег у состоятельных буржуев. Удавалось ему до некоторой степени увеличить приток добровольцев. Но был весьма плохо настроен против соглашений с правыми и Сибирским правительством. Про Фортунатова можно сказать, что с самого начала действий Народной Армии он редко появлялся в штабе и все время проводил на фронте с Каппелем. Показал себя отличным солдатом и командиром. Судьба его очень интересна: им был сформирован конный отряд, развернутый в дивизион под его командованием; получил чин корнета; во время отступления от Самары он бессменно прикрывал отход, а когда произошел переворот в Омске и сотрудниками адмирала Колчака был отдан приказ об аресте членов Комуча, то в отношении Фортунатова он не был исполнен. По рассказам, Фортунатов явился к Каппелю и прямо спросил: когда меня арестуете? Каппель успокоил его, что не собирается. Фортунатов до лета 19-го года пробыл в войсках Колчака и только во время боя за Челябинск или после него решил не двигаться в Сибирь, а уйти в район действий орен-

бургских и уральских казаков. Случайно, уже в Америке, при чтении книжки уральского атамана Толстова о судьбе казаков, мне попало имя Фортунатова. При отступлении Уральской армии к форту Алексадровскому зимой 19-20 гг. упоминается, что Фортунатовский дивизион был еще надежной частью. С уральцами в Персию он не пошел.

Комуч действительно разросся: к концу июля он насчитывал уже до 60-ти человек, ожидалось дальнейшее увеличение, между прочим прибытие Чернóва. В Народной Армии знали председателя Вольского, которого считали полубольшевиком. Знали Брушвита и Климушкина — руководителей выступления, более умеренных. Всем им, выступившим и с оружием в руках офицерами-добровольцами ставилось в вину прежде всего, что над зданием, занятым комитетом (Комуч), оставлен красный флаг.

Увеличение состава комитета принесло мало пользы делу, особенно созданию Народной Армии. Члены комитета, в большинстве по способности к работе в самарской обстановке оказались «любителями», устраивались на жительство в отеле или на квартирах и неохотно отправлялись в деревню, в особенности для надзора за призывом по мобилизации, к которой пришлось прибегнуть в середине июля, когда правительство было обрадовано возвращением чехов. Мобилизационный приказ был принят не везде одинаково: крестьянство Поволжья и Заволжья, более зажиточное и более предприимчивое, чем в центральных губерниях, за малыми исключениями, в массе было против большевистской власти, давшей волю лодырям из бедноты. Но идти добровольцами в армию не решалось, боясь неустойчивости новой власти. Военные успехи Каппеля и чехов дали толчок к выступлениям во многих местах. Все же ясно было, что с одними добровольцами большевиков победить нельзя и нужно прибегать к мобилизации, тем более, что со стороны населения были заявления: «добровольцами идти остерегаемся, а если будет объявлена мобилизация, все пойдут». Конечно, это было не совсем так, все же когда Комуч после долгих колебаний и дискуссий решил, наконец, в первой половине июля мобилизовать два возраста, не бывших на войне, то мобилизованных явилось даже больше, чем рассчитывали. Вопрос мобилизации был труден не потому, что людей явилось мало, а потому, что он требовал большой подготовки: не было достаточных, крепких кадров для приема и подготовить их было не из кого. Мобилизованные офицеры неохотно брались за дело и опытных

работников надо было искать с огнем. Материальной части не было, помещения были в беспорядке, вооружения не хватало. Настроение призванной молодежи тоже было неутешительное: прибыли, а что касается «воевать», желания нет. Одним словом, настроение 17-го года в запасных батальонах. Играло роль и то, что сведения о прибытии союзников не подтверждались.

Формировать части из мобилизованных и в то же время вести бои на большом фронте, требующем подкрепления, оказалось не под силу. Нужно было больше времени и более надежное, устойчивое положение.

Условия для формирования частей оказались много лучше в Уфимском районе, где татарское население было больше настроено против большевиков. В этом наиболее важном вопросе Комуч не выделил из своей среды ни отдельных серьезных работников, ни групп.

Казань сразу по захвате дала значительные формирования артиллерии, два офицерских батальона, некоторые технические вспомогательные части, а что касается призыва по мобилизации, то здесь людей даже не успели принять в приемники, как пришлось их прямо направлять для усиления частей, на позициях. Обстановка заставляла капитана Степанова задержать под Казанью чехов и присоединившийся при атаке сербский отряд майора Благотича. Скоро начались просьбы о посылке подкреплений, ибо взявшие Казань не имели сил для активных операций и принуждены были перейти к обороне на широком фронте. Сам капитан Степанов, видимо, перед угрозой своего начальства за неисполнение приказа, решил объявить себя командующим Казанской армией и пустился в политику, с обвинением Комуча в неумении создать силы для поддержки Казани.

Между тем, уже около 10 августа, то есть через три дня после взятия Казани, Симбирск начал переживать тревожные дни, ибо значительные силы красных начали методически приближаться к Симбирску. Полковнику Каппелю приказано было спешить к Симбирску с частями Народной Армии для выручки, а из Сызрани направлялся отряд для содействия в тыл красных. 14-16 августа под Симбирском произошло длительное сражение, закончившееся отступлением красных, но без особо решительных результатов. До этого времени бои с красными были кратковременными и заканчивались бегством их в беспорядке. По рассказам Каппеля, он во время этой операции впервые почувствовал перед собой силу, ко-

торая выполняет приказы командования и маневрирует. Прежней уверенности в успехе уже не было. В конце выручил энергичный удар самарцев в центре, причем он, Каппель, высказал, что Симбирск обеспечен от нового наступления не более, как на две недели.

С этим выводом Каппеля надо было считаться. Действительно, середину августа надо считать временем, когда успех в боевых действиях стал явно склоняться на сторону красных: в Казани части оборонялись и изматывались, под Симбирском противник был лишь отогнан и потрепан, Сызрань и Хвалынск оборонялись, в Николаевском районе красные усиливались.

В последних числах августа положение на Волге было для самарской власти уже грознее. Советская власть направляла сюда все свои готовые силы — и армейские и чисто партийные, начала пополнять действующие силы призванными по мобилизации. А главное, начала водворять дисциплину, упорядочивать снабжение, устранять сумбур в управлении, царивший доселе. На Волге появилась флотилия красных, стремившаяся проникнуть по Волге к Симбирску с севера и к Сызрани с юга. Уже в середине августа наша Волжская речная флотилия имела против себя на реке дальнобойные, скорострельные орудия, снятые с морских судов, вдвое превышавшие дальность орудий белой флотилии. В это время Волжская флотилия была развернута в три дивизиона, имевших от шести до восьми судов в каждом. Суда были вооружены почти не имевшими горизонтальной наводки сухопутными трехдюймовыми и 42-хлинейными пушками и пулеметами, имея по одному орудию на корме и по одному на носу; кроме того, были вооружены две плавучих батареи, имевших по два шестидюймовых орудия Шнейдера с крайне ограниченным запасом снарядов. Наши корабли при встречах с кораблями противника не знали поражений, хотя и несли иногда тяжелые потери; не было ни одного случая неисполнения боевого приказа, дезертирство во флоте было крайне редким явлением и даже, когда после неудачной компании, вся Народная Армия, за исключением добровольческих частей генерала Каппеля, находилась в состоянии полного разложения, флот до самых заморозков оставался в полном порядке, сохранив при отступлении с рек свое боевое имущество.*).

*) Капитан 1-го ранга Фомин.

Ожидания полковника Каппеля после августовских боев под Симбирском вскоре начали оправдываться: отогнанные силы красных энергично приводились в порядок и начали осторожно давить на охраняющие Симбирск части. Под Казанью в это время шли бои с переменным успехом; становилось ясно, что Казань долго не продержится, если не будет предпринято серьезных мер, не будет нанесен новый удар активному противнику. Надежд на прибытие свежих частей чехов с Урала не было, а действующие чешские части первой дивизии Чечека, задержанные Степановым, начали слабеть, выдыхались в бессменном сиденьи в окопах.

Отмечу здесь, что на берегах Волги действовала не вся первая дивизия. Часть дивизии под командованием Войцеховского находилась под Екатеринбургом, который был взят 25 июля (через неделю после убийства Царской Семьи). Затем, что при действиях в районе железных дорог чехи помещались в вагонах, которые оставляли для операций вблизи, возвращаясь по выполнении задач. Под Казанью чехи в это время занимали участок для обороны на левом берегу Волги; там был один из лучших полков — первый под командованием лучшего опытного командира Швеца. Красные получали жестокий отпор при атаках, но люди вымотались. Начались просьбы о смене, об отводе в тыл, как было раньше предположено.

На других участках фронта — под Сызранью, Хвалынском, Николаевском продолжались бои и стычки и с этих участков не только нельзя было ничего снять для отправки на север, а, наоборот, требовались постоянно пополнения. Красные везде, хоть и слабо, проявляли активность и после неудач, скоро оправлялись и снова подвигались вперед. И здесь чешские части (под Сызранью и Ново-Николаевском) начали сдавать, не проявляли прежней активности.

В чешской печати начали появляться критические заметки по вопросу формирований, а затем последовала в скором времени декларация Национального Комитета с определенным указанием, что чехи в течение трех месяцев борьбы в России доведены до изнеможения и естественно принуждены задать вопрос: что же дальше, почему в три месяца сделано так мало, почему не достигнуто у русских соглашение по созданию единой власти?

Учитывая обстановку под Казанью и по опыту зная, что посылать подкрепления туда батальонами бесполезно, и что спасти положение можно только маневром, полковник Каппель сразу же после боев под Симбирском занялся собиранием ударной группы. Один или два батальона из мобилизованных были притянуты из

Самары, около двух батальонов взято из симбирских формирований, и это вместе с добровольцами прежнего отряда Каппеля составило маневренную группу.

План был в общем такой: Каппель перевозится из Симбирска к Казани, высаживается в районе Нижнего Услона и затем двигается глубоко в тыл красных на правом берегу Волги, стремясь захватить железнодорожный мост через реку у Свияжска. Обороняющие Казань должны проявить наибольшую активность, чтобы отвлечь внимание от обхода.

Маневр не дал тех результатов, которые ожидал Каппель: он внес панику в тылу красных, но не выручил Казани. Паника у красных была большая. По мнению Троцкого, при некоторой энергии мог бы захватить весь штаб Троцкого. Сам он едва спасся.

По словам Каппеля, батальоны мобилизованных на марше держали себя хорошо, но ранее совершенно не обстрелянные, попав под огонь красных, смешались и внесли беспорядок в колонну, было потеряно много времени для восстановления порядка. В дальнейшем, ввиду сложной обстановки при действиях в тылу в мало изученной местности, ему пришлось положиться на свои испытанные надежные части, которые имели успех, но оказались малочисленными, чтобы развить успех. Была внесена сумятица в тыл, подорвана жел. дорога, захвачена добыча, но все это было чересчур кратковременно, далеко от самой Казани и не могло отразиться на фронтовых красных частях. Обороняющие Казань части не проявили достаточной активности.

На обратный путь, чтобы вывести людей из тыла красных благополучно, потребовалось два дня. Люди вышли переутомленными и с подорванной верой в дальнейшие успехи.

Казань была обречена. 8-го сентября Казань была оставлена ночью. Войска и бежавшие жители города двинулись по левому берегу к переправам на Каме у Лаишева и частью к Чистополю.

Между тем ослабление сил у Симбирска для маневра у Казани было учтено красным командованием и отброшенные в августе красные перешли снова в наступление. Каппель спешил на выручку, но было уже поздно, положения исправить не мог. Пришлось выводить на левый берег Волги части и обороняться, обеспечивая выход к жел. дор. войск и людского потока из-под Казани после переправы через Каму. Обстановка была чрезвычайно трудная для обороны, однако задача была выполнена успешно.

Симбирск был оставлен 11 сентября.

Потеря Казани и Симбирска были совершенно определенным

указанием на печальный исход дальнейшей борьбы на Волге, а власть Комуча и военный министр в Уфе на многолюдном собрании вели дискуссии и споры об установлении Всероссийской власти. Все собравшиеся стояли на точке зрения необходимости борьбы с большевиками, а когда дело дошло до выборов членов директории, то дело затягивалось и только тяжелая обстановка принудила поторопиться. Было выбрано пять членов и среди них главнокомандующим ген. Болдырев, два члена эсеров, один из состава Сибирского правительства и один кадет. Собрание закончилось 23 сентября и было отмечено банкетом и, конечно «речами». Но самарским делегатам пришлось спешно возвращаться к себе. Во время хода споров по вопросу о выборах Галкин не раз по вечерам вызывал к аппарату начальника оперативного отделения и справлялся о положении. Конечно, от него не скрывалось, что дело идет к концу и он однажды передал, что в Уфе члены Комуча думают, что он сгущает краски, чтобы заставить их быть сговорчивее. В штабе совершенно ясно было, что раз мы принуждены к обороне и не имеем сил для маневра, а красные начали торопиться с наступлением, то весь фронт висит на волоске. Стоит лишь найти наиболее уязвимое место и все рассыплется. Против Самары угроза увеличивалась с запада и юга. Потеря Симбирска открыла дорогу красным на судах с артиллерией, т. к. речная флотилия после почти одновременного падения Казани и Симбирска оказалась разрезанной на две части. Первый и третий дивизионы, как бывшие под Казанью, остались при частях армии, отступавших от Казани на Уфу (под командой контр-адмирала Старка). Первый дивизион прикрывал отступление и обеспечивал переправу армии через Каму у Лаишева, а третий дивизион, имея при себе небольшой сухопутный отряд, был послан на Каму вперед для уничтожения мелких банд красных и их флота на Каме и для соединения с восставшими воткинцами и ижевцами, что он и исполнил. В конце концов, при сосредоточении армии к Уфе, флот отступил на Белую и с началом морозов прибыл в Уфу, где был поставлен на зимовку. Те же задачи были возложены на 2-й дивизион, оставшийся к югу от Самары. За сутки до падения Самары корабли были соредоточены к городу и разоружены.*) Перед оставлением Самары было послано с катером распоряжение штаба полковнику Бакичу о порядке отхода из Сызрани.

Единственное спасение в этот момент для удержания Самары

*) Капитан 1-го ранга Фомин.

было собрать хотя бы небольшую, но надежную группу для контрнаступления от Сызрани, обеспечив за собой Ставрополь. Но где взять такую группу. Начальник штаба Народной Армии, он же военный министр, произведенный в генералы, вернулся из Уфы и явился в оперативное отделение штаба и с ликующим видом заявил об избрании директории. Когда же ему было доложено о положении на фронте и о необходимости спешно убедить чехов помочь образовать ударную группу, заявил, что сейачс это невозможно, и потом вдруг прибавил: «Ведь, поймите, мы сейчас добились образования Всероссийского правительства и наши имена вошли в историю». В ответ на это ему только и можно было повторить, что этот вопрос мало волнует бойцов на фронте, а раньше высказывалось пожелание скорейшего объединения военного командования. Полковник Каппель специально приезжал из Симбирска для разговоров с председателем и членами Комуча о пожеланиях фронта, особенно добровольцев-офицеров. Нужны были люди и люди для борьбы и их надо было искать и привлекать, отнюдь не известием о появлении Чернова в Самаре и чествовании его.

С большим трудом нашлись силы, чтобы упрочить на время оборону Ставрополя. На южном участке фронта Хвалынская группа Народной Армии на фоне уже начавшихся и здесь неудач имела кратковременный успех под Вольском. Вольск был занят на короткий срок, и когда красные перешли в наступление, то отступление от Вольска было столь быстрым, что группа не смогла удержаться и под Хвалынском. Руководивший боевой работой хвалынцев полковник Ген. штаба Махин был в это время вторично серьезно ранен в шею (раньше в голову), и это сильно отразилось на боеспособности группы.

После оставления Хвалынска с одной стороны ухудшилось положение Сызрани, а с другой красные повели наступление по левому берегу двумя группами — одной непосредственно по берегу в направлении жел. дор. моста через Волгу, другой группой от Николаевска на Иващенковский завод, на котором рабочие подняли восстание, усмиренное чехами. Пришлось снимать из Сызрани части 4-го чешского полка для обеспечения моста от захвата.

После оставления Симбирска, с возвращением из-под Казани первого чешского полка, начальник первой чешской дивизии ген. Чечек, обеспокоенный несогласием своих людей с русскими частями в районе Бугульминской жел. дороги и расстроенный вообще положением, выехал в район Бугульмы, передав временное ко-

мандование дивизией и фронтом полковнику Швецу. В Самару он уже не вернулся, а прибыл в Кинель после оставления Самары. Полковник Швец горячо принимал к сердцу положение на фронте и всю свою энергию вкладывал, чтобы поднять дух своих людей. Многое ему удавалось, но изменить положения он не мог. Представители же Национального Комитета совместно с некоторыми членами Комуча старались улучшить обстановку по-своему: предлагали создать особый совет обороны при полковнике Швеце. Из этого, впрочем, ничего не вышло.

К концу сентября настойчивость красных на левом берегу Волги все увеличивалась, также как против Сызрани с запада. На Николаевском направлении посланные для подкрепления чехов новые самарские формирования оказались не стойкими. Сообщения Сызрани с Самарой оказались под угрозой перерыва и требовали большого наряда войск на охрану. Было решено оставить Сызрань, повредить мост через Волгу и всю линию обороны перенести ближе к Самаре. Операция оставления Сызранского участка и переброска войск на новый участок были весьма трудными, так как надо было держать мост недосягаемым для обстрела красными, а глубже при отходе красные угрожали выходом к железной дороге около Иващенковского завода.

Все это было выполнено в первых числах октября благополучно, но создать прочную линию обороны не удалось. Мост у Сызрани был разрушен больше, чем требовалось по заданию, т. к. на нем загорелся подвижной состав с тяжелыми снарядами, которые взорвались. Как всегда при отступлении, а в гражданскую войну в особенности, дух бойцов был таков, что опасность преувеличивалась и мнилась там, где ее не существовало. Решено было эвакуировать и Самару к 6 октября.

Будь наступление красных энергичнее, они не дали бы уйти из Самары сравнительно благополучно громадной ленте эшелонов и заняли бы ее раньше, чем 8-го октября. Серьезных боев за Самару вблизи города не было. Было опасение, что красные не торопятся потому, что будут старатсья отрезать эшелоны у узловой станции Кинель. На этой станции был громадный затор эшелонов и 7 и 8 октября потребовалась чрезвычайная энергия чешского командования, чтобы направить эшелоны частью на Уфу, частью на Оренбург, в зависимости от направления войсковых частей. В Кинеле 7 октября было совершенно точно выяснено разведкой, что

красные из Николаевского района двигаются на Самару без особой энергии, осторожно. Сам собой напрашивался удар по ним отсюда, но об этом можно было только мечтать. Полковник Швец был страшно расстроен поведением части чехов в эти дни. Винил офицерский состав некоторых полков. С оставлением Самары открывалось для красных направление не только на Уфу, но и на Оренбург, который дал на Поволжский фронт всего один полк, ссылаясь на то, что едва справляется с Туркестанским фронтом красных. Этот полк и направлялся на Оренбург вместе с Сызранской дивизией полк. Бакича, которая была слаба пехотными частями и сильна артиллерией. Все остальные направлялись на Уфу; среди всего этого остального — было мало войск, больше эшелоны с бежавшими жителями и имуществом. Крепкие самарские и симбирские части с Каппелем находились между Симбирском и Бугульмой; к ним позже присоединились отряды казанских формирований. Направление Самара — Уфа должны были прикрывать чехи, остановленные у Бугуруслана, и в зачаточном виде батальон Учредительного Собрания с конным дивизионом Фортунатова.

Надежд на будущее улучшение положения оставалось мало, т. к. было для всех совершенно ясно, что мы собственными силами с Советской властью не справимся, чехи, видимо, уйдут, а появление вооруженных сил союзников — пока миф. С возвращением чехов в июле в Самару, прибытию союзников поверили не надолго, теперь верить перестали.

Самара продержалась всего четыре месяца. Первые три месяца при подъеме духа у добровольцев и содействии чехов — были временем успехов и надежд на хорошее будущее. Последний месяц — временем агонии фронта. Несмотря на весьма трудную обстановку, слабость власти, несочувствие большинства населения, эти четыре месяца в истории борьбы на Волге и в Приволжье имели, конечно, большое значение: прикрывалась работа в Сибири и на Урале, дана значительная материальная часть для борьбы уральцам и Оренбургу, а также Уфе. Наконец, дан золотой запас в 650 миллионов золотом. Основной недостаток, который ясно определился: недостаток добровольцев в городах и полное отсутствие их из деревни. Мобилизация же протекала в неестественных условиях. Она требовала больше времени для подготовки. И самое главное, для мобилизованных частей не хватало добровольцев, как основы.

Уфимский период (8-е октября — конец декабря).

После оставления Самары штаб Поволжской группы прибыл в Уфу и был переименован в штаб Самарской группы русских и чешских войск. Командующим этой группой был назначен ген. Войцеховский, ранее командовавший Екатеринбургской группой. Генерал Чечек уехал во Владивосток. Начальником 1-й чешской дивизии должен был быть полковник Швец, один из лучших командиров-чехов, но, к несчастью, он застрелился в Белебее, по некоторым данным, тяжело переживая развал чехов вообще, а первого полка в особенности. С образованием Всероссийского Правительства в виде Директории «Штаб Народной Армии» из трех лиц перестал существовать и Галкин, произведенный Комучем в генералы, направился к Дутову. Краевой властью был объявлен «Совет управляющих ведомствами на территории Учредительного Собрания». Весь же состав Комуча во главе с прибывшим в Самару во время Уфимского совещания Черновым перебрался в Екатеринбург, где начал развивать работу чисто партийную.

Назначение генерала Войцеховского в Уфу безусловно сыграло большую роль для успеха обороны и вообще для положения в Уфе в весьма беспокойное по внутренним событиям время.

Он прибыл в Уфу как раз в наиболее трудное время, когда в чешских частях произошел резкий перелом в настроениях, повлиявший на их боеспособность. Война с красными становилась более трудной. Чешский арьергард, оставленный у Бугуруслана, чуть ли не впервые получил врасплох удар красных, которые устроили нападение на них в вагонах, очевидно, небрежно охраняемых. Люди бросили вагоны с достоянием и достигли спешно с потерями частью вдоль жел. дороги, частью кружным путем почти Белебея. Большого труда стоило их остановить у ст. Абдулино и не обнажать совершенно направления на Самару.

Хотя сведений о прекращении войны на Западном фронте еще не было получено, чехи в это время настойчиво требовали немедленного отправления в тыл, и когда им было приказано сосредоточиться у Белебея, несколько в стороне от главной магистрали, они отказывались свернуть эшелоны на жел. дор. ветку. Даже такой отличный полк, как первый, и тот был в брожении, и только после самоубийства полковника Швеца, произведшего большое на всех впечатление, вопрос о сосредоточении разрешился сравнительно благополучно. Уход в это время чехов поставил бы в скверное положение группу Каппеля, действовавшую в районе Бугуль-

мы. Отношения между русскими и чехами в полосе обороны Каппеля были испорчены взаимными обвинениями почти сразу после оставления Симбирска, и поэтому чехов не интересовало уже положение у Каппеля.

Командир чехословацкого корпуса Сыровой, объединявший командование фронтом, обещал присылку на фронт новых уральских частей в начале декабря. Нужно было держаться на фронте по крайней мере до декабря.

Генерал Войцеховский был начальником штаба Первой чешской дивизии еще в 1917 году; командовал затем 3-м полком и по соединении с Чечеком в Уфе 5 июля, был назначен командующим Екатеринбургской группой войск, с которой прежде всего очистил от красных районы Челябинска, Златоуста, Троицка, а потом взял и Екатеринбург 25 июля.

Он пользовался большой популярностью среди чешского командного состава и солдат и добился от командира корпуса разрешения на переброску из-под Екатеринбурга под Уфу в это критическое время своего бывшего 3-го полка, ударного батальона и конной батареи. Кроме того ему было обещано подчинение польского полка под командованием полковника Румша.

Сразу же по прибытии в Уфу ген. Войцеховский поставил в известность начальника 2-й чешской дивизии (Воженилик) и командиров полков, как дело решенное и подлежащее срочному выполнению, — сосредоточение всех чешских сил к Белебею с целью нанесения удара красным, теснящим Каппеля и наступающим на Белебей. Некоторые командиры полков пробовали вступить в объяснения о невозможности активных действий при существующих настроениях; Войцеховский прерывал доклад и с подчеркнутой настойчивостью говорил, что он вызвал всех не для докладов и объяснения, а для личной передачи задачи, которая должна быть выполнена.

В десятых числах ноября ген. Войцеховский оставил часть своих сил в распоряжении начальника 2-й чешской дивизии для обеспечения Самарского направления у Абдулина, а сам взял на себя непосредственное руководство ударной группой из семи чешских батальонов с артиллерией в районе Белебея. По соглашению с Каппелем последний должен был активно обороняться в центре на Бугульминской жел. дор., выделив часть сил для обхода левого фланга красных с севера. В распоряжение Каппеля был послан только что сформированный польский полк полковника Рум-

ша, прибывший временно английский броневик и часть оренбургских казаков.

Действия породолжались около четырех дней; маневр и удар удались вполне. Красные втянулись в ловушку, видимо, ничего не зная об опасности со стороны Белебея. Обойденные на обоих флангах, после упорных боев в центре, бежали, бросая пулеметы, и выбрались в сторону Бугульмы лишь благодаря выгодным условиям местности и тому, что район маневра для отступления был велик. Чешские части действовали в последний раз отлично. Все приказы и распоряжения выполнялись точно. После большого поражения требовалось энергичное преследование возможно глубже. Но тут последовало заявление, что они согласились на наступление, выполнили операцию добросовестно, а в дальнейшие действия ввязываться не желают, тем более, что уже были получены известия об окончании войны на Западном фронте. Кроме того, в последние дни боев настали резкие холода и некоторые части начали страдать от холода, т. к. были одеты уже не по сезону легко.

По опыту прежних боев было известно, что красные, оставленные в покое, залечат свои раны не ранее двух недель, и это значит, что около первого декабря надо было ожидать возобновления наступления.

Чешские части после этой операции ушли с фронта окончательно. Началась отправка эшелонов из Уфы по очереди, установленной Войцеховским. В конце ноября и в декабре бои за удержание Уфы велись частями Народной Армии и прибывшими с Урала новыми формированиями. Нужно сказать, что противник против Уфы был не только с запада, а и с севера, с Прикамья. На севере против красных действовали уфимские формирования из добровольцев во главе с капитаном Карповым и подполковником Молчановым. Опасность с севера увеличилась в ноябре, когда красным удалось сломить сопротивление ижевцев и воткинцев. Крушение Поволжского фронта не было неожиданностью для командования Уфимского района. Самарский штаб был в тесной связи с Уфимским. С самого начала восстания на Волге настроение в Уфимском районе вообще было более твердое, чем в Самаре, так как помимо городского населения, давшего значительное число добровольцев, на призыв хорошо отозвалась и часть сельского татарского населения, а также часть населения Приуралья. Уфа, после занятия чехами, своими добровольческими частями самостоятельно выполнила задачу по очистке района и довольно успешно боролась с появляющимися на севере отрядами. Единственно, что

не удалось Уфе, это отрезать отступление красных из Оренбургского района (после возвращения в Оренбург атамана Дутова) под начальством известного красного вождя Блюхера, который провел отряд около 8000 человек недалеко от Уфы и выбрался потом на Кунгур.*).

В Уфе даже мобилизация прошла успешнее. Формировался корпус. Задержка была не в недостатке людей, а в чрезвычайной бедности средств и оружия. К моменту оставления Самары корпус, конечно, не представлял корпуса, а был лишь его скелетом. Все же работа проходила успешнее, чем в Самарском районе, именно потому, что население относилось сочувственно к поднятой борьбе. К моменту отхода из Симбирска и Самары уфимская группа имела задачей обеспечение Уфимского района с севера, со стороны устья реки Белой.

В это весьма затруднительное для войск время, когда оставляли фронт чехи, когда прибытие новых уральских формирований, по-видимому, запаздывало, на политическом фронте произошла большая перемена — перемена правительства. Как уже ранее упоминалось, части Народной Армии, дравшиеся на Волге, отнеслись к избранию правительства «всея России» довольно равнодушно, не видя реальной пользы от него. В отношении Армии деятельность новой власти проявилась только в некоторых производствах и введении ношения погон, да кроме того, новым Верховным Главнокомандующим был отдан приказ с информацией о положении на разных фронтах борьбы, кстати сказать, совершенно не отвечавшей действительности. Что творилось в Омске — в новой столице — на фронте было неизвестно. Известно было, что составом директории недовольны и эсеры и сибирские политические группы и офицерство. Поэтому переворот в Омске был полной неожиданностью в Уфе. Здесь в это время находился прибывший на несколько дней генерал Болдырев.

Во всяком случае для Войцеховского сразу было ясно, что переворот может внести в войска на фронте разлад. Надо было не допустить туда никакой агитации, надо удержать все части на своих местах. В этих целях Войцеховский прежде всего сделал заявление Совету управляющих ведомствами, что он не допустит посылки каких бы то ни было воззваний или распоряжений без его ведома, и что неисполнение этого требования повлечет за собою арест виновных независимо от того, кто окажется виновным.

---

*) Эйхе. Стр. 277, прим. 25.

Совет управляющих ведомствами по виду как бы подчинился этим требованиям, но пытался, конечно, разъяснить весьма малочисленным войскам «Учредительного Собрания» происшедшее разными способами, стараясь вызвать протесты. Кроме того, чехи еще не ушли и была попытка произвести нажим на чехов через представителя Национального Совета (доктор Власак). Попытка эта не увенчалась успехом, так как Войцеховским было заявлено, что он исполняет указания о нейтралитете Главнокомандующего, а чешские и русские войска в Уфе должны исполнять только его приказы.

Полученное после обращение Омского правительства ко всем, всем, через головы даже старших начальников, об аресте членов Учредительного Комитета было остановлено и войскам передано не было, как вносившее раздор, и не исполнялось. Омск безусловно был под влиянием разных неверных слухов. Не верили даже, что конный отряд члена Комуча Фортунатова продолжает нести боевую службу и никаких попыток уйти с фронта у него нет.

Между тем положение становилось нетерпимым дальше даже в Уфе. Необходимы были срочные меры для уничтожения всякого влияния эсеров на местную обстановку, тем более, что сами эсеры показали, как они далеки от отказа считать себя обанкротившимися, как власть: в самой среде их создалась группа под верховодством Чернова и Вольского, готовая искать соглашения с большевиками для борьбы с Колчаком.

Генерал Войцеховский, будучи на службе у чехов и прямым подчиненным Сырового, не получал определенных указаний от него, кроме указания, что чехи не должны вмешиваться. В конце концов он заявил об оставлении чешской службы, чтобы свободно действовать. Все это разрешилось прибытием из Челябинска 41-го Уральского полка со специальной миссией арестовать всех членов Учредительного Собрания в Уфе, местных и прибывших из Екатеринбурга. Те, предупрежденные (видимо, телеграфистами) об опасности, поспешили скрыться; часть была укрыта чехами.

Так кончилась эта политическая борьба наяву, но началась скрытая работа эсеров против правительства адмирала Колчака и его самого. Офицерство в это время, мало искушенное в политике, не отдавало себе полного отчета в последствиях происшедшего переворота. Оно мало интересовалось декларативными заявлениями адмирала Колчака и не думало, что партийные узкие интересы заставят эсеров взрывать всеми способами новую власть. В то же время видно было, как трудно будет работать новой власти в сре-

де с разными узкими эгоистическими устремлениями. Через Уфу проходили телеграммы из Оренбурга. Замечено было, что атаман Семенов против подчинения Омску. Атаман Дутов убеждал его подчиниться и не вносить розни в среду армии.

В середине декабря, почти после ежедневных боев и стычек, фронт медленно приближался к Уфе. Решено было дать еще один бой красным с переходом в контрнаступление, а затем действовать в зависимости от результатов. Для выполнения этого решения было собрано все, что возможно. К этому времени прибыл один полк 12 уральской дивизии, которая ожидалась позже, и бригада 6-й уральской дивизии. В Уфе находилась только что прибывшая французская батарея. Стояли жестокие морозы; прибывшие люди 47-го полка, 12 дивизии и бригады 6 дивизии были без теплых вещей, а французы мерзли, несмотря на шубы, теплую обувь, теплые шапки.

Операция эта была разыграна у станции Чишмы и не увенчалась успехом. Наступление противника было несколько задержано, противник отошел, и только. Свежий 47-й полк 12 дивизии и бригада 6 уральской дивизии понесли большие потери обмороженными, так как, участвуя первый раз в бою, лежали долго под огнем на снегу. Обвиняли потом Каппеля, что он неправильно их использовал. Вернее, была виновата полная неподготовленность командного состава к боям зимой.

Французская батарея не принесла никакой пользы, так как в это время стояла морозная мгла. Каппель даже скоро стал просить освободить его от этой артиллерии, так как она требовала больших забот, а принести пользы в зимней обстановке не могла.

После столь нерешительных результатов этой операции было решено задерживать противника насколько возможно и подготовиться к обороне фронта уже за Уфой, чтобы обеспечить за собой проходы через Уральские горы. Уфа была эвакуирована и в последних числах декабря оставлена.

Оборона участка за Уфой была возложена на слабые части 6-й Уральской дивизии, прибывшие два полка 12 дивизии и 41 полк 11 дивизии под общим начальством командующего 12-й Уральской дивизией полковника Бангерского. Правый фланг обеспечивался отрядом Молчанова, выделенного от Бирска. Части ген. Каппеля должны были пройти в тыл для укомплектования; вслед за ними должен был отправлен к своему Уфимскому корпусу и отряд Молчанова. Ко времени оставления Уфы начал действовать военный центр в Омске. Адмирал Колчак вступил в верховное

командование, при нем организовался штаб (Ставка для сокращения).

Из войск, действоваших на Уфимском направлении, была образована Западная армия генерала Ханжина из трех корпусов и двух бригад оренбургских казаков. Правда, что в это время корпуса были корпусами только по названию (по боевому составу и подготовке). Генерал Войцеховский в это время покинул службу у чехов и получил отпуск, из которого вернулся только во время весеннего наступления, получив в Западной армии в командование 2-й Уфимский корпус.

Оставление Уфы имело большое значение для Оренбурга, у которого создалась угроза с севера — через Стерлитамак. В отношении дальнейших действий в тылу у нас был Урал с трудными через него проходами зимой и значит удобный для обороны; но для успеха обороны вообще, а в гражданскую войну в особенности, нужен был больше всего высокий дух в войсках и активность. Дух у мобилизованных был не крепок. Для укрепления духа нельзя было просто закупоривать проходы, надо было занять местность впереди проходов и здесь приучить части к активным действиям, что и было сделано.

Потеря Уфы на Восточном фронте была вознаграждена успехом Сибирской армии, действовавшей на направлении Екатеринбург-Пермь. Пермь была взята, с громадными трофеями, что покрывало неудачи у Уфы. Сибирская армия ликовала. У красных внутри была большая растерянность, так как они считали, что их противником избрано для дальнейших действий северное направление. Свою неудачу на Пермском направлении красные военные историки объясняют отправкой частей на Южный фронт против белых, вследствие чего их части у Перми не могли быть вовремя усилены. В партии возникал даже вопрос о предании высших командиров на этом фронте суду военного трибунала за катастрофу.

Сибирь - Зауралье.

Самарское правительство в виде Комуч'а, как было изложено раньше, появилось на сцену совершенно неожиданно почти для всех. Первоначальная группа, взявшая власть, была ничтожной. Первые шаги по созданию Народной Армии показали, что добровольцев будет мало и что власть не имеет поддержки в населении и оглядывается, что будут дальше делать чехи.

Генерал Головин в своем исследовании о к.-р. в России пишет:

«В несколько иных, нежели на Волге, условиях создавалось противобольшевистское правительство в Западной Сибири. Не подлежит сомнению, что и здесь столкновение чехословаков с большевистской властью имело огромное значение для развития противобольшевистского движения. Но с первых же дней освобождения Сибири от большевиков местные контрреволюционные силы играли несравненно бо́льшую роль, чем на Волге. Так, даже в самом первоначальном выступлении чехословаков в Ново-Николаевске командующий ими Гайда прибег к помощи русской военной контрреволюционной организации Гришина-Алмазова, «а мы уже расправимся с большевиками».

«По соглашению с Гришиным в ночь на 26 мая «кучка в 700 человек» окружила здание большевистского совета и почти без кровопролития захватила город. Переворот окончился в 40 минут».

Вслед затем с чехословаками и без них в ряде городов начались восстания. В Семиречье, Омске, Красноярске власть была свергнута до прихода чехов. Первые два месяца после выступления чехословаков с большевиками дрались офицерские организации с вступившими в их ряды интеллигентской молодежью и отрядами сибирских казаков. Как и везде в России, возникшая против большевиков власть в начале могла опираться лишь на добровольцев. Но, в отличие от того, что происходило на Волге, в Сибири количество таких добровольцев было больше.

Во главе Армии был поставлен подполковник Гришин-Алмазов, потребовавший сначала только дисциплины, без комитетов. Форма без погон, бело-зеленая ленточка на фуражке. Комуч считал себя временной Всероссийской властью, Омское правительство избрало своим лозунгом: «Через автономную Сибирь к возрождению государства». Наконец, Омское правительство имело почти готовый аппарат управления.

Совершенно естественно, что, как только Самара оказалась связанной железной дорогой с Омском, то началась тяга сюда и обывателей и офицерства, в особенности из тех, что выжидали выяснения обстановки в Самаре.

Промежуточным пунктом на перепутье между Самарой и Омском оказался Челябинск, занятый в самом начале выступления чехословаков под начальством Войцеховского, который после занятия Уфы и очистки района Челябинска вместе с восставшими казаками-оренбургжцами начал наступление на Екатеринбург. Здесь

сначала образовалось местное правительство, скоро подчинившееся Омску, как центру. В Челябинске, между прочим, произошла первая встреча представителей Самарского и Омского правительств и выявилось глубокое расхождение во взглядах. Самара искала признания Комуча, как единственной власти, имея союзника в Томске — Сибирскую областную Думу с большим числом членов-эсеров; представители Омского правительства были против признания.

О действиях первых единиц сибирских формирований имеется свидетельство только Филимонова в его двух работах: «На путях к Уралу» и «Борьба в Зауралье». По сведениям из этих двух работ, воинские силы в первоначальных отрядах, ко времени перехода в наступление против большевиков, вместе с чехами в некоторых отрядах (всего около 2000 человек), в результате сорокадневных передвижений очистили от красных всю равнину Западной Сибири к 1 августа. Полковник Войцеховский, действуя с чехами в направлении на Екатеринбург, взял его 25 июля, несмотря на трудности наступления в заводском районе. Как известно, в ночь на 17 июля в Ипатьевском доме в Екатеринбурге была убита вся Царская Семья и тела убитых вывезены из города и после сожжения останки брошены в шахты. Красные поторопились уничтожить всех членов Царской Семьи на Урале, начав с вел. князя Михаила Александровича в Перми и кончив бойней 18 июля в Алапаевске, где прибывшие сибирские добровольцы арестовали несколько участников злодеяния.

В дальнейшем Филимонов пишет: «Прошло уже два полных месяца, как существовала Белая Сибирь и Сибирская Народная Армия. Налицо имелось правительство и хорошо, плохо ли налаженный аппарат управления. От Уральских гор на западе и до озера Байкал на востоке Сибирь была свободна от красных. Все это явилось в итоге взаимодействия русского офицерства, чехословацких войск и русского добровольчества. Смело можно сказать, что как чехи без русских, так и русские без чехов по отдельности не достигли бы того, что им удалось совершить при тесном единении».

«Итак, на Западе борьба велась в предгорьях Урала, на востоке среди сопок Забайкалья, но велась она со стороны белых почти исключительно теми силами, что либо выступили против большевиков с самого начала движения, либо примкнули к белым в первый момент появления их отрядов в местах жительства и пребывания этих лиц. Притока добровольцев в армию в более-менее крупном масштабе не наблюдалось».

«Тяжесть борьбы в течение первых двух месяцев в значительной доле ложилась на чехословаков. Командование их с течением времени все настойчивее стало нажимать на Сибирское правительство, понуждая его увеличить силу Армии. После тяжских колебаний была объявлена мобилизация. 31 июля были призваны родившиеся в 1898-1899 гг.». Мобилизационный вопрос разрешить в это время было нелегко и исполнение приказа было несколько задержано. Новая столица не избежала несогласий в среде новых правящих сил. По каким-то обвинениям Гришин-Алмазов был смещен с поста военного министра и заменен полковником Ивановым-Риновым из казачей среды. Последовали видимые перемены в Армии: изгнано название «Народная», Армия стала называться просто «Сибирская», введено ношение погон. Одновременно с призывом по мобилизации воинские части получили новую нумерацию и новые наименования: Части Пепеляева образовали 1-й Среднесибирский корпус, части ген. Вержбицкого, перевалившие Урал, превратились в 3-й корпус, 4-я и 5-я стр. дивизии составляли второй корпус — все «корпуса» — только по названию.

На Урале в Екатеринбурге начато формирование третьего Уральского корпуса, в Челябинске — шестого Уральского.

Командующим Сибирской армией приглашен чех Гайда, популярная фигура среди участников восстания и чехов, хотя совсем не подготовленный к командованию большими частями. Впрочем, среди чешских командиров и не было военных с достаточным стажем.

Как только достигли Сибири и распространились вести об окончании войны с Германией на Западном фронте, с чехами в Сибири произошло то же самое, что произошло на Самарском фронте: они отказались оставаться на боевых участках и стали требовать отправки на родину. Все же по настоянию французов и англичан они были оставлены в Сибири и к концу года перемещены в район восточнее Омска с задачей нести охрану жел. дор. между Томском и Иркутском — более тысячи верст. Возглавлять союзные войска в Сибири был назначен французский генерал Жанен, владевший русским языком и знакомый некоторым русским офицерам еще с 1914 года по Ставке в Могилеве. По прибытии в Омск он ознакомился с моральным состоянием чешского корпуса и нашел его мало боеспособным. Чехи еще не дошли до состояния полного морального разложения, но уже были признаки, что это разложение будет прогрессировать.

Генерал Головин, остановившийся в своем исследовании к.-р.

в Сибири на конце 1918 года, пишет: «Сибирский обыватель, видевший только «тыл» чехословаков, с его вмешивающимися во внутреннюю жизнь Сибири политиками, начал испытывать разочарование. Со свойственной всему человечеству забывчивостью он переставал помнить о тех истинных чешских героях, которые ушли на боевой фронт и в большинстве сложили свои головы. Когда же стало ясным, что конец мировой войны означает конец участия чехословаков в борьбе на противобольшевистском фронте, это разочарование стало перерождаться в античешские настроения. Эта перемена в настроениях Сибири неминуемо потянула за собой и усиление враждебных чувств к эсерам. Защитники последних чехословаки, считавшиеся в первые месяцы «своими», «братьями-славянами», теперь получили облик «чужеземцев», вмешивающих в русскую внутреннюю политику, преследуя при этом только свои собственные эгоистические цели».

Относительно увеличения сил русских, способных взять все дело борьбы на свои плечи, надо сказать, что и в Сибири не все обстояло благополучно.

«Сибирские старожилы и казаки хотели порядка и защиты и пошли на мобилизационный призыв Сибирского правительства. Протесты против этого призыва встречались только в среде крестьян-«новоселов». Сибирское правительство обвинялось Самарским в том, что оно медлило с посылкой сибирских войск на Волгу, а между тем обширность Сибирской территории требовала большого расхода войск, для организации которых не хватало вооружения, не хватало материальной части, также как и на Волге.

Образование новой власти в виде Директории не помогло увеличению силы, так как перестройка сибирского административного аппарата сделало его более чужим — эсеровским. В офицерской среде Сибири, критически относившейся к офицерству, бывшему на Волге, носилась все время идея диктатуры и захватывала в тылу все большие и большие круги, стала «ходячим мнением».

Это в конце концов и привело к перевороту 18 ноября, заменившему власть Директории из пяти единоличной властью адмирала Колчака.

Защитников директории не оказалось ни в тылу, ни на фронте. Восстановление ее было невозможным, ставка на чехов оказалась битой; все, что сделали чехи, ограничилось помощью отдельным членам Комуча и Директории, искавшим убежища или отъезда.

Прибывший перед переворотом ген. Жанен продолжал даже сыпать обещаниями о серьезном давлении на большевиков со стороны союзников в ближайшем будущем.

Но здесь же приходится сказать, что переворот не улучшил положения с призываемыми по мобилизации. Под влиянием пропаганды эсеров и других агитаторов начали создаваться партизанские отряды в разных районах.

Крупным военным событием в Западной Сибири в конце 1918 г. было взятие Перми: третья советская армия была совершенно разгромлена, и советские военные историки высказали удивление, что успех не был развит достаточно. К сожалению, об этой операции Сибирской армии мы знаем только из советских источников.

Один из этих источников говорит, что «высшие командные инстанции были в курсе производившегося противником сосредоточения крупных сил против 3-й армии и что уже в конце октября — за два месяца до падения г. Перми — силы белых начали теснить силы нашей 3-й армии».*).

«По численности и богатству техникой 3-я армия считалась сильнейшей на Восточном фронте. Она имела крепкие, надежные в политическом отношении кадры из коммунистов, добровольцев, бывших красногвардейцев и рабочих отрядов и пополнялась беспрерывно за счет местных заводов. В ее состав в сентябре 1918 года вошли около 8 тысяч бойцов с Южного Урала в виде отрядов Н. Д. Каширина и В. К. Блюхера, прорвавшихся на север после потери нами Башкирии и Оренбургской области. Все это позволило нашему командованию считать левое крыло фронта надежно обеспеченным силами находящейся на этом направлении армии».*).

Однако, в середине декабря тревога за Пермь была уже в центре: командующему фронтом С. Каменеву было указано сверху — «Мы должны всеми мерами воспрепятствовать одержанию противником какого бы то ни было успеха над нами на Урале, ни в каком случае не допустить перехода в руки противника района Перми-Вятки — Воткинского и Ижевского заводов. Из донесений усматривается, что левый фланг 3-й армии не выдерживает напора противника и постепенно отходит на Пермь». Указывались некоторые меры, не имевшие значения.**).

---

*) Эйхе. Стр. 31 и 277.

**) Он-же. Стр. 32.

Другой***) дает подробности боевых действий:

«29 ноября 1918 г. белогвардейцы обрушились на 29-ю дивизию, находившуюся на левом фланге армии, и на соседнюю с ней Особую бригаду, прикрывавшую путь на Пермь... Части Красной Армии оказали упорное сопротивление... Под натиском численно превосходящего противника 29-я дивизия и Особая бригада начали отступать. 3 декабря белогвардейцы захватили Кушвинский завод и станцию Азиатская, 7 декабря — станцию Бисер, 9 декабря — Лысьву. Враг преодолел горные перевалы Уральского хребта. Нанеся сильные удары по левому флангу 3-й армии, противник перебросил оттуда лучшие свои войска в центр и повел наступление против 30-й дивизии, которая защищала путь на Кунгур. Дивизией командовал В. К. Блюхер. Она считалась лучшей в 3-й армии. Начались ожесточенные встречные бои, ибо 30-я дивизия до этого сама наступала. Колчаковцы остановили продвижение советских полков, а затем принудили их к отходу на запад».

«В тяжелых условиях приходилось сражаться советским воинам. Снег в ту зиму выпал рано и глубоким слоем покрыл землю. Двигаться можно было только по дорогам... Лыж почти ни у кого не было. Скоро ударили 30-тиградусные морозы, а часть красноармейцев была в рваной кожаной обуви. Еше хуже было с питанием...»

«Несмотря на тяжелое положение, части 3-й армии до середины декабря 1918 года упорно сопротивлялись колчаковским войскам, нанося им большие потери... Однако сопротивление частей Красной Армии во второй половине декабря начало заметно падать. Это случилось потому, что за последние две недели ожесточенных боев 3-я армия понесла огромные потери. Из строя выбыли лучшие части. Особенно большие потери понесли коммунисты, которые принимали на себя главный удар врага и часто гибли, но не отступали. Не на высоте оказалось и командование 3-й армии. Командующий армией Лашевич в дни напряженных боев на фронте устраивал вместе с работниками штаба пьяные оргии. В попойках принимали участие лица, связанные с белогвардейцами. Штаб армии был оторван от дивизий и не всегда знал положение на фронте... В штабе все дела вершили старые офицеры. Контроля над ними со стороны комиссаров не было: этому препятствовал командующий армией...»

«Между тем враг усиливал свой натиск. Это привело к тому,

***) Спирин. Стр. 61.

что части 3-й армии утратили стойкость и безостановочно покатились на запад. 21-го декабря был оставлен Кунгур. На пермском направлении в этот день была сдана станция Валежная, находившаяся в 35 км. восточнее Перми».

«В обстановке общего отхода войск командование 3-й армии предприняло попытку организовать оборону Перми. При этом особые надежды возлагались на артиллерийскую бригаду, имевшую 29 орудий. Однако командир артбригады бывший царский офицер Валюженич сознательно затянул до последнего дня установку орудий на позиции, а затем перешел на сторону врага. Командир 29-й дивизии, которому было поручено защищать Пермь, потерял управление войсками и был бессилен что-либо предпринять. Попытка задержать белогвардейцев путем усиления войск под Пермью 1-м советским полком также ни к чему не привела. Этот полк выступил 23 декабря из Перми на фронт. Командир полка бывший полковник царской армии Бармин оказался изменником. Он предал полк и последний вынужден был сдаться врагу... К вечеру 23 декабря колчаковцы находились уже в селе Троицком, в 30 км. от Перми. Здесь они сосредоточили три отборных полка под командованием полковника Зиневича и ночью при 30-градусном морозе на лыжах, пользуясь разрывом фронта советских войск, сделали бросок к городу. Одновременно другие полки противника начали наступление на Мотовилиху. Рано утром 24 декабря белогвардейцы подошли к Мотовилихе и ворвались в нее. Находившийся здесь Лесновско-Выборгский полк оказал сопротивление и до самого вечера удерживал свои позиции. Части Зиневича утром 24 декабря вступили на окраины Перми. На помощь белогвардейцам пришли контрреволюционные организации, находившиеся в подполье. С ними была установлена связь. Чтобы создать панику, они начали стрельбу в Перми с вечера 23 декабря...»

«Белогвардейцы захватили в Перми богатые трофеи. Кроме оружия, им досталось много железнодорожных составов, груженных различным имуществом. Советские войска не успели взорвать железнодорожный мост около Перми. В начале января 1919 г. 3-я армия отступила за Каму.»

После потери Перми и ознакомлении на месте с положением Каменев доносил Главнокомандующему Вацетису: «Задача восстановления положения 3-й армии, в частности обратное взятие Перми, определенно осознано командованием 3-й армии, причем

командование 3-й армии, также как и командование фронта, считает эту задачу вполне выполнимой.*)

По определению самих красных, «Армия была отброшена за 300-350 км. на запад, понесла тяжелое поражение, потеряла боеспособность, вместо решительного наступления — потеря Перми, всего горно-заводского Урала и продолжающийся отход на запад.» Отсюда удивление, что разбитых красных не преследовали далеко на запад — на Вятку.

Относительно потерь под Пермью красные только отмечают: «По, несомненно, преувеличенным данным Сибирской армии, они составили за всю Кушва-Пермскую операцию около 32 тысяч пленных, 123 орудия, более 1000 пулеметов, 8 бронепоездов, несколько миллионов патронов, свыше 5000 вагонов» и «много советских деятелей» в г. Перми, как особо подчеркивалось в донесениях.

Для расследования катастрофической сдачи Перми и для наведения порядка на фронте была образована особая Комиссия во главе с Дзержинским и Сталиным.

В одном из разговоров из Вятки по телеграфу со своим штабом Каменев сообщил, что он и Смилга, член РСФ, задержались в Вятке на целый день, «так как встретили там комиссию Дзержинского и Сталина, которые сняли с нас опрос о положении на фронте и в частности историю пермской неудачи. Там же Сталин сказал, что дело о нашем предании трибуналу окончено.» Очевидно, полного доверия спецу не было.

Забайкалье

В тылу Сибири в это время находилось Забайкальское казачье войско, атаман которого Семенов признавал власть адмирала Колчака только номинально.

Атаман Г. М. Семенов, забайкальский казак, в 1911 году кончил Оренбургское казачье военное училище и служил в 1-м Верхнеудинском каз. полку. Во время Мировой войны был награжден орденом Георгия 4-й степени за храбрость; революция 17-го года застала его в Персии. Прибыв в Петроград, он добился разрешения на формирование бурято-монгольского полка от Керенского, для чего он направился в ноябре месяце в Забайкалье. В середине

*) *Примечание:* Задача оставалась не выполненной к началу наступления белых весной 1919 года.

ноября у него и добровольцев монголо-бурятского отряда в Верхнеудинске произошло вооруженное столкновение с большевистскими солдатами местного гарнизона с жертвами с обеих сторон. К половине декабря 1917 года у есаула Семенова было в строю его монголо-бурятского полка 90 офицеров, 35 казаков добровольцев и 40 бурят. Этим было положено начало Особого маньчжурского отряда, организованного, несмотря на малочисленность, наподобие самостоятельной армии со всеми отделами штаба и даже с отделом по гражданской части.

В апреле 1918 года О. М. О. по своему составу был значительной боевой силой; принимая во внимание время полной разрухи в красноармейских отрядах, было решено перейти в наступление. Перед наступлением есаул Семенов по просьбе старших чинов отряда принял звание атамана. Бои велись с начала апреля по вторую половину июля, когда охрана жел. дор. перешла к японцам и отряд отошел в полосу Китайской ж. д., а потом вернулся в Читу. В конце июля в операциях отряда принимали участие японцы, которые взяли Забайкалье в свою сферу влияния во время интервенции. Под их покровительством Семенов развернул потом отряд в корпус.

III

ЗИМА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ 1918-1919 гг. И ВЕСНА 1919 г.

Обстановка и планы сторон

Зима 1918/19 гг. на Восточном фронте была для советской власти и власти адмирала Колчака временем срочной подготовки к труднейшему экзамену: от подготовки зависели успехи весенних операций, зависело все будущее.

На юге России тоже готовились к весенним и летним операциям.

Советская власть еще осенью 1918 года провела свой план организации вооруженных сил. Мелкие отряды разных наименований прекратили существование, появились пехотные дивизии и кавалерийские бригады. В пехотных дивизиях было по три бригады из двух полков действующих и одного запасного для пополнений. На самом деле красные вынуждены были держать на фронте все девять полков дивизии. Дивизии редко были полного состава, а армии были армиями только по названию. Боеспособность частей была разная; она зависела, главным образом, от командного и комиссарского состава и прослойки надежными элементами.

Главнокомандующим всей Красной армией считался Вацетис, латыш. При нем был образован Полевой Штаб Республики с большим составом «спецов». Всем Восточным фронтом был назначен командовать после потери Казани С. Каменев с комиссарами при нем — Смилгой и Гусевым. Фронт делился на пять армий. Кроме номерных армий была еще Туркестанская без номера.

В день занятия войсками 5-й армии г. Уфы штабом фронта была разослана директива, которая ставила всем пяти армиям такие задачи:

Второй и третьей — прежняя — овладеть Пермью.

Пятой армии: «Преследуя противника, занять авангардом силою не менее бригады ст. Тавтиманово». «В кратчайший срок овладеть Бирском».

Первой армии — начать операцию по овладению Оренбургом, наступая со стороны Стерлитамака и Бузулука.

Четвертой — действовать против уральцев.

Советский главком Вацетис представил Р. В. С. республики в феврале обширный доклад о стратегическом положении страны и намеченных военных операциях и потребностях. Его Полевой Штаб в докладе постарался изобразить положение в самых устрашающе-мрачных красках, не жалея цифр: враги на западе финны и белоэстонцы с армиями до 72 тысяч человек ждут только решения Антанты, чтобы кинуться на Петроград и Кронштадт. На юге Украина с 35 тыс. штыков и сабель готова к нападению вместе с крупными силами, сосредоточиваемыми в портах Черного моря. Относительно Южного фронта Деникина и Краснова сказано, что сопротивление белых сломлено, положение упрочено, но необходимо окончательно разгромить врага и освободить Донецкий бассейн, район Новочеркасска-Ростова и Северный Кавказ. Что касается Восточного фронта, то «успехи в Уфимском, Уральском и Оренбургском районах улучшили общее положение, что дало возможность армиям приступить к выполнению дальнейших задач — по овладению Пермью, Екатеринбургом и Челябинском и восстановить связь с Туркестаном. Но борьба на Сибирском и Уральском направлениях, в силу значительной численности противника, принимает все более и более затяжной характер. Окончательный исход борьбы во многом будет зависеть от хода политической обстановки и наших средств борьбы». Соотношение сил на Восточном фронте: советских до 84 тыс. штыков и сабель против 143 тыс. штыков и сабель противника (считая чехов).

Все эти страхи, приведенные в докладе, не соответствовали действительности, так как наши союзники в начале 1919 года отказались от посылки новых войск в Россию и решили ограничиться доставкой военных материалов, оружия и снабжением одеждой и проч.

Между тем, обстановка на Восточном фронте была доложена заведомо неправильно: вместо затяжки она требовала срочных решений и действий.

Во-первых, Полевому Штабу и Вацетису было несомненно известно, что обещанное в начале января обратное овладение Пермью провалилось. Эйхе пишет: «Подготовке и проведению этой операции были подчинены все планы, усилия, расчеты и силы трех армий фронта: 3, 2 и ударной группы левого фланга 5-й армии. В контрнаступлении должны были участвовать около 45 тыс. шты-

ков и сабель, 140 орудий, т. е. около 60% боевого состава фронта. Но, выделив столь крупные силы для достижения одной цели, командование упустило их из рук, предоставив все самотеку, не объединило их под одним началом и само не сумело организовать взаимодействия армий. Несогласованность и разнобой во всем характеризуют действия всех участвовавших в этом контрнаступлении наших войск. Показательно, что в упомянутом докладе Главкома Реввоенсовету Республики он ни словом не обмолвился, что наше контрнаступление закончилось в конце января». Это подталкивало Сибирскую армию на возобновление наступления.

Во вторых, с самого оставления белыми Уфы отступающим войскам указывалось, что отступление временное и они должны иметь плацдарм и для размещения на зиму и для активных действий весной, что было подтверждено прибывшим в Ашу Балашовскую командиром 6-го Уральского корпуса и при всяком случае напоминалось войсковым частям. Начала наступления ожидали не позже конца февраля.

Командующий красным фронтом Каменев в разговоре с командующим 5-й армией Блюмбергом в середине февраля, на доклад последнего о положении армии, заявил: «Я считаю, что положение по обстановке всего фронта у Вас серьезное. Обеспечение Уфы пространством не удалось. В этом и есть серьезность положения». Обеспокоенный этим замечанием, командарм просил подкреплений для действий и, не получив их, решил принять меры обеспечения Уфы «пространством» своими силами — 2 марта отдал приказ: «Ввиду имеющихся сведений о намерении противника перейти в наступление на г. Уфу и в связи с общей обстановкой, для тактических выгод я решил отбросить противника за Балашов и занять горные проходы». Начало наступления назначено на 5 марта. Поставленная задача должна быть выполнена не позднее 7 марта.

Части 6-го Уральского корпуса, штаб которого размещен был с января в вагонах на ст. Аша Балашовская, как будет изложено дальше, должны были перейти в наступление с занимаемых позиций тоже седьмого марта.

По оставлении Уфы у уральцев в 6-м корпусе не было веры в прочность своего положения. Был возможен вынужденный отход к проходам через Урал и верилось, что там вероятнее всего удастся удержать красных. Но закупорки командование боялось. Поэтому

решено было держаться ближе к Уфе, а на случай вынужденного отхода было намечено и обследовано две-три линии деревень, которые еще оставляли место для активных действий; удастся ли задержаться? Только бы в первые дни успех, а там можно ожидать и закрепления. Первые же бои показали, что задачи выполнить будет трудно, но все же возможно. Слабые части 6-й Уральской дивизии не удержались на своем участке, несмотря на благоприятные местные условия, и отошли на намеченную ранее вторую линию, а затем были направлены в тыл, а два полка 12-й Уральской дивизии под начальством полковника Бангерского при содействии артиллерии и броневиков отлично справились со своей задачей и, отбив наступление в районе жел. дор., нанесли большие потери красным. Много севернее уральцев 6-го корпуса шли бои нерешительного характера: видно было, что северный заслон не отойдет далее намеченных рубежей.

Раздраженные неудачей, красные неоднократно пытались добиться успеха против 12-й Уральской дивизии и оренбургских казаков, но только несли потери и выматывались. В 12-й дивизии уверенность людей в самих себя и вера в своих командиров росла и облегчала оборону.

Тактика такой обороны была очень простой: снег был очень глубок и не допускал на большом расстоянии движения вне дорог; красные подпускались к обороняемой деревне на расстояние действительного ружейного огня, открывался по ним огонь и принуждал их развернуться и залечь в снегу. Морозы стояли большею частью сильные и потому выдержать долгое лежание в снегу было невозможно, а продвигаться вперед под огнем трудно. Начинался отход с большими потерями, так как в преследовании принимала участие уже артиллерия. Советские газеты писали, что некоторые деревни, на которые велись атаки, были обращены чуть ли не в крепости.

Первое время в 6 Уральском корпусе, также как и у соседей севернее (Уфимский корпус), вовсе не было резервов, так как в это время были отправлены в тыл все части, не входившие в корпус, для укомплектования. У соседей севернее части пополнялись на месте из приуральского населения. К концу января фронт наш на направлении Уфа — Челябинск окончательно закрепился к западу от проходов. Имелась возможность держать даже резервы там же. Наиболее угрожаемым участком был к северу от жел. дор., так как красные при успехе ставили в тяжелое положение весь

центр и особенно южный участок, который был занят оренбургскими казаками — далеко в горах с еле проходимыми дорогами в тылу. Красные, конечно, это знали и в феврале пробовали безуспешно давить с севера на правый фланг в направлении на Ашу Балашовскую.

Несмотря на то, что части закрепились, казалось, твердо, время все же было тревожное; полной уверенности в завтрашнем дне не было. Причин к тому было много. Главная: проникали агитаторы, газетные известия. Появилось воззвание бывших членов Комуча эсеров, решивших вести подрывную работу против власти адмирала Колчака. Агитация эта на наших добровольцев не производила никакого впечатления, мобилизованных же сбивала с пути, особенно в тех полках, где офицерство, тоже мобилизованное, было пассивным, со слабым духом. Были случаи, когда такие офицеры, отправляясь на фронт, просили выдать им удостоверения, что они служат по мобилизации. Почва же для агитации всегда находилась: неудачи, усталость, неисправная доставка продовольствия, плохое размещение на зиму, недостаток теплой одежды, валенок, неправильности в сменах в охранении и проч. Агитаторы били в одну точку: «Уходи с фронта, кончай воевать». Контрагитации почти не было. Первое время не получалось даже армейской газеты. Люди питались ориентировкой ближайших штабов. Громадное значение приобретали личные способности командиров полков и умелый подбор ими помощников. Там, где в полку находилось несколько офицеров, сработавшихся в содержании агитации, результаты были налицо — отличные; где этого не было, можно было ожидать всяких неожиданных осложнений.

Местных средств для снабжения войск хотя бы продовольствием не было. Надо было все подвозить с далекого тыла — от Челябинска и глубже. Нуждались в подкармливании железнодорожные служащие. В башкирских деревнях трудно было выпекать хлеб. Железная дорога работала в общем удовлетворительно, но бывали заминки, а при заминках, неисправности с доставкой продовольствия, жалованье выплачивалось неисправно. При тесноте размещения появились заболевания сыпным тифом. Части прибыли на фронт прекрасно одетыми, но не для сибирской зимы. Нужны были валенки и полушубки, сначала хотя бы для полевых караулов и постов. Все это доставлялось неисправно. Особенно трудным было снабжение оренбургских казачьих полков, действовавших в горах, где население само ничего не имело.

Тревоги были не напрасными. При всех условиях, помимо боевых случайностей, у командного состава постоянно сидело в голове: выдержим ли зиму при обороне. Были случаи тяжелые: один из полков, ранее с успехом дравшийся, однажды самовольно ушел в тыл и был остановлен угрозой открытия огня броневиками. Две роты с частью пулеметной команды ушли дальше кружным путем. Были остановлены по приказу командира корпуса в глубоком тылу добровольцами Каппеля и жестоко наказаны.

13 февраля на ст. Аша Балашовская в особом поезде прибыл адмирал Колчак, чтобы лично ознакомиться с обстановкой. В этот день 12-я дивизия, перейдя в короткое наступление, захватила у красных орудия, пулеметы и пленных. Адмирал на броневике доезжал до охраняющих передовых частей и посетил некоторые деревни вблизи от жел. дороги. Конечно, корпусное командование доложило ему о всех своих нуждах и тревогах. Полковник Бангерский был произведен в чин ген.-майора.

Весеннее наступление армий Адмирала Колчака

В первых числах марта 1919 года противники на Восточном фронте занимали положение, показанное на схеме. (стр. 142)*)

Заниматься подробным сравнением сил противников на Восточном фронте не имеет смысла, зная, что советские историки не стесняясь преуменьшают свои силы и преувеличивают силы противника. Однако, для русской стороны — именно армии ген. Ханжина мы находим случайно сохранившийся боевой состав Западной армии к 1 апреля. В армии насчитывалось без группы ген. Белова около 32 тыс. бойцов (штыков и сабель); 5-я красная армия считала у себя около 12 тыс.; у нас же, по красным расчетам — около 47 тыс. В упоминаемом докладе Вацетиса силы Восточного фронта определены в 143 тыс. бойцов (не исключая еще

---

*) *Примечание:* К северу от Аши Балашовской, в районе Байки-Явгелдин были расположены части 3-го Уральского корпуса (6-я и 7-я дивизии) и 2-й Уфимский корпус (4-я Уфимская и 8-я Камская дивизии) и Ижевская отдельная бригада. Уральские части были в таком же состоянии, как в 6-м корпусе. Их нельзя было назвать «ударными».

2-й Уфимский корпус был наиболее боеспособный. Ижевская же бригада — добровольческое воинское объединение из рабочих Ижевского завода и присоединившихся к ним крестьян, представляла собой отборную ударную часть.

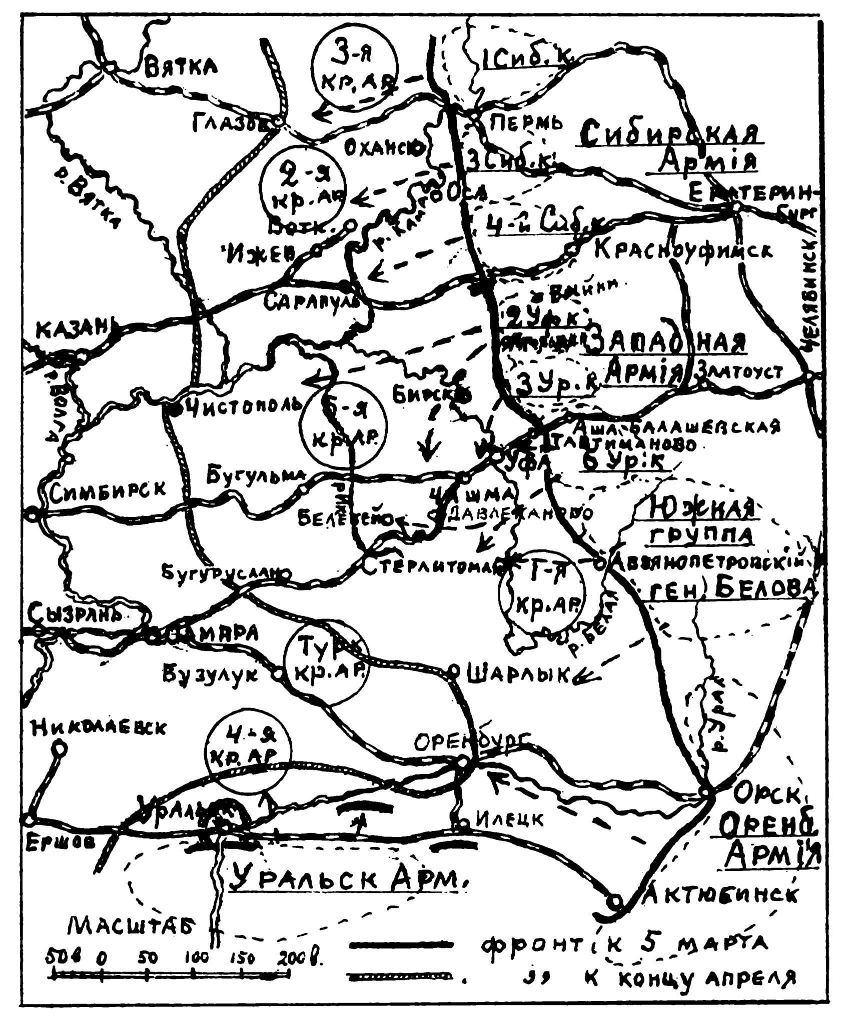
чехов, которые не воевали).**) 26-го февраля 1919 г. Командующий Западной армией ген. Ханжин отдал директиву о наступлении, указав, что приступить к ее исполнению следует только по получении дополнительного распоряжения.

Директива гласила: «Верховный Главнокомандующий и Верховный Правитель повелел к началу апреля армиям занять выгодное исходное положение для развития с наступлением весны решительных операций против большевиков». Западной армии по-

---

**) *Примечание:* Эйхе дает следующие сведения об офицерском составе армий адмирала Колчака:

69: «Ошибочно мнение, что основную силу армии Колчака составляло офицерство. Всего в его армии числилось около 17 тысяч офицеров и генералов. Более подробное изучение материалов показало, что армия временами ощущала острый недостаток в командном составе. Никаких самостоятельных офицерских полков, батальонов или отрядов в армии Колчака никогда не было. Никакой политической роли офицерство в своей массе при Колчаке не играло. В Колчаковской армии было введено деление на офицеров кадровых и офицеров военного времени. К первым относились все офицеры производства до 1915 года включительно, все же остальные — к офицерам военного времени. Из документов видно, что таких кадровых офицеров насчитывалось всего в армии менее тысячи. Таким образом, остальные 15-16 тысяч офицеров колчаковской армии были производства 1916 г. и более позднего времени, то есть это были люди без достаточной теоретической подготовки и почти совершенно без практического опыта допозиционного периода первой мировой войны. Еще хуже обстояло дело с высшим командным составом белой армии. Дивизиями и корпусами Колчака не командовал ни один из генералов старой армии. Всеми упоминаемыми в нашем труде соединениями командовали офицеры, пришедшие в белую армию в чинах не выше полковника и произведенные в следующие чины, в том числе в генералы, приказами Колчака и его предшественника Болдырева. Из генералов старой армии видную активную роль играли только двое — Дитерихс и Ханжин. Для подготовки офицеров службы генерального штаба начали функционировать ускоренные курсы, организованные при старой русской военной академии, значительная часть профессорско-преподавательского состава которой во главе с ген. Андогским в качестве начальника академии сразу же перешла в лагерь контрреволюции. Следует в этой связи отметить, что из 1600 человек офицеров службы генерального штаба царской армии к концу 1917 г. было взято на учет нашим военным ведомством только около 400 человек, а фактически работало лишь 323 человека, из них только 131 человек в действующей Красной Армии на штабных должностях; все же остальные оказались на стороне наших противников».

К наступлению армии адм. Колчака

ставлена задача разбить 5-ю армию противника и, овладев районом городов Бирска-Уфы-Стерлитамака-Белебея, выдвинуться на линию реки Ик, оказав содействие Оренбургской армии ударом в тыл 1-й армии противника, действующей против ген. Дутова.

Сибирской и Оренбургской армиям указано содействовать Западной армии наступлением для овладения: Сибирской армии — районом городов Сарапуль, Вятка-Ижевский завод; Оренбургской армии — гор. Оренбургом. Для выполнения поставленной задачи ген. Ханжин приказывал: ударной группе ген. Голицина — 7-я и Уральская дивизия горных стрелков, Ижевская бригада и 3-я Оренбургская казачья бригада — разбить противника на своем участке и, развивая удар в тыл противника, обороняющего район г. Уфы, облегчить 6-му корпусу выполнение его задачи. 2-му Уфимскому корпусу — разбить противника на своем участке и, развивая удар, овладеть г. Бирском, дабы обеспечить правый фланг ген. Голицина. 6-му Уральскому корпусу наступать в полосе Уфа, включая Давлеканово и Стерлитамак; правым флангом — в общем направлении на Белебей. Сводному Стерлитамакскому корпусу (группа ген. Белова) ставилось задачей взятие завода Авзяно-Петровский с развитием удара на Стерлитамак.

Через пять дней — 3 марта ген. Ханжин отдал приказ о переходе в наступление: Южной группе ген. Белова — 4 марта, 2-му Уфимскому и 3-му Уральскому корпусам — в ночь на 6 марта и 6-му Уральскому корпусу — 7 марта. Западной армии, таким образом, в наступлении отводилась главная роль, причем у ней был силен правый фланг, как ударный, левый же был слаб.

Сибирская армия, как вспомогательная, двинулась на запад одновременно с Южной группой ген. Белова — 4 марта. За отсутствием источников участников похода привожу советскую версию вкратце.

«4 марта 1919 года войска корпуса генерала А. Пепеляева перешли по льду Каму между городами Осой и Оханском и вклинились в оборону советских полков. Колчаковцы наносили основной удар в стык между 2-й и 3-й армиями. Южнее Осы начал наступление корпус генерала Вержбицкого. 7-го марта белогвардейцы взяли Оханск, 8-го марта — Осу. Однако дальнейшее продвижение противника проходило с большими трудностями. Упорное сопротивление он встретил на фронте 3-й армии, особенно в районе жел. дороги Пермь-Вятка и к северу от нее».

«На фронте 2-й армии колчаковцам удалось достигнуть более значительных успехов. Положение советских войск осложнилось тем, что командир 7-й дивизии офицер старой армии Романов перешел на сторону врага. Части армии отступили за Каму. Белогвардейцы преследовали цель как можно быстрее захватить Ижев-

ский и Воткинский оружейные заводы. 7 апреля отряду противника удалось проселочными дорогами незаметно подойти к Воткинску и ворваться в него. Белогвардейцы захватили в городе штаб одной из бригад, оружие, продовольствие и подвижной состав на железной дороге. Продвигаясь вперед, части Сибирской армии 10 апреля взяли Сарапуль, а 13 апреля — Ижевск».

«Во второй половине апреля 2-я армия в связи с продолжавшимся отступлением соседней с ней 5-й армии вынуждена была отойти к реке Вятке».

«В мае противник переправился через реку Вятку и готовился к наступлению на Казань. 2-й армии была поставлена задача прикрыть пути к Казани. На фронте 3-й армии с середины апреля положение более или менее стабилизировалось, хотя бои не прекращались. Армия прочно защищала пути к Вятке».*)

Первый период. Взятие Уфы

Как уже упоминалось раньше, 5-я красная армия должна была к 7-му марта силами двух бригад 26 див. совместно с бригадой 27-й дивизии отбросить части 6-го Уральского корпуса за Аша-Балашовские теснины и занять горный проход для получения тактических выгод, после чего намечалось освободившиеся на этом направлении силы бросить к левому флангу армии.

В 6-м Уральском корпусе об этом, конечно, не знали, но так как на участке севернее ж. д. стояла в лесистой местности слабая по своему составу 11-я дивизия, то на стыке дивизий у ж. д. 12 дивизия держала в резерве полк и броневик. Этот полк очень пригодился, так как в первоначальный момент наступления части 11-й дивизии столкнулись с тоже наступающим противником и 44-й полк не выдержал столкновения и стал отходить; выдвинутый из 12 дивизии полк быстро восстановил положение.

Южнее ж. д. части 12-й дивизии встретили упорное сопротивление на широком фронте, продвигаясь на линии Тавтиманово-Архангельский завод. Только 9-го марта почувствовалось ослабление сопротивления.

В 3-м Уральском корпусе с Ижевской бригадой и 2-м Уфимском корпусе наступление началось согласно приказу, причем в последнем 4-я Уфимская дивизия, в полках которой было много татар и один полк состоял из рабочих Михайловского завода, бы-

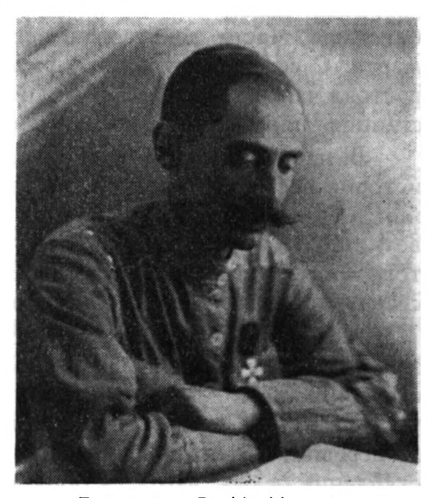
*) Спирин Л. М. Разгром армии Колчака.

Адмирал А. В. КОЛЧАК

Ген. от артиллерии М. В. Ханжин

Ген.-майор В. М. Молчанов

ла особенно воодушевлена; один из участников выступления дивизии, бывший начальник штаба дивизии полк. Ивановский вспоминает: «Весь февраль занимались накапливанием материала для предстоящей операции. Главное получали винтовки, патроны и снаряды; пополнения людьми почти не было. Для первого удара были собраны три полка — 13, 14 и 15 Михайловский. На всем остальном фронте оставлен 16-й. Артиллерия поставлена на полозья, собрано, поскольку было возможно, саней от местного населения. Солдатам на руки было выдано продовольствие на двое суток вперед».

Из боевой жизни и боевых эпизодов тот же участник отмечает: «Одно могу сказать, за все время операций до самого Ново-Сергиевска у нас не было случая, чтобы части не выполнили задания. Бывали тяжелые положения: когда мы вышли на р. Белая в район Удел Дуванея, красные нанесли нам фланговый удар со стороны завода Благовещенский — дело было почти на рассвете — одна бригада уже начала движение, штаб дивизии только что вышел — 15 Мих. и Уфимский полки еще вытягивались в колонну — красные атаковали нас на походе, сбили с дороги и ворвались в село, но, на их несчастье, нарвались на 15 Мих. полк, который принял их в штыки... в это время южнее подошли ижевцы и контратакой все было ликвидировано».

Весь маневр Западной армии в общем оказался проведенным блестяще. Части действовали превосходно. Уфа была занята 13 марта. С севера вступил в Уфу полк 7-й Уральской дивизии, а с востока части 11-й Уральской дивизии. В этот же день была занята станция Чишма 4-й Уфимской дивизией.

В нашей военной исторической литературе совершенно нет истории весеннего наступления, кроме нескольких коротких страниц в моей книге. Полковником Ефимовым в статье «Ижевцы и воткинцы» (№ 205 В. О. Р. В. В.) недавно описан один эпизод, который я не полностью здесь даю: это бой 13 марта в 12 верстах к северу от Уфы у дер. Подымалово.

«Деревню Подымалово, находившуюся в 12 верстах от Уфы, занимал 229 стр. полк 26 Красной дивизии. Полк был совершенно свежий, видимо, державшийся в резерве для отпора противнику у самой Уфы. Он насчитывал более 1500 бойцов и укрепился около деревни. Красные были так уверены, что им удастся отбить наступление белых, что весь обоз держали в самой деревне».

«Утром 13 марта 1-й полк... начал наступление двумя баталь-

онами: 2-м с фронта и 3-м в обход правого фланга противника, угрожая отрезать его от Уфы, 1-й батальон был в резерве. Полку был придан один эскадрон конного дивизиона и батарея из 4-х трехдюймовых орудий».

«Когда 2-й батальон развернулся и начал наступление цепями, подойдя на одну версту к противнику, прискакал ординарец и доложил командиру полка, что деревню, где были оставлены хозяйственная часть и обоз полка, захватил коммунистический отряд, появившийся со стороны с. Красный Яр. Командир полка решает сначала выполнить задачу и разбить противника в д. Подымалово, а потом действовать против врага, появившегося в его тылу. Но нужно ускорить выполнение задачи. Батарее отдается приказ выдвинуться в цепи пехоты на открытую позицию и открыть усиленный огонь; 1-й батальон усиливает цепи 2-го батальона; эскадрону и конной разведке приказано приготовиться к атаке».

«Ижевцы, увидя пушки в своих цепях, не дожидаясь команды, побежали вперед с криком «ура». Командир полка во главе конных бросился вдоль дороги в атаку. Участник боя вспоминает: «Что получилось — трудно описать. У ижевцев неописуемый подъем. Воля противника подавлена. Красные бегут на Уфу. Снаряды точно ложатся на дорогу и бьют бегущих. Конные доскакали до красных и остановились на момент; своя же артиллерия преградила дорогу. Артиллерия прекращает огонь и мчится на Подымалово. Противника преследуют на пять верст в сторону Уфы, красноармейцы с поднятыми руками возвращаются обратно и толпами сдаются».

У Подымалова было взято в плен 1280 человек, в том числе командиры всех трех батальонов, несколько комиссаров, захвачено 16 пулеметов и весь обоз 229-го полка с большим количеством патронов, запасов обмундирования и обуви, продуктов и фуража. Успел убежать в Уфу к-р полка с небольшой горстью своих бойцов. Разгром красных произошел очень быстро и с небольшими потерями в 1-м Ижевском полку. Когда наш успех был налицо, к-р полка послал две роты на д. Камышонка, которые выбили оттуда отряд коммунистов и освободили наших пленных».

«В то время, когда шли бои у Подымалова и с. Красный Яр, конный разъезд ижевцев проник к жел. дороге западнее Уфы и включил телефон в провода, по которым красные в городе вели

разговоры со своим тылом. Выяснилась полная паника в рядах красных и растерянность среди их командного состава.»

Под ударами с востока вдоль жел. дор. и с севера Уфа была поспешно оставлена. Часть красных отступила на юго-запад вдоль жел дор., которая была перехвачена позже, а большая часть отступила на юг, образовав разрозненный фронт лицом к северу. Красные еще не были разгромлены и сохранили боеспособность. Предстояли новые бои.

Красные историки называют эти бои первым этапом операции. Этот этап подробно описан в книге Г. Х. Эйхе, командира 3-й бригады 26 дивизии во время боев под Уфой с интересными комментариями. Книге дано интригующее название: «Уфимская авантюра Колчака». Предназначена она для офицеров Сов. Армии и Флота.

Эйхе пишет, что зимой 1919-20 гг. войсками 5-й армии были захвачены оперативные документы высших белогвардейских штабов, и что использование этих документов наряду с документами красного командования предоставило возможность дать двухстороннее исследование Уфимской операции.

Я был начальником штаба 6-го Уральского корпуса в это время и, естественно, теперь рад возможности использовать для части своей работы книгу об участии в «авантюре», как назвал весеннюю операцию Эйхе.

Эйхе пишет: «В оперативных сводках штаба 5 армии за время с 2 по 6 марта отмечаются ожесточенные бои на правом фланге армии, о левом же изо дня в день повторяется одна и таже стереотипная фраза: «на Аскинском направлении без перемен.» Первые сведения о надвигающемся ударе появились в оперативной сводке за 6 марта: «Противник, поведя наступление.. потеснил наши части и принудил нас оставить Усманово. Приняты меры к восстановлению положения... При наступлении противника на Верх-Карышево и Нагарово... после упорного боя с превосходящими силами противника наши части оставили названные деревни. Левофланговый отряд после горячего боя с частями противника отступил на линию Азяково. На всем фронте армии идет напряженный бой с превосходящими силами противника.»

Комментарии Эйхе для командования Западной армии хвалебные: «В этой сводке все изложено правильно и события развиваются так, как предусмотрено директивой Ханжина. Два корпуса против крайнего левого фланга 5 армии нанесли первый

удар, центр армии и правофланговые части ее в районе завода Архангельского сковываются активными действиями 6-го Уральского и правого фланга Южной группы. Отлично выполняет свою задачу 6 корпус на главном железнодорожном направлении северо-восточнее ст. Тавтиманово. Действующая в этом районе 2-я бригада успешно продвигается, берет ряд деревень. Ей уже видны совсем недалеко впереди высоты Аша Балашовская, взять которые ее обязал командарм 5-й. Чем дальше продвинется на восток эта наша бригада и чем серьезнее она ввяжется в бои с частями 6 корпуса, тем тяжелее ей будет потом вырваться из готовящегося Ханжиным в районе г. Уфы — ст. Чишма мешка.» (Это он говорит теперь, зная обстановку по документам).

В сводке 5 армии 7 марта сообщается: «В районе жел. дор. атаки и контратаки... 2 бригада 26 дивизии на Аша Балашовском направлении с боем заняла Ишимбетово и Куранча... 44 полк пр-ка... разбит... появился 47 полк». Комментарии: И эта сводка показывает, что в центре 5 армии все развивается в желательном для Ханжина направлении.»

На левом фланге, в районе действий 27 дивизии, обстановка за 7 марта настолько ухудшилась, что командарм 8 марта в полдень вынужден отдать новую директиву, из которой видно, что направление на Аша Балашовское оставлено и 2 бригада 26 дивизии оттягивается в резерв армии.

8 марта на всем фронте тяжелые бои и 9 марта командарм фронта Каменев в полдень вызвал командарма 5 Блюмберга к прямому проводу для доклада. Командарм, видимо, еще не был хорошо знаком с обстановкой и доложил, что «кризис еще окончательно не прошел, но положение стало более устойчивым.» Часа через три последовало донесение, что «обстановка на фронте армии более чем тяжелая, а главное все в том, что, поставивши задачу, невозможно рассчитывать на выполнение. Некому водить полки, роты, батальоны. Особенно это касается 27 дивизии». И еще несколько позднее Блюмберг послал в штаб соседней 1-й армии «в порядке ориентировки и с целью предупреждения о возможном отводе правого фланга 5 армии» телеграмму, в которой говорилось: «Обстановка на фронте армии сложилась так, что 27 дивизия, не выдержав напора превосходных сил противника, отходит в южном направлении. Несмотря на принятые исключительные меры, противника остановить не удалось.»

Комментарии Эйхе: «Если бы документы, из которых нами

приведены последние цитаты, попали в те дни в руки командующего Западной армией ген. Ханжина, он без сомнения посчитал бы, что они преднамеренно подброшены ему, чтобы ввести его в заблуждение. Для Ханжина обстановка рисовалась значительно более трудной и сложной.»

Ген. Ханжин 8 марта отдает новый приказ, из которого только и видно нового, что красные ведут атаки на левый фланг 6-го уральского корпуса и что корпусу приказано держать в руках Стерлитамакский тракт. Так как на участке 2-го Уфимского корпуса обозначился успех, ему подтверждено наступать в тыл красным, действующим против 3-го Уральского корпуса. И впервые выявлена идея окружения красных: «Всем частям, действующим в районе Уфы, ставлю главной задачей окружить 5-ю красную армию, перерезав путь отступления вдоль жел. дор. на запад и по Стерлитамакскому тракту на юг» (как будто уже известно, что они отступают).

9 марта состоялся еще один разговор Каменева и Блюмберга, который доложил, что донесения с фронта более оптимистического содержания и он полагает, что положение упрочится. Между тем на фронте как раз продолжались отходы уже в расстроенном виде. Эйхе определенно указывает, что Каменев и Блюмберг еще совершенно не уяснили себе пока истинного смысла всего, что происходило на фронте. До самых последних дней они не могли понять, что активность противника, большие силы и упорство — начало крупной армейской операции.

Между тем для ген. Ханжина обстановка становится более ясной и в своей третьей директиве 10 марта он ставит корпусам совершенно конкретные задачи. Указав, что «сопротивление 5-й армии сломлено, левый фланг ее смят и отступает, правый еще держится», он приказывает 2-му Уфимскому не позднее 13 марта перехватить Самаро-Златоустскую дорогу, заняв район ст. Чишма; 6-му же корпусу, продолжая наступление к Уфе, не позднее того же 13 марта перехватить тракт из г. Уфы на г. Стерлитамак, отрезав путь отступления на юг красным из района Уфы.

Поступившие в штаб 5 армии к утру 10 марта сведения были весьма неутешительными. Потерян ряд населенных пунктов и г. Бирск. Блюмберг, ввиду того, что брошенные на помощь 27 дивизии силы до 9 полков втянулись в бой, но не изменили обстановки, принимает решение вывести армию из боя и оттянуть на рубеж реки Черемсан, западнее Чишмы, на которую из 2-го

корпуса направлялась форсированным маршем с севера 4-я Уфимская дивизия. При объяснении Каменеву оснований решения Блюмберг доложил: «Я принял это решение для того, чтобы спасти уцелевшие части армии и не открывать противнику направлений на г. Бугульму и г. Бугуруслан по жел. дороге».

Комментарии Эйхе: «Директива показывает, что командующий армией, наконец, совершенно правильно разобрался в обстановке, верно расшифровал замысел противника — окружить 5-ю армию в районе г. Уфа-ст. Чишма — и ясно увидел реальную угрозу — приближающиеся, далеко занесенные на обоих флангах армии и сбивающие войска армии в мешок в районе г. Уфы клещи — почти все четыре корпуса армии Ханжина.»

«Директива вызвала немедленную резкую реакцию со стороны командующего фронтом. В ночном разговоре Каменев заявил: «Сейчас мне доложили Ваше решение, и сию минуту передам ответ, считаю Ваше решение неприемлемым.» Переданный ответ гласил: «Оставление Уфы намеченным Вами порядком совершенно немыслимо. Принятое вами решение не только не сохранит живой силы армии, а приведет к ее полному разгрому. Вами не исчерпаны силы для сопротивления... Потеря связи с 1-й армией, каковая неизбежна при выполнении вашего плана, может повлечь разгром 1-й армии. Вновь повторяю: необходимо сопротивление, а не растерянность, каковая наблюдается у вас. Вообще нужно думать и о положении 26 дивизии, которая при вашем плане также попадет в невыгодное положение. Ожидается немедленное донесение по изложенному №0742. Реввоенсовет фронта С. Каменев — С. Гусев». Думать долго после такого «внушения» было некогда, и командарм отдает в течение суток один за другим несколько приказов.»

Все приказы — разные задачи частям армии уже оборонительного характера. Кроме того, для сохранения лица такая директива: «В связи с новыми более благоприятными сведениями о положении дел на фронте 27 дивизии, директиву мою за № 300/Н отменяю».

Несмотря на «более благоприятные сведения», отмечает Эйхе, Реввоенсовет 5-й армии в тот же день покинул Уфу и на рассвете 12 марта оказался уже в вагонах на ст. Чишма. Сидеть на этой станции было не совсем приятно, весь район уже забит отступающими в панике обозами и беглецами из 27 дивизии. Распространялись самые дикие, невероятные слухи о поголовной ги-

бели всех, кто не сумел вырваться на Чишму. Надо было ехать дальше, но, чтобы отъезд этот не был похож на бегство, на рассвете 12 марта спешно отдается еще одна директива — впопыхах, опять без указания времени суток и даже без номера. В ней говорится, что противник ведет наступление по тракту Бирск-Уфа. Даются задачи по обороне и даже контрнаступательные. Саркастические замечания Эйхе: «Полагая, очевидно, что командующий армией выполнил свои обязанности, отдав за сутки три оперативные директивы и все написанные в решительных выражениях, Реввоенсовет армии отправился поездом дальше. На попутных станциях, во время коротких остановок, состоялось несколько разговоров со штабом фронта и, между прочим, в полдень 12 марта состоялся разговор командующего фронтом с командующим армией. Из доклада Блюмберга явствовало, что все его последние директивы остались на бумаге и он просил указаний. Ответа на это Блюмберг не дождался, но ему была вручена директива, отданная еще до разговора с Каменевым, об удержании Уфы; поэтому он послал приказ удерживать Уфу до последней возможности и упорно оборонять узел Чишма.»

Опять замечание Эйхе: «Отдана новая директива — можно ехать дальше.» «Только 14 марта, т. е. через двое суток со дня выезда из Уфы, когда поезд РВС армии остановился наконец окончательно на ст. Белебей-Аксаково и оказался в безопасности, началась работа штаба. Но никто не знает, где штабы дивизий, связи никакой с ними уже нет.»

«13 марта в 16 часов, — сообщает штаб 5-й армии 14 марта в 10 часов, — противник повел наступление на ст. Чишма при поддержке артиллерии. Из находившихся на станции остатков частей небольшое сопротивление оказали только части 237 Минского полка и два бронепоезда, отступившие после боя на юг. Противник продолжает наступление на ст. Шингак-куль, а на Волго-Бугульминской дороге занял ст. Благовар. За отсутствием связи от остальных частей сведений нет.»

«Даже на третьи сутки со дня выезда из Уфы — РВС армии еще не вступил в командование своими войсками.»

Комментарии: «Приведенные документы показывают, что в течение двух с лишним суток ни штаб армии, ни штаб фронта ничего не знали о том, что происходит на фронте.»

«Можно считать установленным, что уже в ночь на 12 мар-

та всякое управление войсками со стороны командующего армией кончилось.»

«Командующий Западной армией ген. Ханжин в это время отдал 11 марта поздно ночью четвертую по счету директиву. В оценке Ханжина положение рисуется в следующем виде. Красные с участка 6-го корпуса снимают и отводят войска в район г. Уфы, чтобы, создав резервы, при их помощи ликвидировать обход 2-го Уфимского корпуса от г. Бирска на ст. Чишма. Как видно, Ханжин в основном правильно понял сущность действий главных сил 5-й армии.» «Командиру 2-го Уфимского корпуса приказано... захватить Чишму и удерживать ее во что бы то ни стало. Ударной группе подтверждается энергичное наступление на завод Благовещенский — г. Уфа; 6-му корпусу наступать главными силами южнее жел. дор. и города в направлении на ст. Шингак-куль, стремясь отрезать красным путь отхода на юг.»

«Между тем 12 марта, после отъезда РВС армии из города, в Уфе собрались начальник 26 дивизии Матиасевич и начальник 27 дивизии Яхлаков. Так на месте уехавшего армейского РВС в городе оказался «Совет начдивов» 5-й армии. В тот же день начдивы сумели связаться со штабом армии и запросили указания о дальнейших дейсвиях, в частности, как быть с городом. Полученные ими упомянутые выше распоряжения командарма удерживать город до последней возможности и перейти с утра 12 марта всеми силами в наступление... были на деле для войск пустым звуком. Войскам предстояло самим разобраться в обстановке...»

«Таким образом, с 12 марта, когда РВС армии, уехав из города, потерял связь со штабами дивизий, сражение севернее города вступило в новую фазу: уже не РВС и не штаб армии решали; слово было за начальниками дивизий — от них зависело полностью решение вопросов о дальнейших действиях войск армии, в частности, о самом городе.»

«Порешив, что город оборонять невозможно, и не имея уже связи со штабом армии, оба начдива пускаются того же 12 марта со своими штабами вслед за штабом армии тоже на запад», предоставляя комбригам выбираться куда возможно.

Уже с пути 13 марта начдив 26-й послал распоряжение войскам дивизии об отходе в район ст. Давлеканово, о чем еще три дня назад отдал приказ командарм, отмененный комфронтом, а потом и самим командармом.

14 марта ген. Ханжин отдал директиву: пятую со времени

начала операции. Директива начиналась сообщением о том, что 13 марта части 6-го корпуса заняли г. Уфу, а 4-я Уфимская дивизия — ст. Чишма. Противник частью прорвался и в беспорядке отходит в западном и юго-западном направлениях, причем часть пытается оказать сопротивление в районе ж. д. Чишма - Уфы. Ближайшая задача армии — «замкнуть окружение красных в районе Репьевки» (15-18 км. южнее Чишмы). Выполнение этой задачи возлагается на 2-й Уфимский и 6-й Уральский корпуса. Составляющему ударную группу 3-му Уральскому корпусу, наступавшему в промежутке между 2-м и 6-м корпусами и несколько отставшему, приказано быстро выдвинуться и главными силами в составе 7-й Уральской дивизии и Оренбургской казачьей бригады энергично преследовать красных в общем направлении на Белебей. В связи с этим 2-й Уфимский корпус получает задачу совершить перегруппировку и действовать на запад в направлении на Мензелинск и г. Бугульму. 6-му корпусу после выхода 7-й Уральской дивизии в район Репьевки также перегруппироваться для наступления в южном направлении на г. Стерлитамак. Южной группе (ген. Белова) перейти в наступление, разбить противостоящего противника и овладеть заводом Кананикольский. Ижевская бригада (из 3 корпуса) и 41 полка 11 дивизии (из 6-го корпуса) выводятся в резерв армии (в районе г. Уфы), а находившаяся в армейском резерве бригада 6-й Уральской дивизии передается в 3-й корпус.

Эту директиву, по справедливости, следует считать злополучной. Она была необходима, конечно. Дело в том, что в районе Уфа-Чишма как бы сбились в кучу все части Западной армии и им надо было дать новые направления и при том немедленно. Надо было серьезно подумать об этих направлениях.

Штаб Западной армии в это время отлично был осведомлен. Он знал, что противник выскользнул на двух главных направлениях — Давлеканово и Стерлитамак, а в промежутке между этими направлениями могли оказаться только случайные части красных. Причем надо было считать, что главная масса отступила по Стерлитамакскому тракту или близко к нему. Приказывать в первую голову «замкнуть окружение красных в районе Репьевки» в это время значило оставить на время главные направления и заняться вылавливанием отдельных случайных групп, отставших от своих частей, которые уже устраивались на новых позициях. В Челябинске, видимо, не представляли, что

эта задача отвлечет большие силы без результата и даст красным время для передышки и для того, чтобы подтянуть подкрепления. Зима в этот год была столь многоснежная, что вне дорог двигаться было почти невозможно и выработать какой-нибудь план, как замкнуть окружение на фронте в 30-40 верст, было задачей непосильной. К тому же в это время бушевала метель. Несколько дней было потеряно. Надо было, не задерживаясь, энергично преследовать на двух главных направлениях, усилив преследующие части, а вместо этого берутся в армейский резерв для чего-то лучшие части — Ижевская бригада и 41 полк 11 дивизии. На Стерлитамакском направлении остаются весьма слабая, без 41 полка, 11-я дивизия и усталая 12-я дивизия, причем против первой новый противник — части первой Красной армии Гая.

В результате всего, красные получили возможность устраивать свой новый фронт в 45 верстах от Уфы и даже готовиться к операции возвращения Уфы.

Что касается новых направлений наступления для 3-го Уральского и 2-го Уфимского, то принятое решение было совершенно неправильным. В штабе, вероятно, посчитали, что для всего района южнее Самаро-Златоустской дороги, на котором действовали главные силы 5-й армии, достаточно слабых 3-го и 6-го Уральских корпусов, и потому 2-й Уфимский корпус направляли на Мензелинск-Бугульму, где только на Бугульминском направлении были остатки 27 дивизии красных. Требовалось направить 4-ю Уфимскую на Давлеканово, захват которой заставил бы весь новый фронт отступать. Директива 14 марта была первой громадной ошибкой штаба Западной армии, отнявшей у нас две недели дорогого времени, потребовавшей много жертв и, в конце концов, определившей наши дальнейшие неудачи. После получения ее начинается второй период операции — сражение южнее Уфы. Интересно отметить, что 4-я Уфимская дивизия по директиве вышла 15 марта в район Репьевки, продолжая преследование вырывающихся из мешка в районе Уфы красных частей и, отрезав им путь отступления на запад. Замкнуть окружение должны были с востока и юго-запада части 6-го корпуса, но 12-я дивизия этого корпуса в это время уже столкнулась с частями противника на Стерлитамакском тракте и не могла уклоняться на Репьевку.

По выходе к Репьевке предполагалось 4-ю Уфимскую диви-

зию двинуть дальше на Давлеканово, но в последний момент штаб Западной армии отменил свое первоначальное решение и повернул дивизию в направлении на Бугульму в район южнее 8-й Камской дивизии. Приказ о наступлении на Давлеканово был уже отдан, но в последний момент последовала отмена его ген. Ханжиным, что даже вызвало возражение начальника штаба корпуса и начальника дивизии. Позже 4-я Уфимская дивизия была направлена на Белебей и затем на ст. Раевка 1 апреля — когда фронт красных был прорван и они начали общее отступление.

Второй период операции. Сражение южнее Уфы.

В моих воспоминаниях, написанных по памяти после войны, это время описано так: «13 марта была занята Уфа. Противник отошел частью по жел. дороге, частью на юго-запад. Соприкосновение с противником местами было потеряно из-за метели и глубокого снега и трудности поддерживать связь».

«Перед началом операции каждый корпус, как полагается, получил свою полосу для движения и приготовился действовать. Мы (6-й корпус) должны были пройти Уфу правым флангом и дальше двигаться в общем направлении на Давлеканово.»

«После занятия Уфы мы перебросили на свой левый фланг 11 дивизию, так как ей уже нечего было делать на правом, а с другой стороны полагали, что левый фланг нужно иметь более сильным, как для развития удара, так и для обеспечения на случай контрманевра красных со стороны Оренбурга и Стерлитамака.»

«После занятия Уфы командование армией вместо безостановочного преследования выделило, во-первых, себе в резерв Ижевскую бригаду и один полк от 11 дивизии, а затем распорядилось окружить группу противника близ Уфы действиями с севера от Чишмы частей 2-го Уфимского корпуса и с юга нашими правофланговыми частями.»

«Сложные маневры вообще редко удаются: не удался и этот, и не только не удался, а части перепутались и нужно было три дня, чтобы они были готовы для дальнейших действий. Большое значение имело в этом время года: зима, дни короткие, глубокий снег.»

«В результате красные, принужденные к отходу маневром, но не разбитые, успели устроиться на новом фронте и начали

оказывать упорное сопротивление. Завязалось длительное, на большом фронте, типичное армейское сражение без решительного результата, причем, чем дальше затягивалось решение, тем больше выигрыш склонялся на сторону красных: им подвозились резервы, с прибытием их начинался контрманевр; к нам никаких резервов не прибывало, и, наконец, приближалось весеннее половодье.»

«В одном месте наши правофланговые части продвинулись далеко вперед, в другом — другие подавались назад. Выход почти в тыл красным одной из дивизий армии не сдвинул их; они начали давить с юга со стороны Оренбурга на наш левый фланг и угрожать всему нашему фронту.»

«К концу марта обстановка в центре позиции армии и на левом фланге становилась даже угрожающей; в центре деревни переходили из рук в руки и был случай захвата у нас артиллерии. На левом фланге красные несколько дней подряд вели атаки на растянутую 11 дивизию (без полка) и оренбургских казаков. Атаки отбивались, но положение было тяжелое.»

«В конце концов армейское командование решило пустить в дело армейский резерв — ижевцев и один полк 11 дивизии — 41-й.»

«Наступление свежих сил — ижевцев, шедших в атаку с особым молодечеством, повернуло успех в центре в нашу сторону; соседние с ними части смогли тоже начать продвижение.»

Началось общее отступление 5 армии красных — это было 31 марта.

Написано совершенно правильно, но надо иметь в виду, что все писалось по памяти, в объеме сведений, сохранившихся у бывшего начальника штаба 6-го корпуса. В настоящее время книга Эйхе дает возможность восполнить обстановку, создавшуюся под Уфой, более широко. Тогда увидим, что «повернул успех в центре в нашу сторону» — сказано чересчур мало о действиях, сыгравших решительную роль в срыве наступательной операции красных для обратного овладения Уфой.

Возвращаюсь назад. Директива ген. Ханжина от 14 марта в части о «замкнуть окружение», конечно, запоздала и не было исполнена полностью; только 4-я Уфимская дивизия 15 марта дошла до Репьевки и, не встретив частей 12 дивизии, получила новую задачу.

На самом деле, по словам Эйхе, «в 2 часа утра 14 марта

прибыл в село Бузовьяны, что в 45 км. южнее Уфы на Стерлитамакском тракте, штаб 3-й бригады 26 дивизии... и в тот же день около 10 часов утра состоялся первый разговор командира бригады Эйхе с начальником Пензенской дивизии из состава соседней первой армии.»

Скоро Эйхе связался с командиром Первой бригады 26 дивизии Гайлитом, который сообщил, что ожидается проход через его расположение в ночь на 15-е разбитых частей 2-й бригады, 1-й бригады 27 дивизии и сводной бригады Шабата. Части бригады Гайлита занимали фронт левее бригады Эйхе. Давления со сторон белых не было. Шли разговоры со штабом 1 армии и со штабом фронта, что делать дальше, т. е. переходить ли в район Давлеканова, где были штабы 26 и 27 дивизий, или оставаться на месте, о чем просил командарм первой Гай, боясь за свой фланг; «весь второй этап Уфимского сражения», по словам Эйхе, «заполнен бесконечными переговорами по прямым проводам, донесениями, запросами и телеграфными ответами, но во всех этих документах менее всего говорится о самом главном — о самих войсках, о делах на созданном вновь южнее г. Уфы рубеже обороны, о помощи войскам пополнением, обмундированием и т. д.» Надо прибавить — взаимными обвинениями, выпадами друг против друга Каменева и Блюмберга, спорами Гая и Блюмберга, т. к. весь участок от Стерлитамакского тракта до ж. д. стал объектом забот и внимания двух командующих армиями.

В конце концов, 17 марта последовал приказ комфронта оставаться на месте, считая Алайгирово правым флангом 5-й армии. Правее оставались части 1-й армии. Далее Эйхе пишет: «Боевая жизнь на фронте шла своим порядком. Уже 15 марта рядом с 3-й и 1-й бргадами 26 дивизии выстраивались вырвавшиеся из окружения части 2 бригады той же дивизии, 1-й бригады 27 дивизии и Сводной бригады, то есть почти все, что в 5-й армии еще способно было на какие-либо действия. Одновременно части 2-й бригады 27 дивизии «собирались» в районе завода Усень Ивановский. 3-я бригада этой дивизии, вышедшая на Волго-Бугульминскую ж. д., пыталась прикрывать направление на Бугульму — г. Симбирск, но, сильно пострадавшая, не могла сдерживать противника и продолжала отходить на запад.»

«Перечисленные пять бригад — весьма неодинаковые по численности, боеспособности, морально-политическому состоянию —

и заняли для обороны весь участок от Алайгирова до Самаро-Златоустской дороги». Кроме того, для оказания помощи 5-й армии РВС фронта с большим трудом направил по ж. д. бригаду в 2000 штыков в район ст. Раевка и одновременно на санях к левому флангу 1-й армии три полка 25 дивизии. «Пока производились перегруппировки и сосредоточение, командующий фронтом вел почти ежедневно пространные переговоры с командующим 1-й и 5-й армиями по вопросу выработки плана действий для восстановления положения под Уфой силами указанных резервов (всего шесть полков — около 6-8 тысяч штыков и сабель)». Командующие 5 и 1-й армиями докладывали, что они не видят успеха от наступательной операции в это время. «Создалось весьма любопытное положение, — говорит Эйхе, — когда накануне решительной фронтовой операции двое ближайших помощников командующего фронтом — командующие первой и пятой армиями — становятся в оппозицию к комфронтом и заявляют в один голос: «никаких надежд на успех». Подобных курьезов невозможно найти в истории. В конце концов, несмотря на возражения, чтобы предупредить противника и сорвать его планы, и назначено начало нашего наступления на 22 марта. При возражении 1-й армии, что она будет готова не раньше 25-26 марта».

«Опасения штаба Восточного фронта, что белые готовят какую-то операцию против правого фланга 5-й армии, были не лишены оснований.»

Невыполнение директивы от 14 марта вынудило Ханжина 17 марта отдать новую (шестую по счету) директиву № 1007, начинавшуюся словами: «Разбитая 5-я армия отброшена под Уфой по двум разобщенным нашими войсками направлениям: в западном — малобоеспособная 27-я дивизия и в южном 26 дивизия, сохранившая еще упругость. Шесть полков этой дивизии стремятся еще оказать сопротивление нашему шестому корпусу на фронте Бекетово-Поддубово, а два полка отброшены в район Пр. Табынск, откуда в соединении с полком Троцкого пытаются действовать на крайний левый фланг 6-го корпуса.»

Задачи: а) командиру 6-го корпуса ген. Сукину «с 12-й пехотной дивизией и бригадой казаков закончить поражение 26-й дивизии красных, стремясь отбросить ее в горы к востоку от Стерлитамакского тракта. Расчистив себе путь, корпусу продолжать наступление на г. Стерлитамак»; б) ген. Голицину «продолжать наступление в полосе согласно предыдущей директиве

вдоль ж. д. на Белебей-Бугуруслан... Ставлю задачей энергичными действиями на фланги и тыл группировки противника, сопротивляющейся в районе Бекетово-Поддубово, облегчить выполнение задачи 6-му корпусу, не давая противнику возможности отходить на запад; в) 2-му Уфимскому корпусу преследовать 27-ю дивизию в западном направлении и закончить ее развал».

Оперативные сводки 5-й армии отражают полностью ход начавшегося наступления белых, согласно директиве № 1007. Положение рисуется для красных тяжелым, но развить успехи белым не удалось. 26-я дивизия удержала в основном занятый рубеж южнее Уфы, уступив противнику ряд населенных пунктов. Задача — «закончить поражение 26 дивизии», поставленная 17 марта 6-му и 3-му корпусам, оказалась невыполнимой.

«Это вынудило Ханжина 22 марта отдать новую директиву. Директива начинается с краткого обзора общего положения на всем фронте. Сибирская армия сбила 3-ю красную армию и теснит ее к Глазову. 2-я красная армия еще оказывает сопротивление на Воткинском и Сарапульском направлениях. Сибирской армии приказано разбить ее и овладеть районом Ижевский завод-Воткинск — г. Сарапул. В районе Оренбургской армии красные ослабили свой нажим в результате успеха Западной армии под г. Уфой.»

Оренбургской армии приказано взять г. Орск и, наступая на фронте г. Актюбинск — г. Оренбург, обеспечить левый фланг Западной армии. Переходя к оценке обстановки у себя, Ханжин пишет: «На фронте Западной армии разбитая 5-я армия в беспорядке отходит на г. Мензелинск и г. Бугульму. Мензелинск взят. На Бугуруслано-Стерлитамакском направлении части 26-й дивизии красных, поддержанные частями 1-й армии, пытаются задержать наше наступление в районе ст. Давлеканово-Поддубово-Бурля. 1-я армия противника, ослабив свой нажим на Оренбургскую армию и на левый фланг нашей южной группы, перегруппировывается для удержания района зав. Авзяно-Петровский и нанесения контрудара в направлении от Стерлитамака вдоль реки Белой. *Верховный главнокомандующий повелел:* разбить 1-ю армию, продолжая преследование на прочих направлениях. Во исполнение повеления Верховного ставлю себе ближайшей задачей ликвидировать группу противника, обороняющую фронт Давлеканово-Бурля» (90 км.).

2-й Уфимский корпус получает задачу — продолжая неболь-

шими силами преследовать красных на г. Бугульму, нанести сильный удар с севера на г. Белебей, перехватить ж. д. на Бугуруслан и перейти здесь к обороне до подхода частей 3-го Уральского корпуса. Корпус усиливается 3-й Оренбургской бригадой. 3-й Уральский корпус также усиливается бригадой 6-й Уральской дивизии из армейского резерва и 2-й Оренбургской бригадой. Ему поставлена задача наступать уступом впереди 6-го корпуса, имея целью отрезать красным, сосредоточившимся перед 6-м корпусом, отход на запад и угрожать тылу армии. 6-му Уральскому корпусу выделить 41 полк в армейский резерв и наступать с целью разбить противостоящего противника и взять г. Стерлитамак. Южной группе овладеть заводом Авзяно-Петровским. Армейский резерв — Ижевская бригада переводится в район ст. Чишма.

«Как уже было отмечено, Каменев все время торопил 1-ю и 5-ю армии с началом наступления, чтобы не допустить захвата инициативы противником. Во исполнение директивы фронта командующий 5-й армии отдал приказ о начале решительной операции 22 марта для овладения районом Чишма. По директиве фронта 1-й армии поставлена задача 23 марта отбросить противника за р. Белую.

Наступление должно было начаться 22 марта. Штаб фронта полагал, что за два дня — 21-22 марта — полки займут исходные позиции и смогут начать наступление. Фактически 22 марта начали наступление всего три бригады из семи 5-й армии, а считая две 1-й армии, — всего из 9 бригад. Не начала также наступать 22 марта группа Эйхе в составе 3-й бригады 26 дивизии и Оренбургской бригады».

«Директивой от 21 марта Блюмберг, а директивой от 22 марта Ханжин поставили каждый своим войскам решительные задачи. Что же получилось на самом деле?»

По сводке 5-й армии, на участке ее «в течение семи дней (22 марта — 28 марта) оба противника, выполняя каждый свою задачу, ведут ожесточенные бои с переменным успехом; одни и те же населенные пункты переходят по многу раз из рук в руки, но добиться решительного успеха ни одна из сторон не в состоянии; потери с обеих сторон большие. Крупные успехи отмечаются на участке 3-й бригады 26 дивизии — в последние дни ею занят ряд деревень, захвачены 5 орудий, 5 пулеметов и около 500 пленных.»

Эйхе: «Западной армии Ханжина не удалось и на этот раз выполнить поставленной директивой от 22 марта задачи: «уничтожить 26 дивизию» и нанести удар в тыл на г. Белебей и г. Стерлитамак. Она понесла тяжелые потери и вынуждена была отдать большой район на самом опасном для нее направлении — на ст. Чишма. Если за предыдущие десять дней — с 3 по 13 марта — Ханжину удалось разгромить весь левый фланг 5-й армии, захватить большие трофеи и овладеть Уфой, то за последующие две недели Западная армия не могла сдвинуть с места 26-ю дивизию, упорно оборонявшую новый рубеж южнее г. Уфы. Дело принимало для Ханжина скандальный оборот. Очередная, девятая, директива его от 27 марта начинается так: «Сопротивление 5-й и 1-й красных армий окончательно еще не сломлено. Противник прилагает всю энергию, чтобы удержаться на линии ст. Давлеканово-Пр. Табынск-завод Авзяно-Петровский и для этой цели перебрасывает в район Давлеканово разрозненные части не только первой, но и четвертой армии. Как последний резерв в район Давлеканово прибыл сам Троцкий. На нашем крайнем правом фланге противник перебросил в район г. Мензелинска части 28 дивизии с Сарапульского направления, в то же самое время крайний правый фланг противника смят частями южной группы и отходит... Ставлю задачу армии разбить центральную и наиболее сильную группу противника в районе Давлеканово.» Во 2-м Уфимском корпусе — 4 Уфимская дивизия снята с Бугульминского направления и направлена на ст. Раевка, южнее Давлеканово.

Оперативная сводка 5-й армии к 15 часам 31 марта указывает, что весь вчерашний день шли ожесточенные бои на правом фланге 26-й дивизии, противник подтянул Ижевскую бригаду и вынудил наши части отойти на всем фронте. В районе Волго-Бугульминской ж. д. 3-я бригада 27 дивизии понесла тяжелые потери и также отброшена на запад. В 22 часа того же 31 марта командующий 5-й армией докладывал Каменеву, что противник продолжает теснить 26 дивизию на всем ее фронте. После неудачной атаки Мусино части 3-й бригады 26 дивизии отошли на Бузовьяны. Налицо уже обозначился глубокий прорыв центра 26 дивизии; восстановить положение нечем — нет никаких резервов.» Командарм считает, что надо перейти к активной обороне...

Между тем, разговоры разговорами, а на месте отход 2-й бригады 26 дивизии продолжался, и только 2 апреля штаб 5-й

армии передал свои сведения: «Нами получено от начдива 26 следующее донесение: противник обрушился на центр дивизии... 2-я бригада вместе с Оренбургской откинулась куда-то на юг, каковых никакие ординарцы и ни по каким дорогам найти не могут... Где находится Эйхе — неизвестно совершенно.»

Таковы были последствия вступления ижевцев из резерва на поле боя и таковы были последствия ударов их 30 и 31 марта.

Уже 3-го апреля они преследовали части 26-й дивизии, а на Стерлитамакском направлении 5-го апреля 12-й Уральской дивизией был занят Стерлитамак, оставленный красными почти без боя. Эйхе о себе в этот момент ничего не пишет. Он отступал на запад и вышел к ст. Аксеново через несколько дней.

Наступление ижевцев 30-31 марта описано полковником Ефимовым, начальником штаба бригады, и напечатано в №№ 206 и 207 Вестника РВВВ. Привожу его с сокращениями.

«14 марта Ижевская бригада была выведена в резерв в район ст. Чишма. В конце марта красные одновременным наступлением с запада и юга сделали попытку отобрать Уфу. С запада удар красных был отбит частями Уфимского корпуса. С юга противник потеснил малочисленные части 12-й Уральской дивизии и подошел на один переход к Уфе... Уфа была под угрозой захвата. Ген. Ханжин двинул на защиту города Ижевскую бригаду.»

«Рано утром 30-го марта ижевцы атаковали красных и выбили из ближайших занятых ими деревень. 1-й полк с двумя батальонами захватил в 6. 30 ч. утра д. Ново-Киевка, а обходивший справа 3-й батальон прап. Ложкина, не найдя дороги на деревню Ново-Киевка, атаковал д. Романовка, занятую силами красных, значительно превышавших силы его батальона в 500 бойцов. Батальон Ложкина ходил в атаку, забросив винтовки за плечи, а в руках бойцов сверкали ножи. На красных это производило большое впечатление. Они бежали, но батальон понес большие потери — до 100 человек.»

«Получив подкрепления, красные готовились перейти в контратаку. К деревне (Петряево?), из которой они наступали, подходили с юга, со стороны Стерлитамака, все новые колонны, что отлично было видно из д. Ново-Киевка. Артиллерия их стреляла очень метко. Один снаряд разбил на куски пулемет и убил семь человек. Батарея, приданная полку ижевцев, выехав на открытую позицию, немедленно была обстреляна красной артиллерией. Снаряды ложились у самых пушек и батарея принуждена

была отойти на закрытую позицию. Последние патроны вышли, а пополнение не было доставлено. Командир полка посылает запрос Ложкину, нет ли у него патронов, а в это время Ложкин просит дать патронов ему. Красные настойчиво продвигаются, но штыковых атак не принимают. Позиции у Ново-Киевки и Романовки были неудобны и командир полка приказал отойти к деревне, откуда началась атака утром. Отходили в полном порядке, подбирая всех раненых. У деревни залегли около поскотины, закопались в снег и ждали красных. Один разъезд в 7 всадников попал в плен к противнику. Обозленные за свои неудачи, красные порубили пленных на куски. Подъехал к-р бригады, командир полка доложил обстановку и предложил для захвата брошенных деревень, за отсутствием патронов, дождаться ночи и в темноте окружить красных. Если же необходимо — наступать немедленно.»

«Полк. Молчанов приказал наступать немедленно. Пор. Михайлов отдал приказ двигаться без выстрела, равняясь по передним. Огонь открыть только по его приказу.»

«Участник боя вспоминает: «Наступление вели под сильным огнем противника. Падают убитые и раненные. Вот закачался к-р 2-го батальона прап. Ермаков и упал, тяжело раненный в пах. В снегу наступать трудно, но цепи идут все быстрее и быстрее. В ста шагах от красных приказ остановиться, передохнуть и выпустить по одной обойме. Открыли огонь и бросились без команды вперед с криком «ура». Красные бежали, оставив нам драгоценнный трофей — 20 подвод с патронами.» Прап. Ложкин вновь атаковал Романовку и взял ее в 13 часов, получив поддержку и патроны от 25 Уральского полка. Во 2-м полку также были большие успехи. В 8 час. занята д. Бекетова, расположенная на тракте Уфа-Стерлитамак и в 9.40 ч. д. Ибрагимово. Красные оказывали упорное сопротивление, но большой подъем духа у ижевцев и их стремительность в атаках заставляли противника быстро сдавать позиции, несмотря на их превосходство в силах.»

«Наши потери были сравнительно невелики. За этот день 1-й полк потерял убитыми и ранеными (оставшиеся в строю в счет не вошли) 122 офицеров и бойцов, 2-й полк — 102 и Конный дивизион 2; и 7 человек попали в плен и были зарублены». «Подъем духа у ижевцев был на необыкновенной высоте. Они шли в бой как на праздник — с песнями и гармошками.»

«К вечеру 30 марта ижевцы остановили наступление красных на Уфу и отбросили их из нескольких захваченных ими на-

селенных пунктов. Но безопасность Уфы еще не была обеспечена. Захват пленных и их показания указывали на то, что кроме 26 дивизии, здесь действуют подкрепления из 1-й красной армии. Число вновь появившихся полков определялось в 3 - 4.»

«Таким образом, в следующие дни для Ижевской бригады предстояли новые усилия отразить попытки упорного и многочисленного врага захватить Уфу.»

«Между тем обещанные патроны не прибывали. Начальник бригады несколько раз посылал требования об их присылке, а после полудня, когда отсутствие патронов заставило 1-й полк очистить захваченные утром деревни, полк. Молчанов донес командующему армией, что если патроны не будут доставлены, бригада начнет отступление к Уфе.»

«Запас огнестрельных припасов, очевидно, еще не был подвезен к Уфе, и их стали собирать или отбирать от находившихся поблизости частей и отправлять спешно пачками на городских извозчиках в распоряжение полк. Молчанова. Иногда в санях извозчика было всего 2-3 ящика.»

«Вечером выяснилось, что 1-й полк захватил патроны у красных при вторичном овладении д. Ново-Киевка. Захват у противника и начавшийся подвоз патронов с тыла давали возможность продолжать действия против красных. Но к-р бригады не хотел тратить усилия на выбивание противника из ряда деревень. Это приводило к потере времени, требовало больших жертв, могло привести к новому недостатку патронов и не давало решительных результатов. Учитывая высокий подъем духа у ижевцев и, с другой стороны, неудачи красных, которые не могли не поколебать их наступательного порыва, полк. Молчанов решил разбить противника, нанеся ему удар с тыла.»

«На 31 марта он ставит задачу 1-му полку продолжать наступление в прежнем юго-западном направлении, очистить от противника район деревень Новое и Ст. Мрясево — Нов. Яныбеково и преградить пути отступления на запад главных сил красных, действовавших на Стерлитамак-Уфимском тракте. Со 2-м полком, одним эскадроном, одной пушечной и гаубичной батареями полк. Молчанов двинулся из д. Петряево в обход деревни, куда отступили красные после боев 30-го марта. Цель обхода — захватить следующие пункты — село Ст. Адзит, в котором были резервы противника, отрезать всю их главную группу от Стерлитамака и разбить эту группу.

«Для заслона в сторону Уфы полк. Молчанов оставил лишь инженерную роту, приказав ей занять небольшое возвышение к северу от деревни, в которой были красные. На рассвете рота должна открыть усиленную стрельбу из винтовок и пулеметов и привлечь внимание красных. Поблизости были также 25 и 46 Уральские полки, но они не были подчинены полк. Молчанову и потому никакой задачи на 31 марта им не ставилось.»

«1-й полк, начав с рассветом наступление, без боя занял все указанные ему пункты. Обходное движение 2-го полка по занесенным снегом полевым дорогам было тяжелым. Расстояние в 16-17 верст взяло всю ночь, хотя проводники знали местность и добросовестно указывали лучший путь. На рассвете 2-й полк развернулся в тылу красных и повел наступление на Ст. Адзит, где оказались крупные силы противника. Красные не ожидали нападения с тыла, но после некоторого замешательства начали поспешно разворачивать на окраине села несколько цепей, охватывавших фланги ижевцев. 2-й полк, несмотря на усталость после тяжелого ночного перехода, быстро двинулся вперед, как и накануне, с песнями и гармошками. Картина начавшегося боя, когда появились большие цепи красных с сильными поддержками позади, вызвало все же сомнение: возможно ли сломить врага в превосходящих силах. Вместо уверенности в победе, встал вопрос: кто в конечном счете окажется победителем.»

«Полк. Молчанов увидел, что нужно каким-то путем поддержать победный дух у своих и поколебать силу сопротивления у противника. Наша артиллерия удачно обстреливала красных, но этого было мало. В резерве оставался только один эскадрон под командой прап. Багианца. Полк. Молчанов приказал эскадрону атаковать центр расположения противника, прорваться в деревню и оттуда обстрелять цепи красных с тыла. Прап. Багианц, обычно исполнительный и храбрый офицер, увидев, что ему надо проскочить через две или три цепи противника, заколебался и стал возражать. Полк. Молчанов вскипел, сам скомандовал «по коням», указал направление и приказал атаковать. Впереди полетел командир эскадрона, за ним его лошадь нахлестывал командир бригады и за ними летела лава. Эскадрон врубился в цепи красных, внес в них беспорядок, проскочил в деревню, где метались в панике красноармейцы, захватил две пушки в полной упряжке и 10 пулеметов. Часть спешеных всадников открыла из своих и

нескольких захваченных пулеметов огонь вдоль улиц по цепям противника.»

«Пехота ижевцев подходила к деревне. Красные обратились в бегство. Оставив в руках ижевцев указанные пушки и пулеметы, значительную часть своих обозов и много пленных, они бежали в лес на запад, по занесенным лесным дорогам, избегая деревень,проскочили мимо 1-го полка.»

«Паническое настроение красных, бежавших из Ст. Адзит, распространилось на их части, расположенные в обойденной деревне. С севера их на рассвете обстреляла инженерная рота. Услыхав бой в тылу, эти части не предприняли никаких действий против инженерной роты и через некоторое время, видимо, узнав о бегстве из Ст. Адзит, также бросились на запад. О степени их панического настроения свидетельствует то, что они бросили в деревне весь обоз и 12 орудий. Все это было обнаружено оренбургскими казаками, вошедшими вскоре в деревню.»

«За два дня боев было взято несколько сотен пленных от 12 красных полков.»

«31 марта всякая опасность захвата Уфы миновала. 26-я красная дивизия начала поспешное отступление на запад южнее жел. дор. Уфа-Самара, а 27-я дивизия, грозившая Уфе с запада, отступала севернее ж. д.».

«Победа над противником, грозившим Уфе с юга, была достигнута необыкновенным подъемом духа ижевцев, что использовал полк. Молчанов в рискованном, но блестяще проведенном маневре». Прибавим: «Показав при этом лично пример безумной храбрости.»

Как видно из приведенного здесь описания, успех повернут не каким-либо случаем, а решительными действиями Ижевской бригады во главе с полк. Молчановым, который за бои под Уфой был заслуженно произведен Верховным правителем в чин генерал-майора.

Третий период. Преследование «до абсурда». Отступление

После 1-го апреля началось отступление красных на всем фронте 5-й армии. 3-го апреля командующий Западной армией отдал приказ о преследовании. 6-й Уральский корпус после занятия Стерлитамака должен перебросить 11-ю дивизию к левому флангу 3-го Уральского корпуса специально для движения на Бу-

зулук, а с остальными частями преследовать противника на Шарлык (Михайловское), куда отходила часть красных. Направление Стерлитамак-Оренбург передавалось генералу Белову. Также было приказано отправить часть Оренбургской казачьей бригады рвать жел. дорогу Оренбург-Бузулук.

За уходом 11 дивизии далеко направо, очень слабой по своему составу, в корпусе оставалась только одна 12-я Уральская дивизия, приблизительно 4500 человек. Движение в новом направлении пошло быстро. Красным не давали передышки посаженные в сани небольшие отряды с пулеметами. Но скоро движение стало затруднительным. Снегу было страшно много. Начиналась очень дружная весна, когда ночью снег чуть-чуть подмерзает, а днем солнце светит так ярко и тепло, что снег быстро тает. Люди даже снимали верхнюю одежду — было жарко. Между гор (Общий Сырт) появились заторы воды. Сани и люди начали купаться. Обозы и артиллерия отставали. Парки совсем отстали и их не смогли подтянуть к боям, начавшимся на Пасхальной неделе. 11-ю дивизию, направленную на левый фланг 3-го Уральского корпуса, приказано было двигать прямо на Бузулук; когда началась ростепель и половодье и было выяснено, что за дивизией не может идти ни артиллерия, ни обозы с патронами, получено было указание: идти хоть без артиллерии, чтобы не отстать от соседа справа, подходившего к Бугуруслану.

14 апреля 6-й корпус без 11-й дивизии с большим трудом перешел реку Дему и штаб остановился в с. Богородском; 12 див. — в д. Кирсановка-Ратчино. Дальше двигаться было невозможно: сообщения между частями, даже поддержание связи стало совершенно невозможным, самое короткое дней на десять, а о военных действиях можно было мечтать через две недели, и это еще при непросохших дорогах.

Ген. Сукин, сам оренбургский казак, знавший прекрасно местные условия, еще из Стерлитамака 7 апреля предупреждал штаб армии о скором наступлении половодья и прекращении всякого движения из-за разливов речек не желая отрываться от Стерлитамака и предполагая остаться здесь с главными силами и продолжать преследование небольшими силами, посаженными на сани с пулеметами. Штаб армии настоял на движении всеми силами. Сукин считал более выгодным двигаться при первой возможности на Оренбург вместе с ген. Беловым, а не залезать в глушь во время разливов речек и ручьев. Из Богородского ген. Сукин 15 апреля

вновь телеграфно доказывает необходимость приостановить хотя бы на несколько дней стремительное наступление, ослабляющее войска. «В таком положении», отвечал Ханжин, «все корпуса, но двигаться надо. Скоро красные не смогут ездить, а должны будут ходить». 16 апреля ген. Белов докладывал: «Дороги таковы стали, что ни на санях, ни на колесах ездить нельзя. На реках поверх льда местами вода до 2 аршин. Двигаемся главным образом ночью и в утренние часы, т. к. спасают только ночные заморозки и полнолуние».

На крайнем правом фланге армии, во 2-м Уфимском корпусе, ушел с поста начальника 4-й Уфимской дивизии ген. Косьмин 16-го апреля, из-за несогласия двигаться дальше от с. Сок Кармалинское, во время распутицы, после нескольких дней задержек.

Ижевская бригада после победы 31 марта тоже устремилась вслед за отступающими красными. Преследование носило стремительный характер. Деморализованные красные части отступали сначала большими переходами по 25-30 верст в сутки на подводах, стараясь оторваться, но это им не удавалось.

Из отдельных эпизодов этого преследования выделяется случай окружения и уничтожения одного красного полка. После большого перехода 2-й Ижевский полк догнал поздно ночью полк противника, расположившийся на ночлег в деревне, которая находилась в лощине. Обнаружив красных, ижевцы без шума сняли заставу красных и окружили деревню.

Было приказано отрезать все пути отступления, выставить пулеметы и подождать рассвета. Когда красные начали просыпаться и готовиться к выступлению, заговорили 24 пулемета. Без особого сопротивления деревня была взята. Много было убитых и раненных, остальные поспешили сдаться. Спастись удалось только бывшему с полком комбригу Эйхе и полковому комиссару. Они бросились в мало заметный проулок и выскочили в поле. Имея отличных верховых лошадей, они быстро исчезли из виду.

В одном переходе от г. Бугуруслана командир бригады получил приказ перейти в район г. Бугульмы в резерв армии. Странное приказание! Она была здесь нужна более, чем где-либо.

К середине апреля вся Западная армия была на линии Чистополь, Бугульма, Бугуруслан, Кирсановка (северо-западнее Шарлыка). Южная группа ген. Белова у Мелеуса в 120 верстах от Оренбурга против Шарлыка. Оренбургская и Уральская армии осаждали свои столицы с юга. Это были отдельные пятна расположения

армии, из которых только 2-й Уфимский корпус представлял внушительную силу. Две дивизии — 4-я Уфимская и 8-я Камская были наиболее боеспособные единицы в армии, причем и они получали пополнения сомнительно стойкие.

Фронт — от Чистополя до Оренбурга по прямой линии приблизительно 450 верст, от Бугульмы до Стерлитамака около 300 верст. Трудно сказать, какова была численность войск в этих пятнах. Во всяком случае не более 25 тысяч человек. Сибирская армия правым флангом против Глазова, левым на реке Вятке, освободив заводы Воткинский и Ижевский от красных.

Казалось, что первоначальная задача армий, поставленная при начале наступления в марте была выполнена. В частности, для Западной армии — рубеж река Ик был даже перейден.

Совершенно естественно, что с первого апреля до половины месяца армия преследовала противника, но что будет дальше? Это было время начала половодья и распутицы, когда наши части должны были оставлять сани и розвальни, на которых в большинстве передвигались, и переходить на обыкновенный пешеходный способ движения. Обозы должны были переходить на колесные. Половодье и распутица останавливали всякие действия на две недели — время, необходимое для приведения в порядок своих частей, для пополнений, для перемены одежды и проч., вообще для упорядочения своего тыла.

Красные отступали: 27 дивизия, разбитая и деморализованная, 26 дивизия расстроенная, ослабленная, но не вся полностью. Оставались части еще боеспособные. На крайнем нашем левом фланге части 1-й красной армии даже мало потрепанные. Отрываясь от наших преследующих частей, они все попадали в районы своих баз, где приводились в порядок, пополнялись, вообще устраивались. Мы, наоборот, совершенно отрывались от своих тылов и должны были жить и питаться местными средствами, как партизанские отряды. Если директива командующего Западной армией 14 марта в Уфе имела последствием задержку армии под Уфой на две недели, причем борьба за Уфу была не легкой, с большими потерями, — это была безусловно ошибка командования и штаба армии.

Этот же момент перед половодьем, чрезвычайно важный, подлежал всестороннему обсуждению в Ставке и в штабе Западной армии. Неизвестно, что происходило в это время на верхах, но результат, в виде директивы Верховного Главнокомандующего от 12

апреля, показал, что в Омске совершенно не отдавали отчета, каково состояние фронтовых частей и что делается в это время на фронте, или не хотели считаться вообще с докладами. Омск далеко от Приуралья и там не видели, в каком состоянии части и что делает весна здесь, особенно в районе Стерлитамака. Одним словом, Омск решил, что его не удовлетворяет линия реки Ик, а нужно стремиться на Волгу, с незначительными силами, на «ура». Закружилась голова от призрачных успехов!

Приказ Верховного Главнокомандующего начинался словами: «Противник на всем фронте разбит, деморализован и отступает». Отметив, что уральские казаки начали активные действия против г. Уральска, что Деникин теснит красных в районе Донбасса, а Юденич активен на Псковском и Нарвском направлениях, «Верховный Правитель повелел уничтожить красных, оперирующих к востоку от рек Волги и Вятки, отрезав их от мостов через названные реки. Задачи армиям: Сибирской — выйти на линию Котельнич-Казань; Западной, — отбросив красных от реки Волги на юго-восток, правым флангом быстро продвинуться к переправам через Волгу у г. Симбирска и Сызрани, искать соединения с уральскими казаками. Оренбургской армии ген. Дутова овладеть г. Оренбургом, Илецком и Актюбинском. Речному флоту овладеть устьем р. Камы. 1-му Волжскому и Сводному Сибирскому казачьему корпусам, оставаясь в резерве Верховного Главнокомандующего, сосредоточиться в районе западнее Уфы. Сибирской и Западной армиям заранее организовать захват мостов через р. Волгу у Казани, Симбирска и Сызрани, дабы помешать их испортить»... Как будто в распоряжении командующего Западной армией находилась могучая сила, которой все нипочем, и что она будет в состоянии выполнить все задачи, какие она встретит на Волге в разных местах.

Могли ли мы в это время, находясь между Стерлитамаком и Шарлыком, ожидать такой директивы? Даже не верилось, что она отдавалась, если бы генерал Ханжин в директиве от 16 апреля, очевидно, в развитие этого приказа, не требовал: «Продолжать энергичное преследование, отборсить противника на юго-восток в степи и, не допуская отхода за Волгу, перехватить важнейшие на ней переправы». Приказано к 26 апреля войскам армии выйти на линию г. Чистополь — г. Сергиевск — ст. Кротовка — г.Бузулук — Оренбург. В частных задачах приказано: 2-му Уфимскому и 3-му Уральскому корпусам ликвидировать красные войска, отступающие в полосе жел. дор. на г. Симбирск и г. Самару; 6-му Уральско-

му корпусу совместно с правым флангом южной группы ген. Белова — ликвидировать Шарлыкскую группу красных, не допуская отхода на запад и юго-запад. В армейский резерв выводятся Ижевская бригада в район г. Бугульмы, а бригада 6-й Уральской дивизии направляется за левый фланг группы Белова.

Между прочим, Ижевская бригада получила приказ перейти в Бугульму, когда была в переходе от Бугуруслана. В Бугульме ген. Войцеховский на доклад о прибытии бригады сказал ген. Молчанову, что он удивлен прибытию бригады, так как она более нужна у Бугуруслана по обстановке.

Правый фланг Западной армии был обеспечен занятием Мензелинска, Елабуги, Чистополя и в будущем выдвижением речной флотилии в район устья Камы. Зато левый фланг был совершенно не обеспечен. Левый фланг, 6-й Уральский корпус, штаб которого, перейдя р. Дему, 14 апреля остановился в с. Богородском, оказался в опасном положении почти сразу же. Ему приказывалось ликвидировать Шарлыкскую группу, а он уже не мог двигаться и задача была не по силам, т. к. выяснилось, что в Михайловском (Шарлык) появились части из Первой красной армии, которые отступали от Стерлитамака и повернули на запад от удара частей ген. Белова. Это были части 20-й и 24-й дивизий.

Половодье заставляло ждать, когда спадет хоть немного вода, чтобы выправить расположение частей, подтянуть артиллерию, обозы и проч. О пополнениях не приходилось мечтать, а между тем в обеих наших дивизиях боевой состав дошел до половины. Еще во время преследования противника, на одном из переходов по испорченным уже дорогам, штаб корпуса нагнал небольшую колонну пополнений, направленную армией в корпус. Люди шли большею частью в своей одежде, некоторые в валенках. Со страхом думалось, что если за этой партией следуют другие, то они просто будут болтаться в пространстве долгое время и едва ли скоро попадут по назначению.

Половодье прекратило на время не только действия и связь; оно прекратило и подвоз хлеба и продовольствия. Занятый район был богатый, можно было некоторое время кормиться местными средствами; крестьяне относились к войскам хорошо, но через несколько дней начались жалобы на самоуправство частей, неправильную разверстку требуемого, недостаточную плату и проч. Был еще один больной вопрос: одежда и обувь. Начали преследование на санях и розвальнях в полушубках и валенках и очутились в

половодье далеко от жел. дороги без сапог и без шинелей, а розвальни пришлось вернуть крестьянам.

Красные в Шарлыке, также как и мы, приводились в порядок и выжидали, видимо, окончания половодья. Поступили сведения, что туда прибывают части 24-й дивизии. Еще половодье не кончилось, как во время разведки на одном из красных офицеров был найден приказ, из которого было видно, что именно красные предполагают делать. На Самарском направлении предполагалось удерживать Кинель, а в район Бузулука должны быть переброшены части из-под Оренбурга и из Туркестанской армии для удара с юга в левый фланг Западной армии.

Первый удар должен был получить весьма ослабленный 3-й Уральский корпус и 11-я Уральская дивизия без артиллерии и весьма слабая к этому времени по своему численному составу.

Кроме того, специально для действия против 6-го Уральского корпуса или, вернее, 12-й дивизии, сосредоточивалась в Шарлык особая группа Павловского, сильно превосходившая численно 12-ю дивизию, с большим количеством пулеметов и сильной конницей. Сосредоточение должно было закончиться еще раньше начала половодья, но запаздывало; некоторые части застряли в дороге. Сведения эти были с большим трудом переданы в штаб армии и соседям. 6-й корпус получил приказ разбить группу Павловского, не ожидая окончания распутицы. 12-я Уральская дивизия, в это время всего около 4500 бойцов, оставалась еще скованной распутицей, половодьем и изолированной от тыла. Как ни старался командир к-са оттянуть до более благоприятного времени выполнение приказа о наступлении, но пришлось начать. Результат получился угнетающий. Действовать пришлось по грязи и воде, одетыми во что ни попало. Через несколько дней попытка была повторена. Она показала, что 24 дивизия приведена в порядок, богата пулеметами. Сбить ее не удалось. Она сама уже перешла в контрнаступление, пришлось переходить к обороне с потерей деревень, а потом и отходить.

11-я Уральская дивизия, на отлете, вынужденная повторными приказами двигаться на Бузулук, несмотря на все доводы против, оказалась в полной изолированности от 12-й дивизии и без связи с 3-м Уральским корпусом вправо. Она двигалась на широком фронте, в ней насчитывалось всего 2700 штыков. Не доходя 40-45 верст до Бузулука, она была встречена контрударом противника и принуждена отступать в условиях распутицы.

Ген. Сукин в своих донесениях особо подчеркивал, что задача, данная 11-й дивизии, невыполнима. 23 апреля он получил резкую телеграмму от ген. Ханжина с требованием выяснить причины невыполнения приказа и категорическим приказанием не позже 26 апреля занять Бузулукский район и отрезать пути отхода частей 1-й армии на запад. Этого требовала Ставка из Омска.

С обнаружением контрнаступления в конце апреля со стороны Шарлыка и Бузулука и началом осаживания на широком фронте 12 и 11-й дивизий создавалось угрожающее положение. Противник направлялся к Самаро-Златоустской дороге между Бугурусланом и Абдулино. Командование Западной армией не имело крупного армейского резерва. Оно направило в опасный район западнее ст. Абдулино украинский полк — «курень Шевченко», который был двинут на участок 11-й дивизии, в наиболее угрожаемое место на стыке с 3-м Уральским корпусом. Днем курень был встречен радостно в районе расположения штаба дивизии, а ночью он выствил пулеметы против штаба дивизии и охраны и пытался захватить командный состав дивизии для выдачи красным.

На другое утро курень был в рядах красных, усилив их. Читая впоследствии официально изданную советами Историю гражданской войны (против Колчака, т. IV), я нашел описание этого случая. Оказывается, в рядах куреня еще в Челябинске, где он формировался, были водворены тайные агенты, которые распропагандировали людей и перед выступлением на позиции ими была составлена телеграмма на имя Ленина о переходе, которая была вручена красным.

На наших измотанных людей эта передача произвела чрезвычайно тяжелое впечатление. Надежд на скорую поддержку или смену не оставалось. Численность дошла до 200-300 чел. в полку.

На крайнем правом фланге армии, в описываемый период половодья, после перемены командования в 4-й Уфимской дивизии, движение вперед возобновилось. Имеется такое описание этих дней в письме 1953 г. бывшего начальника штаба дивизии полк. Ивановского: «В этот период был интересный случай, о котором мало кто знает; к Пасхе мы подошли в Сок-Кормалы, остановились и Косьмин (начдив) заявил, что дальше идти не может, началась весна, распутица. В то время корпус принял ген. Войцеховский — штаб корпуса по директивам штаба армии тре-

бовал двигаться дальше. Косьмин продолжал отказываться — через неделю его вызвали в штаб корпуса и он больше не вернулся — командование принял полк. Сахаров, и мы двинулись, вернее, поплыли; знаменитая 27 совдивизия была настолько нами поколочена, что отступала без боя и мы подошли к Ново-Сергиевскому — повернули в сторону ст. Кинель.»

«Дивизия с пополнением имела 12 т. штыков, 48 орудий, великолепный дух, перегруппировалась для наступления на юг и вдруг приказ отступать. Уральцы сдали и нам было приказано выравнивать фронт — помню ночь под Ново-Сергиевском, после перерыва удалось восстановить связь со штабом корпуса, и только хотели передавать ориентировку о положениии у нас, как нас остановили и передали оперативный приказ об отходе и сразу сняли телеграфный аппарат и связь со штабом корпуса была потеряна. Мы рвали и метали, но ничего не могли сделать. Пришлось возвращать части, которые уже начали движение на ст. Кинель, — мы бы вышли в тыл группы красных, которые били уральцев — красные бежали перед нами, наша артиллерия стреляла прямо с открытых позиций. Не вполне уверен, но слышал, что в штабе корпуса этот приказ из штаба Армии об отходе был доложен ген. Войцеховскому после того, как он был передан нам и связь потеряна, ну а дальше мы погубили части переходами по 50-60 верст в сутки. Штаб армии не мог понять, что зимой мы были ездящая пехота, а теперь были на своих на двоих. Дивизия потеряла половину состава отсталыми и мы вернулись к тому, как начали, остались наши добровольцы, которые были с нами до конца.»

Через десять лет, в 1963 году, полк. Ивановский, отвечая на некоторые мои вопросы, еще раз дал описание этих дней.

«Косьмин уехал из дивизии в тыл из Сок-Кормалы 16 апреля 1919 года. После ряда удачных операций на р. Белой, Чишма, Белебей, Раевка — примерно 9 апреля мы вышли на р. Ик. Во время всех операций нам многократно указывалось, что наша конечная задача — выход на рубеж р. Ик. Дивизии приходилось большинство операций вести чуть ли не в тылу противника, без тыла, без снабжения — переброски были настолько часты, и переходы настолько большие, что ничто за нами не поспевало — вернее, это был партизанский отряд крупного масштаба. Постоянные перемены направления и напоминания о выходе на рубеж р. Ик — не раз вызывали у Косьмина выражение, что от Ика нам

уже «икается». Косьмин писал несколько докладных о ненормальном использовании дивизии, о тяжелых условиях работы без тыла и т. д.; в конце концов мы вышли на р. Ик.»

«Как раз в этот период призошла перемена комкоров. Ген. Джунковский уехал и на его место приехал ген. Войцеховский. Немедленно был получен приказ о немедленном продолжении наступления на Ново-Сергиевск. Наступил апрель — ранняя весна — полная распутица, некоторые районы расположения дивизии были отрезаны — сообщение чуть ли не вплавь. До Сок-Кормалы дивизия была ездящая пехота — передвигались на санях обычно двумя колоннами — выработана была особая тактика разворачивания для боя, артиллерия поставлена на полозья. В Сок-Кормалах дивизия перестраивалась на пеший строй. Несколько дней стоянки дали возможность пополнениям догнать нас — каждый день приходили батальоны пополнения, полки были доведены до полного боевого состава, пришлось даже оставить при обозах 2-го разряда. Странное дело, офицеров почему-то прислано было очень мало — были части пополнения под командой старших унтер-офицеров.»

«Такое большое уплотнение полков новым элементом могло быть вредным, но в наших условиях после удачных операций — могло быть легко допущено, что показали первые операции под Ново-Сергиевском.»

«Из Штаба корпуса приходили одно за другим приказания о начале наступления, но Косьмин всячески отписывался. Пришел приказ отправить один полк в распоряжение начдива 8-й Камской, — это, очевидно, было начало собирания кулака на Бугульминском направлении. Отправили 16 Уфимский полк. Между прочим, это была Пасхальная неделя — на всю жизнь мне в памяти остался крестный ход в Пасхальную ночь, — для большей торжественности поставили два орудия, которые во время крестного хода дали несколько холостых залпов. Вы знаете, что по составу дивизия более 50% состояла из татар, так они решили по своему отпраздновать — открылась по всему селу такая пальба, что крестный ход почти кончился ползком; как не было перебито много народу, — не понимаю, пули жужжали повсюду. Итак, Пасху встретили как люди, но всему есть конец — примерно 15 апреля Косьмину было приказано лично явиться в штаб корпуса, и после этого он к нам не вернулся.» Трудно сказать, насколько изменилась бы обстановка, если бы дивизия не задержалась

и двинулась, как было приказано, — фактически противника перед нами не было — пришлось бы иметь дело только с природой. За эту неделю возможно мы успели бы дойти до Ново-Сергиевска, а дальше угрожать ст. Кинель, где, как мы теперь знаем, они собирали кулак.»

«Итак, через пару дней после отъезда ген. Косьмина мы двинулись в направлении Сергиевска. Противника перед нами не было до самого Сергиевского — первая стычка конной разведки 15 Мих. полка была чуть ли не на третий переход; красные пытались удержать мост через реку Соки, но с налету были сбиты конной разведкой. На линии Сергиевска части 27 дивизии после короткой перестрелки с нашим авангардом отошли в сторону Кротовки. Наши части настолько перестали считаться с красными, что батарея авангарда выехала на открытую позицию. По первоначальному плану мы должны были наступать дальше в направлении Кротовка-Кинель, — к нам перебрасывался назад 16 Уфимский полк.»

«В районе Сергиевска простояли сутки (точно не помню), на рассвете двинулись двумя колоннами в направлении Кротовки (около 80 верст) примерно в 6 утра — штаб еще не успел выступить, из штаба корпуса стали передавать срочный оперативный приказ. Это была директива остановить наступление и начать отход, причем переход был назначен в 40 верст. Сразу по получении приказа мы пробовали вызвать к аппарату начальника штаба корпуса, чтобы доложить обстановку, что части уже в движении, что противник отходит без особого сопротивления, но штаб корпуса снял аппарат — связь прекратилась и нам ничего не оставалось делать, как оттягивать части и делать этот переход уже как нормальная пехота — саней больше не было; началось отступление, изматывание.»

«Первоначальный план наступления на Кинель был безусловно рискованный, но результаты могли быть большие, ведь противник бросил свои главные силы против уральских слабых частей.»

Сведения, полученные от полковника Ивановского, нач. штаба 4-й Уфимской дивизии, кстати сказать, прибывшего в дивизию перед началом операции и не расстававшегося с дивизией до конца, весьма ценны. Они ярко описывают обстановку в дивизии и дают возможность сказать, что 1) дивизия, пополнившись в Сок-Кормалы и перестроившись на пешеходный строй,

достигла Сергиевска 26 апреля, нацелившись на Кротовку 28-29 апреля, когда было получено приказание о спешном отходе, и 2) что если бы ген. Косьмин не тормозил отписками выступление дивизии и исполнял приказы точно, выступив без пополнений, был бы у Сергиевска примерно около 18-19 апреля и мог быть у Кротовки или Кинеля около 22-23 апреля. Ген. Косьмин, конечно, был обязан исполнять приказы, но у него, вероятно, были серьезные резоны упорствовать: перед выходом на Ик дивизия маневрировала по театру военных действий, как партизанский отряд без тыла, меняя часто направления и теряя людей. Вероятно, ген. Косьмин не хотел двигаться, не дав дивизии время для приведения в порядок. Движение без отдыха и пополнений ему могло казаться просто-напросто опасным рейдом. Теперь посмотрим, что говорит Эйхе в своей книге по этому вопросу. Он называет ударным кулаком 4-ю Уфимскую дивизию, получившую задачу движения на Кинель.

«Ударному кулаку, насчитывающему всего около 5 тыс. штыков и сабель (без пополнений), удалось овладеть районом г. Сергиевка и к 30 апреля выдвинуться на 25-28 км. к югу и юго-востоку от него; оказавшись благодаря этому примерно в 100-120 км. от ст. Кинель, ударная группа нависла над открытым левым флангом нашей 26 дивизии, сдерживающей с фронта наступление 3-го корпуса. Обнаружив наше слабое место, белое командование бросило сюда еще один стрелковый полк, но время было уже упущено; с нашей стороны на Сергиевском направлении были сосредоточены две бригады 26 дивизии, а уступом в 25-29 км. за ее левым флангом начали выдвижение войска свежей 2-й стр. дивизии.»

«Достигнутый на Сергиевском направлении незначительными (сравнительно со всей боевой численностью 2-го корпуса) силами и в короткий срок успех говорит об упущенной Ханжиным возможности добиться решительного успеха на названном, а, следовательно, и на Самарском направлении. Район ст. Кинель был бы захвачен, и 26 дивизия сброшена на юг с Самаро-Златоуст. ж. д., если бы собранный ген. Войцеховским ударный кулак не начал наступления в Симбирском направлении, а был бы брошен на Кинель-Сергиевское направление сразу, то есть 20-21 апреля, когда прикрывать это направление было еще нечем.»

Предоставляется в настоящее время судить, что бы мог сделать ген. Косьмин, если бы он по приказу устремился для выпол-

нения задачи. Вероятно, мог иметь какой-то успех, может быть действительно захватил бы район ст. Кинель. Но мог ли он рассчитывать, что удержит район наличными силами? Ему в это время могли послать только такие единицы, как курень Шевченко или Сагайдачного.

Во втором случае, если бы пополненная дивизия не получила приказа об отходе, а рискнула вступить в бой с теми силами, о которых говорит Эйхе. 26-я дивизия, возможно, в это время оправилась, а что представляла собой 2-я — неизвестно. При полном погроме могли получиться большие результаты, но опять же встал вопрос, как закрепить положение. Как известно, Волжский корпус — резерв Верховного Главнокомандующего — был еще далеко. Первая высадившаяся Симбирская бригада у Абдулина показала, что надежды на крепкие каппелевские войска были обманчивыми.

Отсюда вывод: все эти гонки не представляли собой продуманных решений; это были гонки на «авось, на «ура».Это было видно и тогда и видно теперь особенно.

Что же вообще творилось в это время у противника? Сейчас известно, что примерно к 6-му апреля командование 5-й армией уже знало состояние своей армии. Так, упоминается, что части 3-й бригады 26 дивизии вышли в район южнее ст. Аксеново и смогли прикрывать Бугуруслановское направление. Известно, что на направлении Стерлитамак-Оренбург части первой армии из района Стерлитамака благополучно отошли в район Шарлык-Романовки перед группой ген. Белова. Известно, что в 5-й армии Блюмберг был заменен Тухачевским и что командующий фронтом Каменев около седьмого апреля наметил план контрудара, который был подвергнут обсуждению на особом совещании в Симбирске 10 апреля. Резервов внутри страны не было и предлагалось произвести перегруппировки на фронте. Предстоящие задачи им были формулированы так: «1) на северном участке разбить группу противника, наступающую в районе западнее Камы и значительно удалившуюся от единственной в своем тылу переправы — Пермского моста; 2) на южном участке разбить ударом с юга на север силы противника, продолжающего теснить 5-ю армию, собрав для этого кулак в районе Бузулука-Сорочинская. В связи с намеченными задачами с Восточного фронта должны быть временно сняты задачи по поддержанию связи с Туркестаном (при условии даже очищения нами г. Актю-

бинска) и задача по продвижению на Гурьев. Такое решение позволит собрать в Южной группе максимум сил для нанесения удара противнику, действующему на Бугурусланском направлении.»

Принимая предложение Каменева, советское высшее командование тут же на совещании образовало из назначенных для операции частей армий одну группу «большого состава», названную Южной. Командующим группой был назначен Фрунзе с Рев. Воен. Советом из Куйбышева (для работы в Самарском районе) и Ф. Ф. Новицкого — спеца, генерала старой русской армии.

Вопрос для Фрунзе и советников заключался главным образом во времени: успеют ли они к окончанию распутицы выполнить всю работу по сосредоточению всех сил, по приведению в порядок полурасстроенной 26 дивизии, по получению и распределению укомплектований, по устройству тыла и проч. Времени у них было около трех недель. По выражению одного советского источника, в это время «Восточный фронт вновь стал главным фронтом, где решалась судьба революции.»

Само собою разумеется, что внутри Советской России было все поднято на ноги для оказания помощи Восточному фронту — «ВСЕ ПРОТИВ КОЛЧАКА.»

Внутреннее положение Советской России было трудное во всех отношениях: продовольственном, промышленном, железнодорожном и политическом. В политическом отношении — поднимались восстания даже в тылу 5-й армии; были восстания по случаю мобилизации. Партийные работники посылались с отрядами для сбора людей для армии. Несмотря на принятые постановления об организации армии строго дисциплинированной, регулярной, централизованной, красноармейцы представляли собой толпу, часто поворачивавшуюся против командного состава. В 5-й армии были лучшие дивизии 27 и 26, но 27-я под Уфой держалась слабо, оправдываясь тем, что против нее было большинство чуть ли не в пять раз; 26 дивизия была много крепче.

Через девять дней после симбирского совещания, во время которого обсуждались детали плана операции, 19 апреля был отдан приказ Фрунзе, можно сказать, предварительный перед наступлением. Приказ этот был отдан на другой день после того, как были захвачены три заблудившихся ординарца 7-й Уральской дивизии и у них отобраны два приказа по названной дивизии. Это дало в руки штабу Южной группы сведения о группировке 3-го

и 6-го корпусов, и тут же ясна стала основная слабость их — растянутость, расположение их отдельными изолированными группами с большими — в 40-45 км. — непрекрытыми промежутками.

Получив благодаря перехваченным приказам ясную картину группировки частей 6-го и 3-го корпусов, командование Южной группы приняло тут же решение: начать контрнаступление, не дожидаясь полного сосредоточения всех сил. Наступление должны начать: 5-я армия правым флангом силами шести стрелковых бригад (3 бригады 26 дивизии, 1 бригада 27 дивизии и 2 бригады 25 дивизии) и ударная группа из района Бузулука силами четырех стрелковых и одной казачьей бригады (бригада 25 дивизии, 31-я Оренбургская дивизия и 3 кав. бригада) (Каширина) с задачей отбросить Бугурусланскую группу противника на север и отрезать ее от сообщений к Белебею. На первую армию (20 и 24 див.) возлагалась задача действовать против 6-го Уральского корпуса и группы ген. Белова. Последняя имела большую неудачу 21-24 апреля в боях на р. Салмыш севернее Оренбурга, что сильно ослабило наш крайний левый фланг. Красным оставалось назначить лишь день начала наступления. Это зависело и от состояния почвы и от ряда других причин. Задача сосредоточения войск была трудной из-за транспорта и из-за получения пополнений. Необходимо было пополнить прежде всего полки, предназначенные для движения. На помощь пришли партийные организации прифронтовой полосы, с которыми Фрунзе и Куйбышев имели тесную связь. Самара, Сызрань и Саратов в течение апреля направили в Южную группу тысячи рабочих, среди которых было много коммунистов. Это позволило пополнить части стойкими красноармейцами до подхода основных пополнений с тыла. Полки получали недостающее оружие, боеприпасы и обмундирование.

После всего этого и после ознакомления с обстановкой Фрунзе 24 апреля отдал новый приказ, которым начало наступления было определено на 28 апреля. Обстановка накануне перехода в контрнаступление характеризовалась тем, что получены были сведения о движении крупных сил белых на Сергиевск. Создавалась угроза захвата противником района станций Кротовка и Кинель, что было для красных более опасно, чем для белых захвата красными района Бугуруслана. Нужно было внести некоторые коррективы в приказ для обеспечения положения.

Приказ южной группы о переходе 28 апреля в наступление попал в руки штаба Западной армии, неизвестно точно, в какой день, но до 28 числа. На это указывал приказ по Западной армии от 28 апреля, в котором было упоминание о нем.

Подтверждались уже бывшие ранее сведения о наступлении противника с ударом в левый фланг главных сил Западной армии кулаком из нескольких крупных и свежих частей красных.

В тот же самый день 28 апреля, когда войска группы Фрунзе уже перешли в наступление, командующий Западной армией, указав вкратце содержание захваченного приказа и игнорируя его, приказал продолжать стремительный натиск на красные войска, возможно глубже охватить левый фланг 26 дивизии и отбросить ее на юг от Самаро-Златоустской дороги. В момент отдачи приказа на фронте 3-го и 6-го Уральских корпусов еще шли бои нерешительного характера, сравнительно далеко от линии жел. дор. Кризис в этом районе наступил через 2-3 дня, когда в 6-м корпусе случился предательский переход к врагу куреня Шевченко на дороге к Абдулину и когда нависла угроза захвата Бугуруслана с юга. Район Бугуруслана прикрывала всего одна 7-я Уральская дивизия.

Штаб Западной армии в этот момент поторопился отдать приказ об отводе 4-й Уфимской дивизии из-под Сергиевска, из опасения, что она будет отрезана.

Бугуруслан был занят частями 3-й бригады 26 дивизии 4-го мая и дальнейшее продвижение правого фланга 5-й армии в этот момент создавало угрозу перехвата Волго-Бугульминской жел. дор. в районе г. Бугульмы.

Ген. Войцеховский приказал 4-й дивизии отойти в район Бугульмы и решил создать здесь сильную группу для противодействия наступающему с юга правому флангу 5-й армии. Против левого фланга 5-й армии в районе Волго-Бугульминской жел. дороги были оставлены им только два полка 8-й Камской дивизии для прикрытия с запада создаваемой ударной группы.

Инициатива на правом фланге не была совершенно еще потеряна. Группа Войцеховского еще была сильна, хотя 4-я дивизия при отходе теряла людей и изматывалась. Кроме того, ожидались еще Волжский корпус и сибирские казаки. Еще оставался оптимизм, что ударный кулак противника не столь грозен (так оно и было), и что его можно побить.

6-й Уральский корпус после истории с куренем Шевченко

медленно приближался к ст. Абдулино с боями. Как раз на ст. Абдулино в штабе получено было известие о сосредоточении корпуса Каппеля в районе Белебея. Все надежды на поворот успешных действий были связаны с его прибытием. Вот придет целый корпус из 3-х стрелковых бригад и одной кавалерийской Уфимской. Красные, кстати, наступали довольно вяло. Очень скоро, однако, нам пришлось испытать разочарования: в силе корпуса, в моральном состоянии, в стойкости. Кроме того, он запаздывал.

После занятия красными Бугуруслана 4-го мая, правый фланг 5-й армии начал наступление на Бугульму, т. к. в этот район отводил свою группу Войцеховский. Войцеховский 9 мая начал контрнаступление, не дождавшись высадки частей Волжского корпуса. Попытка Войцеховского контрударом собранного южнее г. Бугульмы кулака приостановить наступление правого фланга 5-й армии и вырвать инициативу, потерпела неудачу, и 11 мая он должен был отдать приказ об отходе и занятии позиции на восточном берегу р. Ик. Город Бугульма был взят 13 мая красными. Каппель вывел с боевого фронта от Уфы свои части в январе и после многих трений разместил их в районе Челябинска для переформирования в корпус, используя богатые и надежные кадры. Принципиально разрешение дано, а где взять людей, средства, оборудование сверх тех запасов, что были? Первоначально обещали дать людей из внутренних округов Сибири, находившихся в ведении военного министра, но там затянулся призыв и Каппель ничего не получил. Уже потеряв надежду на получение людей из тыла, он поздно начал получать их в район армии. Для укомплектования пришлось прибегнуть к выбору людей среди пленных красноармейцев и вовсе не разбирать, из каких районов Сибири пришли мобилизованные. Наружно, во время переформирования корпуса, все шло хорошо, но внутри было не совсем так: работали агенты большевиков. Каппель надеялся, что его надежные кадры переделают всех шатающихся и даже красноармейцев. Может быть это и было бы так, если бы времени для работы было больше и если бы не пришлось выступать на фронт частями, до окончания работ.

Пунктом сосредоточения был назначен район Белебея. Командование армией, по-видимому, рассчитывало, что успеет перевезти весь корпус в этот район; расчет оказался неправильным. Только одна Симбирская бригада успела сосредоточиться, да и то очень слабого состава; остальным частям приходилось всту-

пать в бой немедленно по разгрузке и потому часть корпуса начала разгружаться в других районах к востоку.

На направлении Бугуруслан-Белебей и Бузулук-Абдулино красные действовали вяло, что дало возможность выгрузиться Симбирской бригаде Волжского корпуса. Бригада временно подчинялась командиру 6-го корпуса, так как штаб Каппеля еще не прибыл. Ставилось условием не вводить ее в бой по частям, а использовать целиком. Ожидалась бригада тысяч в шесть штыков, а в ней было около трех тысяч. Правда, и это было силой, так как в корпусе в это время насчитывалось гораздо меньше в двух «дивизиях — 11-й и 12-й».

Части 6-го корпуса в это время, несмотря на слабость, все же задерживали перед собой противника, главное внимание которого было устремлено на маневр фронтом на север с целью отрезать отход группы Войцеховского.

Чтобы обеспечить успех бригаде, она была сосредоточена полностью в тылу и ей был назначен небольшой фронт для наступления; времени для разведки и ориентировки было дано достаточно.

Сосредоточение бригады закончилось благополучно, она заняла исходное положение и утром 13 мая она должна была наступать. К этому времени на фронт прибыл Каппель и принял командование на Самарском направлении всеми частями, как особой группой. Симбирская бригада поднесла страшный сюрприз, произведший ужасное впечатление на измотанные части уральцев, ожидавшие смены, чтобы отдохнуть и одеться. Прибыла она великолепно одетой, люди выглядели хорошо, приказы выполнялись исправно, — в общем никаких подозрений.

И вдруг начальник штаба бригады днем по телефону встревоженным голосом говорит: «У нас несчастье, один полк целиком перешел к красным, захватив офицеров.» Из наступления бригады ничего не вышло.

Как раз 13 мая после полудня прибыл на ст. Белебей адмирал Колчак, смотревший части Казанской дивизии, высаживающиеся из вагонов.

Казанская дивизия сосредоточивалась в районе Белебея и должна была прикрывать направление севернее ж. д. фронтом на Бугульму. Ее постигла неудача на первых же порах. Полки, еще не успевшие разобраться в обстановке, были сильно потрепаны конницей красных, действовавшей в этом районе особенно на-

хально-энергично. Высадившиеся части корпуса вовлекались в общий отход. Первая неудача с частями Волжского корпуса, а также безрезультатные попытки группы Войцеховского выправить положение в районе Бугульмы, были заключительной частью нашего наступления к Волге.

Уже можно было считать, что инициатива действий перешла в руки красных окончательно, но оставалась надежда, что, может быть, в районе Уфы на р. Белой она будет вырвана из их рук.

Дополним наш рассказ некоторыми сведениями о действиях Сибирской армии, которая была в стороне и вела операцию совершенно изолированно. Во время половодья Сибирская армия оставалась на месте, не двигалась. С началом отступления в Западной армии, Гайда начал беспокоиться за свой левый фланг и просил разрешения перейти к обороне впредь до укрепления положения в Западной армии. Так как такого укрепления не случилось, успехи войск группы Фрунзе скоро отозвались на положении 2-й красной армии. Продвижение красных в направлении Уфы ставило под угрозу левый фланг Сибирской армии и она вынуждена была в 20-х числах мая начать отход от реки Вятки на восток. За ней двинулись войска 2-й красной армии.

К концу мая 2-я армия перешла в наступление по всему фронту на Каму. 26 мая она заняла Елабугу, а затем 2 июня — Сарапул и 7-го июня — Ижевск.

Что касается Глазовского направления, то войска ген. Пепеляева в начале июня перешли в наступление и 3-го июня заняли Глазов. Оборонявшие город части 29-й дивизии принуждены были к отступлению до 40 верст от города. Создалась угроза для Вятки. Спешно требовались и посылались пополнения. Завязались бои без результатов. Примерно через неделю, ввиду угрозы левому флангу частям ген. Пепеляева со стороны 2-й красной армии, началось отступление частей Сибирской армии на всем фронте 3-й красной армии... С отступлением — развал.

Северный вариант наступления с ожиданием помощи англичан отпадал...

IV

ЛЕТО И ОСЕНЬ 1919 г.

От Уфы до Омска. Челябинская операция. Отступление к Омску.

В середине мая вся Западная армия была переорганизована из корпусов в три группы: Волжская — Каппеля, Уфимская — Войцеховского и Уральская — Голицина. В штабе Западного фронта ген. Щепихин — начальник штаба — был заменен ген. Сахаровым.

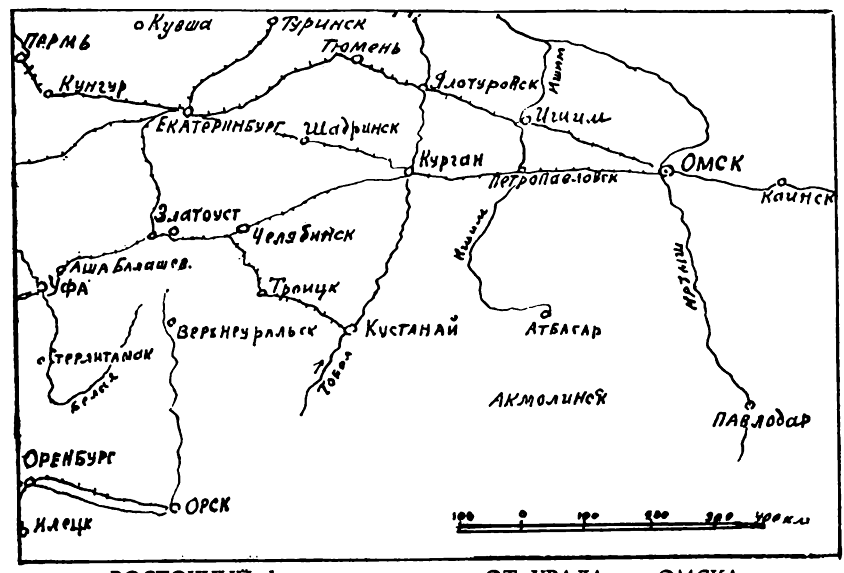
6-й Уральский корпус расформирован с передачей остатков в Уральскую группу Голицина.

После неудачной попытки задержать противника у Белебея силами Волжского корпуса, этот район был оставлен и начата была подготовка обороны г. Уфы на реке Белой. На возможность остановить здесь противника и отбросить его снова на запад, пользуясь водной преградой, строились все расчеты.

Военное положение на советских фронтах в это время, несмотря на успехи на Восточном фронте, было трудным. В мае месяце началось наступление ген. Юденича на Петроград. 25 мая белыми был взят Псков. Также крайне неблагоприятно складывалась обстановка против ген. Деникина, который перешел в наступление в мае на широком фронте.

В Советском высшем командовании, ввиду необходимости посылать войска и в Петроград и на Южный фронт, были колебания относительно развития в это время активности на Восточном фронте, и только в конце мая было решено продолжать наступление на Уфу. В общем плане операций главная роль, как и раньше, отводилась Южной группе Фрунзе — овладеть районом Уфы и Стерлитамака. Войскам Фрунзе должна была оказать содействие 5-я армия, которая для этой цели направляла полторы дивизии для форсирования реки Белой между Уфой и Бирском. Остальные дивизии 5-й армии должны были переправиться через Белую в ее низовье и наступать в тыл Сибирской армии по указанию командарма 2-й армии.

Для проведения операции, продолжавшейся с 25 мая по 17 июня, привлекалась под командованием Фрунзе Туркестанская армия в составе 2, 24, 25 и 35 стр. и 3-й кав. дивизий. Форсирование р. Белой намечалось южнее Уфы.

ВОСТОЧНЫЙ фронт в 1919 году. ОТ УРАЛА до ОМСКА

Сосредоточив свои части и подготовив средства для переправы, нащупав слабые места в нашем расположении, красные начали форсировать реку одновременно во многих местах. В некоторых пунктах им удалось достигнуть успеха 6-го июня и закрепиться на правом берегу, откуда они направили части для захвата города. В районе города, где были более сильные и лучше сохранившиеся части Волжской и Уфимской группы, они были отбиты, и только 9-го июня им удалось захватить самый город благодаря предательскому сообщению красным сведений о времени предполагаемой атаки белыми расположения красных. Южнее Уфы неоднократные попытки советских дивизий переправиться через реку терпели неудачи. Части Волжского корпуса Каппеля при поддержке сильной артиллерии отражали попытки. Только в середине июня красные смогли форсировать реку и 16 июня волжане начали отход.

Успешное наступление советских войск под Уфой благоприятно отразилось на действиях 2-й и 3-й армий. К середине июня части 2-й армии принудили отойти за Каму группу войск ген. Гривина с большими потерями и затем с помощью Волжской флотилии начали форсирование реки. На левом фланге 2-й армии во второй половине июня были заняты города Оханск и Оса.

К этому времени относится получение в Ставке первых сведений о неблагополучии в Сибирской армии генерала Гайды. Начались телеграфные обвинения наштаверха Лебедева, как виновника последних неудач. Сначала телеграммы направлялись на имя адмирала Колчака, а затем, минуя его, на имя Совета Министров. Гайда послал непосредственно телеграмму, в которой обвинял Лебедева в отдаче директив — «преступных» — и требовал ультимативно его смещения, грозя отводом войск, и в конце концов предлагал его самого назначить главнокомандующим. Адмирал выехал лично в Екатеринбург для объяснений с Гайдой, т. к. он не явился по вызову в Омск.

После объяснений, ему было предложено дать свои объяснения уже комиссии из трех генералов: Матковского, Дитерихса и Иностранцева. Комиссия отнеслась к его сумбурным объяснениям доверчиво и он остался на своем посту не надолго. Под влиянием ген. Нокса ему даже временно была подчинена Западная армия в оперативном отношении. Вместо помощи соседке, бывшей в это время в тяжелом положении, Гайда в первом же приказе разразился оскорбительными обвинениями командного состава Западной армии и вызвал этим протесты. Ген. Ханжин просил освободить его от должности. Гайда был скоро уволен и выехал во Владивосток.

С потерей Уфы начался отход частей Западной армии к Уралу и за Урал. Обстановка на всем фронте еще давала возможность высшему командованию надеяться на выход из положения в течение лета. Западная армия отходила с боями, задерживаясь где возможно, а иногда нанося короткие удары противнику. Сибирская армия была все еще далеко впереди — правым флангом у Глазова, а левым на Каме. Южная армия отходила, равняясь на Западную. Против нее не было большого нажима. В армейском тылу было много людей в кадровых частях, к сожалению, было мало одежды для них и мало вооружения.

После оставления Уфы штаб Западной армии перешел на ст. Бердяуш. В двадцатых числах июня части красной армии на Вос-

точном фронте вышли в основном на линию, с которой Западная армия начала наступление в марте. Адмирал Колчак провел в это время ряд организационных мероприятий, а также произвел персональные перемещения. Оренбургская армия Дутова и Южная группа ген. Белова были слиты. Образована Южная отдельная армия Белова (что вызвало недовольство части оренбургских казаков, по отзыву ген. Акулинина). Командующим Западной армией вместо ген. Ханжина был назначен ген. Сахаров, ген. Гайда отстранялся от командования Сибирской армией. Командующим фронтом назначался ген. Дитерихс с непосредственным подчинением ему временно Сибирской армии. Южная армия и Уральская оставались в подчинении Ставки. Кроме того, Ставка ведала всеми внутренними фронтами против партизан, Степной группой в районе Семипалатинска (ген. Бржозовского) и войсками Семиречья ген. Ионова.

Советские сведения говорили о том, что в армии адмирала Колчака в середине июня на фронте и в тылу находилось около 500 тыс. человек; высказывались опасения, что если дать нам время для укрепления, эти силы могут быть снова серьезной угрозой. Боялись давать передышку. Ленин писал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной».

В высших советских военных штабах относительно идеи наступления в это время на Урал возникли разногласия: Главком Вацетис и Троцкий были против. Главком 6 июня отдал даже директиву, которой указывал превратить реки Белую и Каму в оборонительный рубеж, т. е. приостановить наступление на Восточном фронте. После этого предполагалось перебросить отсюда для борьбы с Деникиным наибольшее число войск.

Командующий фронтом Каменев и Реввоенсовет были за немедленное наступление и Каменев возражал Вацетису: «Остановкой мы дадим возможность противнику оправиться, получить поддержку изнутри и извне, передадим в его руки инициативу и через несколько недель, много через месяц, снова почувствуем на себе планомерные сосредоточенные удары там, где он захочет... Эти соображения заставляют меня самым определенным образом докладывать о недопустимости остановки в действиях Востфронта и о полной необходимости развития их до конца».

Главком не посчитался с этим мнением и 12 июня вновь подтвердил указания о приостановке наступления на Урал. Через три

дня последовало распоряжение Реввоенсовета Республики о продолжении наступления. Это было влияние Ленина.

В конце июня советские войска приступили к выполнению задач. Троцкий и Вацетис предприняли вновь попытку остановить части Красной армии на Восточном фронте, теперь уже на линии Уральского хребта. Все это кончилось тем, что Вацетис был принужден уйти, Троцкий отошел от непосредственного участия в делах Восточного фронта, а Каменев был назначен главкомом.

Красным войскам Восточного фронта была поставлена задача в кратчайший срок захватить Урал, не ожидая подкреплений из центра и не рассчитывая на них вообще.

Согласно плану операций по освобождению Урала, армиям были поставлены следующие задачи: Южной группе Фрунзе (4 и 1 армии) — разбить Уральскую армию и Южную ген. Белова. 5-й армии, действовавшей в центре фронта — занять район Златоуста. 2-й армии — наступать на Кунгур и Красноуфимск. 3-й армии — занять район Перми, а затем овладеть Челябинском и Екатеринбургом с примыкающими районами.

5-я армия была усилена частями расформированной Туркестанской армии и состояла из четырех дивизий стрелковых и одной кавалерийской. Эти армии, по советским сведениям, к 1 июля насчитывали 70 тыс. штыков и сабель. Против себя они преувеличенно насчитывали в Сибирской и Западной армии 71,5 тыс. штыков и сабель.

Части 5-й армии для выполнения задачи — овладения районом Златоуста — были разделены Тухачевским на три группы: самая сильная группа — ударная должна была наступать с севера по Бирскому тракту и по реке Юрюзань в район Златоуста. На пути этой группы стояли слабые части Уральской группы Западной армии. Вторая группа — всего одна бригада 26 дивизии и 3 кав. дивизия Каширина. Против этой группы на жел. дор. находился ген. Каппель со своей Волжской группой и 8-я Камская дивизия ген. Пучкова. Третья группа красных — 24 дивизия направлялась южнее жел. дороги на Верхне-Уральск — Троицк против частей группы ген. Белова. По замыслу Тухачевского нужно было захватом Златоуста отрезать белую армию с тыла и, заперев ей выход из гор вдоль ж. д. на восток, — уничтожить.

В резерве белых войск находилась у ст. Сулея 4-я Уфимская дивизия и часть расформированной 12-й Уральской дивизии. Бирский тракт выходил к жел. дор. как раз у ст. Сулея.

Закончив свои перегруппировки, красные 25 июня перешли в наступление. Их ударная группа переправилась через реку Уфу и потеснила малочисленную Уральскую группу, которая начала отступать, отбиваясь и задерживая противника. Две бригады 26 дивизии спустились вдоль реки Юрюзань на юг и 2 июля вступили в бой с 4-й Уфимской дивизией, встретившей противника сев. жел. дор. у дер. Нисибаш. Бои продолжались несколько дней. Замысел красных стал ясен и белое командование 5 июля организовало контрудар. Завязались упорные бои на неделю, причем ключом этих боев оказался Кусинский завод, т. к. через завод лежал путь с севера на Златоуст. Белыми решено было держать завод до 12 июля, когда должны были выйти из гор последние части Волжского корпуса. Кусинский завод пришлось оборонять ижевцам, можно сказать, воскресшим после тяжелых переживаний весной. Ижевцы целую неделю упорно и успешно отстаивали завод, не давая возможности красным пробраться к жел. дор., и оставили его только по приказу, когда волжские части уже вышли из гор. Только 13 июля красные заняли Златоуст. Замысел Тухачевского устроить мешок главным силам Западной армии не удался. Надо сказать, что, по советским источникам, в районе Златоуста на помощь красной армии пришли рабочие многих ближайших заводов.

Одновременно со Златоустовской операцией 5-й армии проходило наступление на Екатеринбург. 1-го июля был взят красными здесь г. Кунгур — важная ж. д. ст. Третья армия вышла в конце июня к Каме в районе г. Пермь. На берегах Камы разгорелись упорные бои. 1-го июля Пермь была потеряна.

Удары, нанесенные красными в районах Перми и Кунгура, вынудили Сибирскую армию к отступлению, местами беспорядочному. Армия при отступлении все больше и больше теряла боеспособность. Начались случаи сдачи частей противнику. У Екатеринбурга небольшая часть Сибирской армии укрепилась перед городом по линии ж. д. от Завода Михайловского до Уткинского и оказала упорное сопротивление. Несколько дней шли упорные бои. Однако, город был обречен: 14 июля он был оставлен. Попытки сибиряков организовать сопротивление южнее и юго-восточнее Екатеринбурга также потерпели неудачу. На направлении на Богдановичи пришлось прикрывать эвакуацию эшелонов самому ген. Дитерихсу.

После преодоления Уральского хребта советское командование, виду сокращения фронта и переброски некоторых частей

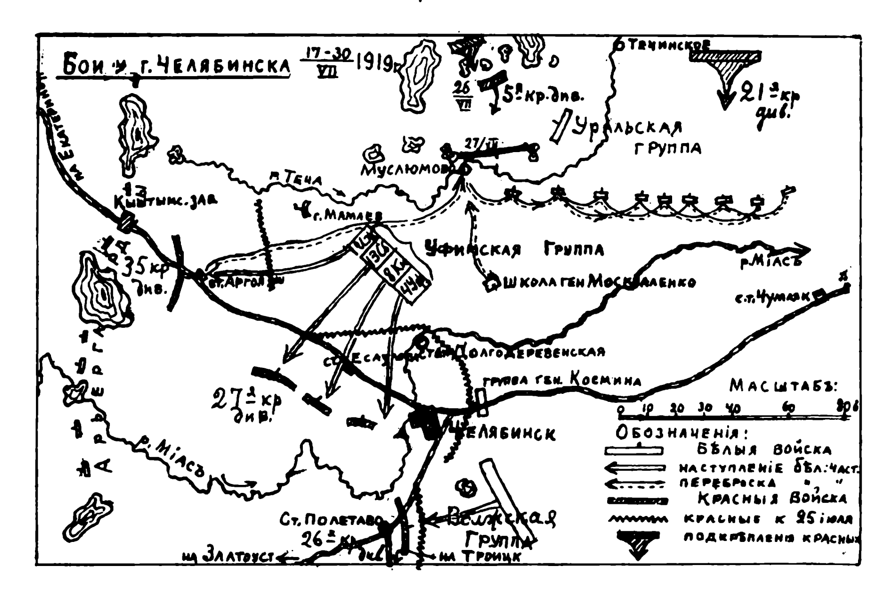
Красной армии на Южный фронт, произвело реорганизацию войск в центре и на левом крыле Восточного фронта. Фрунзе был назначен командующим войсками Восточного фронта. Вторая армия была расформирована. Одна дивизия была направлена на фронт против Деникина, две дивизии переданы соседним армиям. Пятой армии ставилась задача овладеть районами Челябинска и Троицка; третьей армии — занять район Камышлова-Тюмени и выйти уступом вперед по отношению к пятой армии с целью действия при продвижении в дальнейшем вдоль Сибирской ж. д. магистрали.

Наше командование, пользуясь некоторым замедлением в наступлении красных войск, также реорганизовала свои войска, главным образом, из-за развала в Сибирской армии. Разбросанные остатки частей Сибирской армии были сведены в две армии: первую и вторую. Обе эти армии по численности едва составляли половину бывшей Сибирской армии. Командующим первой армией, отступающей на Тюмень, был назначен ген. Пепеляев, командующим 2-й армией, отступавшей в общем направлении на Курган — ген. Лохвицкий. Западная армия, действовавшая на Челябинском направлении, была переименована в 3-ю. Командующим ею оставался ген. Сахаров. Главнокомандующим фронтом назначался ген. Дитерихс, без подчинения Южной армии Белова.

19 июня ген. Дитерихс отдал свою первую директиву. Основная задача — дать полный отдых возможно большему числу бойцов, привести части в порядок, пополнить и подготовить к контрудару всеми силами в сентябре 1919 года. Это было единственно правильное решение при сложившейся обстановке. Правда, времени на выполнение было не так много — всего около шести недель, но в этот срок на фронте можно было сделать много, а в тылу надо было поставить все на ноги, чтобы пополнить фронт, укрепить его. От Челябинска часть войск можно было быстро перебросить к Петропавловску, а удерживать противника арьергардами — задача трудная, но возможная.

Во исполнение директивы первая армия продолжала отступать к назначенному рубежу — к гор. Ишиму. Вторая — направлялась к Кургану через Шадринск, прикрываясь арьергардами. 3-я же армия, вышедшая из Уральских гор, после боев за Златоуст сильно ослабленная значительными потерями, не стала выполнять приказа. Ген. Сахаров решил дать большевикам сражение у Челябинска на свой риск и страх в надежде разгромить главные силы 5-й армии у Челябинска. Генерал Сахаров познакомил со своим

соблазнительным планом наштаверха Лебедева и вместе они уговорили адмирала Колчака дать согласие на операцию, не спрашивая согласия ген. Дитерихса, в это время лично руководившего отступлением от Екатеринбурга частей Сибирской армии. Сахаров и Лебедев обещали, что они прогонят красных за Урал и, кроме того, не будет потеряна связь с армией ген. Белова, которая подчинялась Ставке, т. е. Лебедеву.

Соблазнительный план командования, одобренный адм. Колчаком (наверное, была одобрена и директива ген. Дитерихса), состоял в том, чтобы завлечь в район Челябинска всю 5-ю армию в «мешок», отдав ей город Челябинск, и одновременной атакой с севера и юга окружить и уничтожить ее.

Для сего северо-западнее Челябинска сосредоточивалась ударная группа войск ген. Войцеховского. Эта группа должна была выйти на линию жел. дороги Челябинск-Екатеринбург, перерезать ее и наступать на юг. К югу от Челябинска соредоточивалась группа Каппеля, которая должна была наступать на ж. д. узел Полетаево, перерезать ж. д. Челябинск-Златоуст и затем продвинуться на север для соединения с войсками Войцеховского, чтобы окружить в районе города красных. Восточнее Челябинска по линии ж. д.

располагался отряд ген. Косьмина численностью до 3 тыс. человек, запирающий путь на восток; обеспечение операции с севера было возложено на Уральскую группу, причем ввиду малочисленности ее была послана на усиление 12-я Сибирская дивизия, присланная из Омска к началу операции. План на первый же взгляд грешил недостаточной продуманностью:

1) На обеспечение с севера полагаться было нельзя — Уральская группа была слаба, а боеспособность 12-й Сибирской дивизии под сомнением. Кроме того, надо было считаться с тем, что севернее действует 3-я красная армия, которая может послать дивизии нам в тыл, что и случилось;

2) Уфимская группа сильна, но группа Каппеля была слаба и по составу и по моральному состоянию некоторых частей, напр., Симбирской бригады (случай у Белебея);

3) сборный отряд ген. Косьмина был тоже слаб;

4) наконец, оставляя город, как западню, надо было учитывать, что рабочие не останутся без воздействия со стороны большевиков и не восстанут. Для них непонятно было оставление города без боя.

Сосредоточение войск происходило в то время, когда красные после занятия района Златоуста выходили из горной местности на равнину, направляясь к Челябинску. Арьергарды волжан и уфимцев сдержиавли их натиск, выигрывая время для намеченного сосредоточения. Задача была выполнена — сосредоточение было закончено и 23 июля начались бои на ближних подступах к городу. Утром 24-го июля полки 27 дивизии красных вступили в город.

Настал ожидаемый момент для наступления по плану Сахарова. Был отдан приказ. На рассвете 25 июля части группы Войцеховского ударили в стык между 35-й и 27-й дивизиями и потеснили красных верст на 10-15. Завязались ожесточенные бои. В тот же день должна была начать наступление и группа Каппеля, но встретила упорное сопротивление и продвинуться не могла. Два бронепоезда белых, направленных в сторону ст. Пыталово, ничего не могли сделать и отступили к Троицку. Внесла расстройство в ряды бойцов сдача красным роты из Симбирской бригады. Только 27 июля этой группе удалось потеснить части 26 дивизии, но скоро красные перешли в контрнаступление и принудили каппелевцев к отходу. Поставленной задачи группа выполнить не смогла.

Иначе складывалась обстановка севернее и северо-западнее Челябинска. К 27-му июля группа Войцеховского прорвала фронт,

вышла на линию ж. д. от ст. Есаульской до Аргаяша и устремилась в прорыв на юг. Следующий день — 28-го июля — положение для красных еще более обострилось. Части группы заняли деревню Медияк и стали выходить в тыл советским войскам, оборонявшим город. Для полного окружения главным силам оставалось продвинуться еще 10-15 верст. Одновременно город подвергался атакам с востока отрядом ген. Косьмина. 28 июля белые подошли к северной окраине города. Советские войска с трех сторон опоясали город окопами и упорно отбивали атаки белых. Уже четверо суток днем и ночью шли кровопролитные бои. Наступило 29 июля. Ожидался кризис.

По получении известий о положении под Челябинском Фрунзе немедленно отдал приказ 3-й армии ударить во фланг и тыл Уральской группы белых в общем направлении на Нижне-Петропавловское (севернее Течинского). Эта задача была возложена на 5 и 21 дивизии. Продвижение их на ст. Нижне-Петропавловскую облегчило положение советских войск в районе Челябинска, т. к. угрожало тылу белых войск. Командующему 5-й армией Тухачевскому в критический момент удалось создать ударную группу для отпора частям Войцеховского и 29 июля она перешла в наступление. В результате встречных боев прорыв, образованный между 27 и 35 дивизиями, был ликвидирован. Ген. Войцеховскому ввиду невыполнения задачи волжанами и ввиду неустойчивости Уральской группы в тылу пришлось отказаться от окружения и, наоборот, позаботиться о дальнейшем обеспечении войск для движения на восток. Это удалось. Бои Ижевской группы и юнкеров школы ген. Москаленко не дали возможности 5-й и 21-й дивизиям красных выйти на жел. дор. в тылу Западной армии у ст. Чумляк.

2-го августа третья армия Сахарова начала отход по всему фронту за р. Тобол по приказу ген. Дитерихса.

Челябинская операция! Тогда, во время операции, будучи только зрителем, я считал, что «если вообще можно было рассчитывать на какой-то успех, то шансов на полный разгром с расширением влияния успеха далеко в стороны, не было; слишком незначителен был приготовленный для удара с юга кулак и предположения грешили переоценкой сил своего правого фланга — Уральской группы».

Западная армия выходила из Уральских гор после Златоустовской операции сильно ослабленной. Уральская группа существовала почти только на бумаге, хотя ей ставили обычные для

группы задачи. Уфимская и Волжская группы, хотя выходили и не слабыми, но все же с большими потерями. В составе последней группы — в Симбирской бригаде — обнаружилась во время боя у ст. Пыталова та же червоточина, что и под Белебеем — переход на сторону врага роты, что несомненно отразилось на действиях остальной части и повлияло на психологию командования. Мог ли считать Командующий армией Сахаров, что все его части вполне боеспособны, что «все благополучно?» А можно ли было полагаться на боеспособность 11, 12, 13-й дивизий, присланных из Омска, которые были укомплектованы мобилизованными офицерами и солдатами? Кстати, эти дивизии имели англ. артиллерию и офицеры говорили, что они даже не имели практики стрельбы.

Очевидно, Сахаров и Лебедев не задавали себе вопроса о состоянии своих войск, полагая, что они занют его. Лебедев должен был знать, что новые сибирские дивизии еще сырые, не проверенные, что ожидать от них боевых успехов преждевременно. И две из них почти растаяли в этих боях, особенно 12-я.

Ожидания, обоснованные на легкомысленном оптимизме, не оправдались. В результате громадные потери в только что пополненной Западной армии, развал столь долго ожидаемых из Омска дивизий, срыв плана Главнокомандующего, отход в очень трудных условиях.

Сахаров в своей книге утешает себя: «Эти тяжелые бои — они нам стоили свыше 5000 потерь убитыми, ранеными и пленными, большевики же, по их документам, потеряли больше 11000 человек». Пять тысяч — цифра немалая — их не оказалось на Тоболе в сентябре при наступлении.

Непосредственным результатом Челябинской операции явилось занятие Красной армией 4-го августа г. Троицка — базы армии ген. Белова. Южная армия оказалась оторванной и должна была отступать отдельно на восток.

Неудачный исход боев под Челябинском заставил 3-ю армию начать отступление на восток за Тобол, при этом в очень тяжелых условиях: созданная красными к концу операции у Челябинска угроза в виде группы на севере все время висела над линией ж. д., вдоль которой происходил отход. Приходилось зорко следить, что происходит на севере, и вести бои для обеспечения движения. В связи с разделением наших войск на три армии главное командование Красной армией тоже произвело реорганизацию войск Восточного фронта. Из его состава была выведена Южная группа (1-я

и 4-я армии), которая в августе образовала самостоятельный Туркестанский фронт. В составе Восточного фронта остались 3-я и 5-я армии. Фронту была поставлена задача отвоевать у белых Сибирь. В частности, для 5-й армии Тухачевского ставилась задача: «Главными своими силами теснить противника на своем фронте, стремясь сбросить его к югу от Сибирской магистрали».

3-я советская армия в основном направлялась вдоль линии ж. д. Ялуторовск — Ишим.

В это время все внимание Советской власти и командования было поглощено событиями на их Южном фронте против Деникина, армии которого в середине августа подходили к Конотопу и Камышину. Если весной 1919 г. поднят был клич: «Все на Колчака!», то теперь по всей стране раздавался клич — «Все на борьбу с Деникиным!». Южный фронт стал главным фронтом.

Основной задачей белых войск в Сибири ген. Дитерихс считал в это время оттянуть возможно больше советских дивизий на свой фронт и этим помочь армиям Деникина. По этому поводу красные источники говорят: «В этом направлении белогвардейцы добились своего. Советское командование не могло ни в сентябре, ни в октябре 1919 г. взять ни одной дивизии из 5-й и 3-й армий Восточного фронта для переброски на южный фронт против Деникина. Мало того, выведенные в августе в резерв и предназначенные для отправки на юг 5-я дивизия и одна бригада 21-й дивизии в сентябре были вновь брошены в бой против Колчака, а в октябре на Восточный фронт была направлена сформированная в Приуральском военном округе 54-я стрелковая дивизия».

В середине августа наша 3-я армия, отходя с боями на фронте, все время угрожаемая с севера, перешла Тобол. Пятой красной армии не удалось сбросить нас с Сибирской магистрали к югу или отрезать какую-нибудь часть в пути. Ко времени подхода к Тоболу красные уже ослабили свой нажим и, видимо, отказались от попытки отрезать путь отступления.

Ген. Сахаров пишет в своей книге: «Только переправившись через Тобол, мы получили передышку и вышли от вечной угрозы быть отрезанными от жел. дор. Только перейдя Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевезти их эшелонами за 250 верст в тыл на реку Ишим, в район г. Петропавловска».

Петропавловск был назначен районом сосредоточения войск

для перехода в наступление в первых числах сентября. Времени оставалось мало.

По советским сведениям, они форсировали Тобол 20 августа и, преодолев сопротивление наших частей, устремились на восток. У Спирина находим: «В первые дни наступление развивалось успешно, но уже в начале второй недели сопротивление со стороны противника стало возрастать. Темп продвижения Красной армии замедлился. Несмотря на это, к концу августа полки 5-й армии местами продвинулись до 180 км. от Тобола и находились в 70 км. от реки Ишим. Это заставило колчаковцев напрячь все силы и увеличить сопротивление. 2-го сентября противник нанес ряд контрударов. Продвижение советских войск было приостановлено. Инициатива временно перешла к белогвардейцам. Советские разведчики обнаружили большую группировку белых войск на правом фланге 5-й армии и сосредоточение нескольких дивизий в полосе жел. дор. Стало ясно, что колчаковцы готовились к наступлению».

У нас, в белом лагере, в это время (в последних числах августа) лихорадочно велась подготовка к будущему наступлению, от которой ожидали многого — главное, захвата инициативы надолго. Части армии пополнялись, тренировались, поскольку возможно, приводились в порядок, вооружались, снабжались и т. д. И отдыхали. Южнее 3-й армии должна была собраться Степная группа с казачьим корпусом ген. Иванова-Ринова; на казачьей массе, направленной вовремя, для действий в тылу противника, строились расчеты разгрома. Одно было плохо: возглавление.

Согласно плану нашего главного командования, на 3-ю армию возлагалось нанести главный удар по красным дивизиям. 2-я и 1-я армии имели второстепенные задачи: содействия.

План действий 3-й армии заключался в следующем: Волжская группа и арьергард Уфимской сдерживают напор красных по обе стороны Сибирской жел. дор.; в то же время на обоих наших флангах сосредоточивались ударные группы, которые должны были с двух сторон обрушиться на большевиков. Уральский корпус (две дивизии) перебрасывался скрыто вверх по Ишиму на наш крайний левый фланг, откуда предполагалось вывести его кружным путем в тыл красных и тем закончить их окружение. Там же сосредоточивались и казачьи полки. Идея — обрушиться с двух сторон! А силы не соответствуют! Было мало времени на перегруппировки, а потому все войска оказались в случайно занятых районах, без соответственной группировки.

Первым днем наступления назначено 1-е сентября. На самом деле в центре расположения, где располагалась Волжская группа Каппеля и Ижевская дивизия Молчанова, ожесточенные бои начались несколькими днями раньше. Некоторые населенные пункты переходили из рук в руки по несколько раз в результате штыковых схваток и даже рукопашных боев. Ижевцам приходилось иметь дело с более чем двойными силами противника, имевшего четверное количество пулеметов. Против них действовали части 26-й дивизии красных — Эйхе. До какой степени может дойти ожесточение, показывает следующий рассказ участника, командира 1-го Ижевского полка капитана Михайлова о подробностях боя на рассвете 29-го августа у пос. Дубровного:

«Утром рано с наступлением рассвета, под покровом густого тумана, красные близко подошли к окопам и с криком «ура» бросились в штыки. Окопы занимал 1-й полк. Бойцы выскочили из окопов и приняли удар. Произошел ожесточенный рукопашный бой. Забыли про винтовки. Катались в обнимку на земле, грызли и душили друг друга. Фельдфебель 6-й роты чуть не был заколот штыками двух красных. Изловчившись, он поймал их винтовки и прижал под мышки. Он отличался большой физической силой и красные, как ни старались вырвать свои винтовки, не могли этого сделать. Фельдфебель в свою очередь не мог выпустить винтовок, боясь, что его заколят. Не выпуская винтовок, красные приблизились к нему вплотную и стали его грызть. Покусали щеки, одно ухо было почти отгрызано, другое сильно искусано. Фельдфебель закричал: «на помощь». Подоспели двое наших и красных закололи. Красные были отброшены...»

Эйхе дает такое описание одного из боев: «Штаб 2-й бригады был расположен в д. Богатый. Под утро 4 сентября д. Богатый подверглась внезапной атаке Ижевской бригады белых. Дороги, ведущие к нам в тыл, были перехвачены... Сотрудники штаба во главе с командиром бригады, уже под огнем белых, проскочили по единственной еще свободной дороге в сторону фронта на д. Приютово. Весь обоз штаба бригады со средствами связи, оперативными материалами и всем прочим имуществом остался в руках белых... Разгром ими штабрига 2-й завершился тем, что полки бригады, оставшись без руководства, оказались глубоко охваченными и попали в тяжелое положение. Лишь на другой день они, сильно пострадавши, прорвались в район д. Степная... Это был первый круп-

ный успех белых. Правофланговая 2-я бригада 26-й стр. дивизии уже не представляла серьезной боевой силы».

Советский военный автор Спирин проливает крокодиловы слезы: «Участие значительных групп ижевских рабочих на стороне белогвардейцев было одним из самых печальных эпизодов гражданской войны. Этот факт еще раз подтверждает большую сложность обстановки того времени и говорит, что в некоторые моменты острой классовой борьбы, против социализма могут выступить даже отдельные отсталые слои рабочих, давшие себя обмануть мелкобуржуазными лозунгами.»

Он же, Спирин, про свои войска пишет: «Первые же дни наступления показали, что не только разгромить, но и принудить к отступлению советские дивизии не так легко. Каждый шаг продвижения врага к Тоболу стоил ему больших жертв... Советские войска использовали дефиле, образованные здесь многочисленными озерами. Даже будучи иногда окруженными, полки бились героически с врагом.»

«Бои в Западной Сибири носили ожесточенный характер. Многие населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки.»

Все это так. Однако, первая неделя наступления привела к большим успехам на всем фронте нашей армии.

Красные были отброшены от линии ст. Матасы-станица Становая на 100 верст к западу, потерпев ряд поражений на всех участках фронта. Над ними нависла угроза проиграть операцию и отступить к Уральским горам. С большой поспешностью противник начал усиливать свою 5-ю армию. Сильную свежую группу свежих частей красные сосредоточили на своем правом фланге в районе поселка Екатерининский. Эта группа должна была ударить во фланг и тыл белым частям, теснившим их с юга (Уральская группа и Сибирский казачий корпус). Сюда они спешно перебрасывали 5-ю красную дивизию со ст. Варгаши, а из Троицкого и Звериноголовского районов части 35 дивизии, усиленные Степной бригадой. Сильно пострадавшая 26 дивизия подкреплялась бригадой 21-й дивизии (4 полка). Формировалась 3-хполковая кав. дивизия. Производилась мобилизация в Челябинском районе с призывом 24.000. Позднее из фронтового резерва присылалась 54-я дивизия.

Вновь собранная группа из 5-й и 35-й дивизий получила приказ перейти в контрнаступление 7-го сентября. Влившиеся в 5-ю

армию столь большие подкрепления давали возможность красному командованию остановить наше наступление или, по выражению Тухачевского в его статье об операции: «нанести противнику сильное поражение.» Ни того, ни другого он сделать или достигнуть не мог.

На большое увеличение красных сил наша 3-я армия, не менее уставшая, чем противник, и также понесшая тяжелые потери, не могла ответить сколько-нибудь значительным усилением своих рядов. Убыль в боях пополнялась в очень ограниченном размере, почти одним только возвращением в строй выздоровевших раненых и больных. На прибытие новых частей рассчитывать не приходилось. «Чтобы докончить операцию и опрокинуть красных за Тобол, было введено все, включительно до моего конвоя», — пишет ген. Сахаров... «Верховный Правитель прислал также свой конвой»... Но все это были капли в море; тыл пополнения не давал.» Он должен был вспомнить при этом Челябинскую операцию и 5000 потерянных бойцов, по его вине.

Неблагоприятная обстановка сложилась на обоих флангах армии — там, где ген. Сахаров предполагал нанести противнику решительные удары.

На правом фланге соседняя 2-я армия Лохвицкого не могла сдвинуть противника совершенно, тем более, что Сибирская армия Пепеляева, куда были направлены пополнения и снабжение, была в брожении. К началу наступления — 3-го сентября — вместо наступления она едва не бросила Ишима и не начала отходить к Омску. 2-й армии пришлось смотреть на северо-запад. Позже некоторые части 1-й сибирской армии имели даже успех у Тобольска и Ишима. Уфимская группа, действовавшая сев. Петропавловска, продвинувшись вперед, подставляла свой фланг и тыл под удар красных. Группе было приказано повернуть часть своих сил на север и оказать содействие 2-й армии. После упорных боев части Уфимской группы одержали успех над красными и они начали отступать перед ними, но не перед фронтом 2-й армии. Правый фланг 3-й армии сильно растянулся на север и должен был обеспечивать себя собственными силами.

На южном фланге действия Степного отряда и Сибирского казачьего корпуса совершенно не оправдали расчетов ген. Сахарова. Он пишет: «Масса конницы, сосредоточенная на нашем левом фланге, после успеха в бою под станицей Пресновской, после разгрома 5-й и 35-й советских дивизий, проявила очень боль-

шую пассивность и потеряла много времени, вместо того, чтобы стремительно вынестись к Кургану и разгромить тылы красных, отрезав их силы от переправ на Тоболе... Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую победу в разгром красных.»

«Поэтому-то нам и приходилось в течение более двух недель, шаг за шагом, бить большевиков в целом ряде непрерывных боев, производя постоянные маневры одними и теми же силами... форсированные марши утомляли войска. Бои, упорные и жестокие, т. к. большевики не только оказывали нам сопротивление, но сами пытались переходить в контратаки, — бои с каждым днем уменьшали наши силы.»

Такова была в главных чертах обстановка борьбы в течение двух недель после удачных боев первой недели наступления.

Некоторые сведения об обстановке на нашем левом фланге приводим из книги Л. М. Спирина «Разгром армии Колчака».

«Упорное сопротивление советских войск разрушало планы белогвардейского командования. Попытки противника обойти и окружить дивизии 5-й армии оканчивались неудачей. Не оправдал надежды белогвардейского командования и Сибирский казачий корпус, сосредоточение которого сильно затянулось... С большим трудом основная часть белоказачьего корпуса все же была собрана. 9-го сентября он вышел на фронт 5-й армии в районе станицы Пресновская и открыл боевые действия против направленных в этот район полков 5-й и 35-й дивизий. Благодаря неожиданности, ему удалось в первый день добиться успехов. Четыре советских полка были окружены в районе Пресновской и Лапушино и понесли огромные потери. Во время боя были убиты комиссар бригады и командир одного из полков. Командир 45 полка, будучи окружен со всех сторон, застрелился.» «11 сентября в селении Мартино были окружены два полка 5-й дивизии, но сломить их сопротивление белогвардейцам не удалось... Однако, на этом успехи белоказаков кончились. Казаки не оправдали надежд колчаковского командования.»

«Таким образом, окружение войск 5-й армии не удалось. Колчаковская армия вынуждена была вести тяжелое и малорезультатное фронтальное наступление, постепенно оттесняя советские войска на запад.»

Признание правильное, в особенности, если принять во внимание обстановку к северу от Петропавловска.

Отступление красных войск продолжалось до 1-го октября. По Спирину: «Согласно приказу командования, войска 5-й армии стали переходить Тобол и к 2-му октября сосредоточились на западном берегу реки, имея задачу превратить этот водный рубеж в прочную оборонительную линию. Войска советской 3-й армии продолжали оставаться на восточном берегу Тобола, отражая яростные атаки врага, стремившегося сбросить части Красной Армии в реку. Дивизии 3-й армии удерживали восточный берег реки до нового наступления, показав высокую стойкость.»

Тяжелые сентябрьские бои привели к огромным потерям в рядах обоих противников. Ген. Сахаров дает цифры убитых и раненных за период с 1-го сентября по 15 октября в 988 офицеров и 17770 солдат и казаков. Для 3-й армии это — тяжкие потери — более половины ее состава — обрекали ее на печальное будущее. Эйхе дает цифры потерь в 4-х красных дивизиях (35, 5, 26, 27) в 14719 человек, но у него нет сведений о потерях в 21-й дивизии, а также в 54-й.

По выходе на Тобол наступили спокойные дни до 14 октября. Обе стороны отдыхали и готовились к дальнейшим действиям. Красные усиливались, вливая новые пополнения. В 3-ю армию пополнений не присылали. Отдыхать пришлось в деревнях на правом высоком берегу Тобола, который в это время не представлял из себя серьезной преграды, местами был легко проходим вброд.

Спирин пишет: «5-я и 3-я армии Восточного фронта, закрепившись на Тоболе, немедленно приступили к укреплению своих рядов. На помощь пришли партийные, советские и военные организации Урала, восстановленные повсюду к тому времени. Местные военные комиссариаты направили в дивизии фронта тысячи новых пополнений. Только Челябинская губерния за две недели сентября дала 24 тыс. человек для 5-й армии. 3-я армия к середине октября получила 20 тыс. пополнений. В тылу армий формировались новые полки, бригады и дивизии.»

«К середине октября 1919 г. численный состав войск фронта удвоился. Красноармейцы получили недостающее оружие, обмундирование, снаряжение. Что касается боеприпасов, в частности патронов, с ними дело обстояло плохо.»

Красные перешли в наступление с Тобола 14-го октября. План советского командования сводился в основном к следующему: первой переходила в наступление на главном, Петропав-

ловском направлении 5-я армия. Несколькими днями позже должна была перейти в наступление в общем направлении на Ишим 3-я армия. По замыслу Тухачевского — севернее ж. д. против нашей Уфимской группы, сильно растянутой к северу, должна была наступать 27-я дивизия, стремясь выйти на ж. д. у ст. Варгаши. Южнее ж. д. против Волжской группы и Уральской должны наступать части 54-й дивизии и сильная группа из 26 дивизии и части 21-й дивизии, стремясь выйти на ж. д. у ст. Лебяжье. Еще южнее против стыка Уральской группы и Степной должна наступать 5-я дивизия и кав. дивизия с целью еще большего охвата. Южнее оставлялась 35 дивизия и степная бригада для обеспечения правого фланга. В общем — намерение устроить клещи нашей армии восточнее Кургана в районе жел. дороги.

Сообщая о подробностях своего плана, Тухачевский говорит: «Наши главные силы были сгруппированы на стыке Уральской и Степной групп и направлялись против Уральской группы, насчитывающей 8500 штыков и сабель. Мы направили против нее 16500 штыков и сабель и, кроме того, 4600 человек резерва двигалось в том же направлении. Следовательно, здесь мы имели подавляющее превосходство в силах. Волжская группа противника нами связывалась демонстративными действиями. 27 дивизия главными силами должна была атаковать Уфимскую группу. Соединенными ударами нашей главной группировки и 27 дивизии 5-я армия надеялась нанести главным силам противника решительное поражение в районе жел. дор. Курган-Петропавловск.»

Тухачевский сильно преувеличивал численность наших сил. Совершенно ясно, что в этих боях численное превосходство было на стороне красных. Мы не имели пополнений во время стоянки на Тоболе. Тухачевский только умалчивает, что они имели еще одно преимущество — они имели «особые части», которых мы не могли иметь. Эти «особые части» из чекистов с пулеметами для вразумления дезертиров и нежелающих двигаться вперед.

На рассвете 14 октября на всем фронте 3-й армии вдоль правого берега Тобола в результате наступления красных завязались бои, местами незначительные, местами жаркие и ожесточенные. Красные предупредили нас наступлением. По советским источникам, наиболее упорное сопротивление красные встретили по линии ж. д. и севернее нее. Здесь действовали броневики и сильная артиллерия. По нашим сведениям — наиболее жаркие бои

происходили на нашем левом фланге, где красные наносили основной удар. Район д. Ялымское, где оставался неразрушенным мост через Тобол на участке ижевцев, д. Гледянское и другие пункты несколько дней были местом ожесточенных боев.

К концу третьего дня наступления красных правый фланг их значительно продвинулся вперед. 18 октября к югу от жел. дор. белыми была предпринята попытка контратакой отбросить красных. Попытка потерпела неудачу. Продвижение частей Красной Армии к югу от ж. д. все больше и больше захватывало наши части и они, не желая быть обойденными, начали откатываться. Скоро начали отступать части 2 и 1 армий. В двадцатых числах перешла в наступление советская 3-я армия. Ее правофланговая 30-я дивизия помогла частям пятой армии в действиях против Уфимской группы.

Скоро отход превратился в общий, местами очень поспешный. Тяжелые, неравные бои в течение недели, отсутствие резервов и пополнений, большие потери вынудили Главное Командование на отдачу приказа об отводе войск за реку Ишим, на которой только у Петропавловска было организовано сопротивление. Раньше всех в конце октября к Петропавловску вышла 35-я дивизия красных. Мост через р. Ишим был подожжен. Красным удалось затушить пожар и переправиться, отбросив наши части к городу. К утру следующего дня три советских полка были в городе. Однако часть города оставалась в руках у белых; подтянув войска, белые предприняли отчаянные попытки выбить части Красной армии из города. 30 октября они при поддержке двух бронепоездов несколько раз атаковали советские войска, но каждый раз с большими потерями отступали назад. На другой день бои за город возобновились с новой силой. Несмотря на то, что белые получили новые подкрепления, им не удалось сломить сопротивление советских полков. 1-го ноября при помощи других частей красноармейцы перешли в наступление и полностью захватили город. 4 ноября части 3-й армии вступили в г. Ишим.

Таким образом закончился отход с р. Тобола на р. Ишим в 15-20 переходах. Дальше находился обреченный уже Омск.

Относительно Омска, его эвакуации, обороны, имеется много сведений. Могу прибавить, что еще в августе, когда адмирал Колчак был на фронте, в штабе 2-й армии к северу от Петухово ген. Будберг, сопровождавший его, поднял вопрос об эвакуации Омска, который он, Будберг, считал в утрожаемом положении,

как нач. снабжения. Командующий 2 армией ген. Лохвицкий поддержал Будберга. Адмирал на это только сказал, что он подумает (из воспоминаний ген. Акинтиевского).

«Наступление частей Красной Армии на Восточном фронте в октябре 1919 года имело большое значение. Оно началось в критические для советской страны дни, когда Деникин достиг наибольших успехов и подходил к Туле. Успехи 5-й и 3-й армий в Сибири дали возможность советскому командованию уже в ноябре снять с Восточного фронта часть сил и направить их на юг для окончательного разгрома Деникина» (Спирин).

Еще в Ишиме 27 октября ген. Дитерихс отдал директиву, по которой 1-я армия Пепеляева отводилась в тыл в район Томска, Ново-Николаевска и Красноярска. Эта новость вызвала протесты генералов Сахарова и Лохвицкого. Протесты не помогли: Дитерихс оставался при своем. Войска отправлялись для переформирования и укомплектования заново, ввиду разложения. Они были бесполезны в том состоянии, в котором находились. Указано было при отходе войск, чтобы они были на Иртыше не ранее 1-го ноября. Сведения об отходе на Иртыш породили панику в Омске. Все обрушились на адмирала и он решил под напором со всех сторон обороняться. Он не допускал оставления Омска, поверил Сахарову. Как известно, ничего из этого не вышло. Не только боя за Омск, но даже попытки задержать красных перед Омском не последовало. Фронт проскочил Омск. Оставлена масса больных, раненых, тыловые склады и запасы.

Из личных воспоминаний времени наступления с 4-й Уфимской стр. ген. Корнилова дивизией к Тоболу и от Тобола к Омску.

30 сентября мы вышли на Тобол и расположились в деревнях по высокому берегу. Соседи справа — части 2-й армии — отстали, перед ними красные остались на Восточном берегу Тобола. Это обстоятельство несколько беспокоило нас и заставляло озираться на север, а затем пришлось растягивать свои силы для обеспечения положения. Мы могли бы продолжать движение и дальше, чтобы не давать передышки красным. Но так как наши части были вымотаны и слабы по составу (около 2500 чел. всего) и так как предполагалось пополниться на р. Тобол и вообще подготовиться для дальнейшего наступления, то мы ограничились достигнутыми результатами. Надеялись, что получим действительно пополнения и во всяком случае предупредим красных в переходе в наступление, так как оборона на столь растяну-

том фронте, хотя и при выгодных местных условиях, для нас была гибельной.

Несколько дней наступления с частями дивизии во время выхода на Тобол дали полную возможность видеть картину практиковавшихся приемов наступления, приемов самых примитивных и неустойчивых. Дали возможность познакомиться с командным составом в действии, его подготовкой и личными особенностями. Бои завязывались не так, как мы привыкли видеть в Великую войну и как считали правильным.

Обычно после того, как разведка более или менее определяла расположение противника, наступавшая наша пехота растягивалась на широком фронте в одну цепь, часто без резервов, и занимала исходное положение для атаки. На флангах располагалась конница или конные команды. Артиллерия открывала огонь и тогда цепи вставали и начинали двигаться скорым шагом, конница скакала в обход. Противник открывал на большом растоянии огонь, затем этот огонь делался беспорядочным и он, примерно в 1500 шагах, не выдерживал и начинал отступать. Наши кричали во все горло «ура» и «кавалерия вперед.» Вот и все. Это обычное наступление. Если красные выдерживали и наступающие под огнем ложились, то поднять их было уже трудно. Стоило противнику перейти в контратаку, при поддержке артиллерии, и цепь поворачивала в исходное положение.

Красные наступали большею частью так же и редко можно было видеть более глубокие порядки. Иногда за цепями у них были «особые команды.» При такой неустойчивости порядка попадала иногда в тяжелое положение артиллерия. Наши артиллеристы обеспечивали свое положение тем, что каждая батарея имела пулеметы с пулеметчиками.

По своему командному составу, количеству офицеров дивизия была в наиболее благоприятном положении сравнительно с другими. Однако, как трудно было найти одного подходящего человека для командования «полком» — по числу людей — батальоном! Среди младшего командного состава было много отличных начальников разных команд: связи, разведки, пулеметных. Состояние команд, между прочим, играло большую роль при розыгрыше боя.

Рядовая масса — уфимские добровольцы, как основа в полках, были верными солдатами. Мы не боялись переходов рот к противнику.

Район был богатейший хлебом, молочными продуктами. Население относилось здесь к нам хорошо, кормило хорошо. Беспокоила нас обувь и одежда на зиму. Имели сообщение, что все получим своевременно и... ничего не получили.

В общем, стоянка на Тоболе нам ничего не дала, кроме кратковременного отдыха, а красные получили передышку и пополнения в большом количестве. Примерно через неделю отдыха мы были принуждены для обеспечения своего фланга начать активные действия против красных, задержавшихся на восточном берегу Тобола против 2-й армии. Деревня Дианово несколько раз переходила из рук в руки. Наши легко выбивали красных, но те собирали силы для контратаки и также легко выбивали наших. Перед самым переходом в наступление красные в районе этой деревни настолько усилились, что стали нам угрожать и решено было сосредоточить здесь для атаки более крупные силы. Было уже поздно. Скоро начались бои на всем фронте армии. Красные предупредили нас и перешли в наступление 14 октября.

Дня три бои велись с переменным успехом, но затем мы начали отступать то здесь, то там. Еще через два-три дня ясно обозначилось, что армия начала общий отход. Наше растянутое положение не выдерживало давления красных и мы были принуждены отступать понемногу. Местные условия здесь были благоприятны для обороняющегося, но пассивной обороной участок удерживать было нельзя; для активной же мы были слишком слабы и растянуты. Во время этих боев я воочию убедился, как слабы наши части в обороне даже выгодных местных объектов. Противник еще далеко; открывается бесполезный огонь, а замеченный какой-либо обход приводит к отходу. Требовались громадные усилия командного состава, чтобы удержать людей от преждевременных отходов.

При обороне совершенно зря выпускалось большое количество патронов, никакой дисциплины огня, никакой выдержки. А эти же люди при наступлении бежали вперед под огнем безостановочно и достигали цели.

Там, где во главе частей хорошие командиры, дело идет хорошо, или сносно. Мелкие части действуют на широком фронте, обстановка меняется каждый час, все зависит от командного состава.

Первые дни мы отходили медленно — верст по 6-8 в день; дальше начались отходы на большие расстояния. Приходилось

озираться, куда отходят соседи. При отходе были два-три случая, когда в штабе армии считали дивизию отрезанною или окруженною.

Как раз уже во время этих боев я случайно как-то узнал, что наша армия (Третья) почему то именуется «Московской группой армий». Генерал Сахаров подписывался в телеграммах «Комгруппарм Московской.» Кому пришла эта идея, очевидно, во время еще наступления к Тоболу? Было смешно и грустно. Неужели успех, вылившийся в медленное продвижение армии на Тобол, успех, купленный очень дорогой ценой, мог так вскружить чью-то голову на верхах?

По Спирину: «Это было своего рода «заклинанием» со стороны ген. Дитерихса.» Не верится. Мне вспомнилось при этом весеннее наступление и телеграммы из Омска о захвате переправ на Волге. В Омске в это время не было Дитерихса.

Кроме того, меня поразили высокие награды: командующий армией, командующие группами награждены Верховным Правителем орденами Св. Вел. Георгия Победоносца 3-й степени, а командир казачьего корпуса — орденом 4-й степени!

А за две недели остановки на Тоболе мы не получили ничего для восстановления сил, для продолжения наступления и ожидали жестоких последствий.

Неужели не видно было, что обстановка напоминала положение весной этого же года западнее Уфы, что от успеха до полного провала всего дела один шаг? Разница была в том, что весной был успех действительно большим и что при неудаче могла быть надежда на перемену, а теперь неудача вела к катастрофе. Командуя дивизией, да еще в такое критическое время, естественно, живешь обстановкой у себя, у соседей. То, что творится далеко, узнаешь после. Нам трудно было охватывать обстановку в целом. Во время движения к Тоболу мы слышали об упорных боях на левом фланге армии, о движении в тыл красным Сибирской казачьей группы, об отряде карпаторуссов, о неудаче с ним. Мы слышали об успехах у ижевцев, волжан, о ряде выдающихся подвигов целых частей. И если во время движения вперед мы радостно прислушивались к таким известиям, забывая свои тревоги, и иногда начинали верить в перелом на фронте в нашу пользу, то сейчас, когда начался общий отход, после нескольких дней боев, поняли, что дело у нас обстоит явно неблагополучно.

До громких ли названий, высоких наград, когда на фронте

оставались все те же волжане, уфимцы, камцы, ижевцы, оренбуржцы, уральцы, потерявшие многих из своих соратников, а главное, терявшие веру в пополнения, подкрепления, поддержку, начинавшие остро ненавидеть тыл и видеть в нем сосредоточение всего зла? Что же касается наград, то этот вопрос понимался в армии неодинаково: можно было слышать возражения против наград в гражданскую войну Георгиевскими крестами. У Деникина этих наград не было.

Дивизия отходила севернее ж. д. к реке Ишиму. Наши пополнения, полученные в районе отхода, отстали, чтобы вернуться домой, а потом попасть в Красную армию. Получили сведения, что по пути пополнимся, во всяком случае не далее р. Ишима.

Сначала мы отходили, переходя к обороне некоторых пунктов, а потом, когда получили сведения о присылке пополнений, то оставили на фронте завесу из оренбургских казаков и отошли сразу на Ишим — оторвались, чтобы спокойнее влить пополнения в полки. Действительно, близ Ишима получили до 60 человек унтер-офицеров из Петропавловской школы и около 600 человек солдат из кадровых бригад. Люди хорошо одеты, но не по сезону, т. к. холод уже давал себя чувствовать. Выглядят хорошо; поставили в строй — наши солдаты радостно их приветствовали. Большею частью из Кокчетавского уезда, который славился плохой репутацией.

Увы, это было уже бесполезное пополнение. Может быть люди и стали бы драться с большевиками, попади они к нам на Тоболе, в хорошие осенние дни; а здесь, на Ишиме, они попали, во-первых, в отступление, во-вторых, в начавшиеся уже морозы и принуждены были зябнуть без теплой одежды. Они скоро растаяли, отставая от частей и даже переходя группами к красным. По ним наши старые верные стрелки поняли, что ожидать от Сибири больше нечего, что они одни остаются без смены. Встретили мы на берегу Ишима и инженерную команду, присланную для руководства возведением укреплений. Кто-то еще думал, что постройкой окопов на берегу незначительной, уже замерзающей речки можно помочь делу обороны. Мы предложили прежде всего построить нам землянки для полевых караулов, так как все населенные пункты были на западном берегу реки, а высидеть в окопе на берегу без теплой одежды охранению было невозможно. У нас не было теплой одежды даже для постовых. Не успели устроиться так или иначе на Ишиме, как 31 октября узнали, что

красные заняли Петропавловск. Пришлось посылать казаков, чтобы обезопасить себя с юга. Потянулись дни ежедневных отходов вдоль жел. дор. к Омску.

Красные после занятия Петропавловска начали нажимать все энергичнее, особенно когда выпал снег, подмерзла почва и можно было двигаться даже без дорог.

От Петропавловска до Омска 15-20 переходов; надо было ожидать, что через две недели мы будем под Омском. По опыту знаем, что раз начался отход, не могут помочь приказы: «Прочно занять и упорно оборонять», «Задерживать во что бы то ни стало» и т. д. Решишь воспользоваться благоприятными местными условиями и дать отпор следующим по пятам красным, смотришь — сам попадаешь в историю, из которой с трудом выкручиваешься, так как оказываешься в одиночестве среди противника. На пути к Омску у нас было не менее трех таких историй. И все потому, что соседи — с одной стороны сибирские казаки, а с другой части Волжской группы — осаживали на чересчур большие расстояния, не позаботившись послать сообщение соседу.

Начались холода. Обувь — ботинки с обмотками. При движении — тепло. Остановились на полчаса — уже ноги не терпят холода. Проходили через сибирские казачьи станицы. Вот большая казачья станица Волчья. Отличные дома, как в городе, жителей уже мало — выехали. Морозный ясный день. Местность в сторону противника очень удобная, чтобы задержать его. Решили занять опушку рощи с видом с опушки верст на 5-6. Красные появились в колонне вдали и, выяснив, что не выгодно двигаться к станице прямо по открытой местности под огнем, остановились, видимо, изобретают какой-то маневр. Можно и нам предпринять что-нибудь, но есть уже сведения, что люди, занявшие уже опушку для обороны, в ботинках не выдерживают. Единственно возможный способ действий — маневр тоже. Приходится отказаться, т. к. получили сведения, что соседи на севере — сибирские казаки осадили назад больше, чем надо, оставив, таким образом, свои же станицы. Для нас это было странно и непонятно.

Приближаемся к Омску. Что там? Слухи ползут разные: там формируется какая-то ударная группа и укрепляется плацдарм на западном берегу Иртыша для обороны; другой слух — предполагают двинуть армию на юг, так как Иртыш не замерз еще,

мост один, железнодорожный, паромная переправа невозможна из-за «сала» (плывущего льда). При всем желании верить в благополучный выход из положения, веры нет. Знаем по опыту, как скверно полагаться на всякие укрепленные полосы, плацдармы, обеспеченные переправы. Не верим, что при хаосе в тылу, будет что-нибудь сделано в действительности. Настойчиво добиваемся надежной ориентировки. Узнаем, что Иртыш еще не стал, через мост проходят разные обозы и штаб наводит порядки на мосту, что к постройке укреплений приступлено, но сделали очень мало. Скоро узнаем, что ушел с поста Главнокомандующего войсками генерал Дитерихс из-за разногласий относительно обороны Омска. Адмирал настаивал на обороне, Дитерихс на невозможности обороны и на необходимости немедленной эвакуации. На его место назначался ген. Сахаров Московский, который согласился с адмиралом. Командующим третьей армией назначался ген. Каппель.

Перед самой ст. Куломзино дивизия получила приказ занять участок укрепленной позиции, а затем скоро новое распоряжение отойти в резерв в Куломзино, передав участок позиции Екатеринбургской дивизии.

Отпал страх за переправу: Иртыш 10-11 стал, возможна переправа по льду. Ночью на 14-е ноября узнали, что направление вдоль жел. дор. Омск-Ишим особенно угрожаемо — красные делают ночные налеты. Ночь была холодная. с метелью. Один из наших батальонов, бывший на дороге в будке, подвергся нападению. Трудно было разобрать, кто нападал и какими силами. После бессонной ночи рано утром 14-го я выехал в свой тыл, чтобы осмотреть приготовленные «укрепления» и затем сговориться с начальником Екатеринбургской дивизии о будущей смене. Имея карту с обозначением проектированных укреплений, я с большим трудом, на местности, занесенной снегом, нашел что-то похожее на окопы. На ровном поле вырыто несколько окопов по обе стороны ж. д. Окопы не в рост, а «с колена». Ни земля-

нок, ни приспособленных для обороны построек в общей линии. Перед окопами набросаны круги колючей проволоки, местами колья.

Очевидно, войскам предоставлялось доканчивать работу. Кто-то из спутников заметил: «Посадить бы строителей на часик в эти укрепления в мороз». Не успели мы отдать распоряжения о занятии «позиции», как получили распоряжение выступить из Куломзино, перейти Иртыш по льду около монастыря и остановиться в южном предместье города. Тронулись и через несколько часов получили распоряжение двигаться за Омск, минуя город. В Омск с севера вошли красные войска.

Был уже вечер. В сумерках послышались взрывы. Начались пожары в городе. Сильный мороз, мгла, красное от зарева небо, бесконечная лавина людей и повозок по пути из Омска к востоку. Всякое жилое помещение забито до отказа.

Еще из Куломзино наши полки отрядили команды на станцию Омск, так как узнали, что эвакуация не удалась, а есть погруженные вагоны с одеждой и обувью. Действительно, кое-что получили или добыли.

Ночь под Омском была кошмарной. Сильный мороз. Только к полуночи добрались до деревни, называли Некрасово. Когда мы подъезжали, то думали, что деревня горит, так было много костров на улице. Вся улица была загромождена повозками, усталые лошади лежали и местами с ними люди. Попасть в избу было невозможно, все битком набито. До утра продремали в санях, изредка греясь у костров. Судьба Омска была предрешена *на Тоболе*. Отходя, мы знали, что он не будет удержан. Судьба же всей борьбы между Ишимом и Тоболом в сентябре была определена Челябинской операцией и люди, решившиеся на нее самовольно, несут за нее ответственность. В самом деле: при выполнении приказа ген. Дитерихса не пришлось бы терять людей в бесполезных боях и во время отхода от Златоуста к Кургану. Большую часть людей можно было перебросить по ж. д. до того времени,

когда над дорогой не нависали красные дивизии, и дать людям действительно отдых. Даже Южная армия была бы поставлена в более благоприятное положение и могла бы выйти на Тобол. Теперь же связь с нею окончательно была потеряна.

С отдачей Омска закончился большой период борьбы с Советской властью, второй после нашего весеннего наступления, в который, казалось, еще возможно было добиться перелома в борьбе в нашу пользу. Враг оказался сильнее.

V.

ЗИМА 1919 — 1920 г. г.

От Омска до Красноярска через тайгу. Красноярск и река Кан. От Красноярска до Иркутска и Байкала.

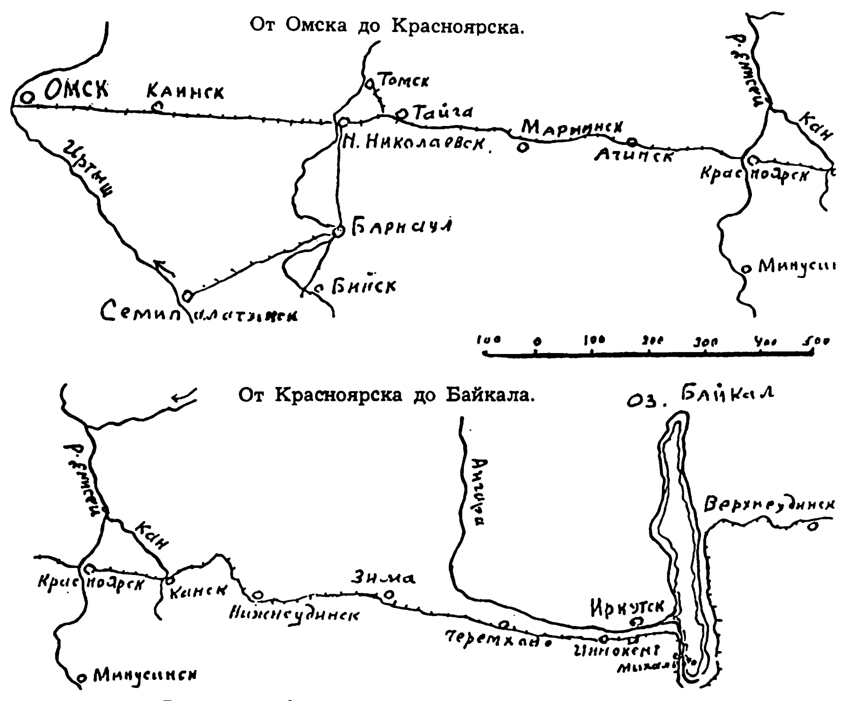
После занятия Омска части Красной армии, продвинувшись несколько на восток, получили кратковременный отдых. В районе Омска соединились войска 3-й и 5-й армий. Преследование наших войск — частей 2-й и 3-й армий было возложено на одну 5-ю армию, в состав которой были включены из 3-й армии — 30-я и 51-я дивизии. Наступление красными возобновлено 20 ноября. К этому времени они насчитывали у себя 31 тыс. штыков и сабель, а у нас считали около 20 тыс. без 1 Сибирской армии. Трудно сказать, насколько эта цифра близка к истине, хотя бы приблизительно.

Основные силы двух наших армий — 2-й и 3-й — отступали сначала вдоль линии железной дороги и по Сибирскому тракту. Наша Уфимская группа шла южнее жел. дор. по так называемой Барабинской степи, причем 8-я Камская дивизия южнее нас значительно. Вся группа сначала входила в 3-ю армию, а с приближением к р. Обь была включена во вторую армию Войцеховского.

Пространство от Иртыша до р. Обь — обширная равнина с перелесками, лесами, богатыми, большими селами сибирских старожилов и бедными — новоселов. Зима прочно сковала поверхность земли. Снег до р. Оби был неглубокий — можно было двигаться по степи без дорог. Впрягли всех лошадей в сани, розвальни. Переходы или, вернее, переезды в 20-25 верст были пустяком.

На ниших десятиверстных картах почти нет деревень там, где на самом деле раскинулись громадные села. На каждом ночлеге мы восполняли карты расспросами, а иногда посылали офицеров вперед по движению для рекогносцировок. Движение наше на восток проходило в тяжелой обстановке наступивших морозов, усиления заболеваний сыпным тифом, недостатка теплой одеж-

ды, продуктов питания и боевых припасов. Отходили без нормальных остановок для отдыха, часто без устройства на ночлег. Красные, подтянув свои тылы, получив пополнения, дали нам первое время оторваться от них, потом начали теснить все более и более. В командование преследующей нас 5-й армии вместо Тухачевского вступил в конце ноября бывший начальник 26-й красной дивизии Эйхе и, видимо, старался отличиться энергией

Восточный фронт осенью и зимой 1919-1920 года

преследования. Часть 26-й дивизии направлялась от Омска на Барнаул для содействия партизанам.

Зима позволила сравнительно легко преодолеть водные препятствия — реки, но никто не предполагал, что зимою будет встречено такое трудно одолимое препятствие, как тайга, и никакой подготовки к ее проходу сделано не было, а сделать, ко-

нечно, имелась возможность. Считали, видимо, что войска будут проходить в нормальных условиях: без натиска противника, без беженских обозов, в порядке и т. д., как можно проехать путь по тайге в 40-45 верст в мирное время.

При отходах-переездах обыкновенно оставляли один полк в арьергарде, а остальные отдыхали в полупереходе. Только там, где собирались задерживать противника, собирались все части. Впрочем, таких случаев было немного, так как наши северные соседи, двигавшиеся вдоль жел. дор., двигались безостановочно. С назначением ген. Сахарова Главнокомандующим фронтом были сведения, что 1-ю Сибирскую армию хотели свести в корпус и подчинить Войцеховскому, но потом отказались. После оставления Омска новое командование, естественно, должно было решать, что делать дальше. Обстановка была сложная и чрезвычайно угнетающая, почти безвыходная.

Армия отходит. Она еще не одета по-зимнему и добывает одежду сама по дороге. Села на сани и, вопреки всяким приказаниям о задержке красных на таких-то и таких-то линиях, уходит на переход в день, стараясь оторваться от красных и от ежедневных стычек с ними. Подорван дух, нет надежды на успех, нет желания жертвовать собой. Есть одно желание уйти от борьбы куда угодно, только не к большевикам.

Нет веры в соседей; всякая требовательность командного состава, всякая настойчивость быть стойкими считается непониманием обстановки. И действительно, не раз попадали в тяжелые положения, когда решали дать сдачи красным. Красные отставали от нас, но приходилось выпутываться из-за соседей. Наконец, наши санитарные средства все слабели и слабели — нам трудно стало сколько-нибудь сносно лечить и даже перевозить своих раненых. А это отзывалось на исполнении боевых распоряжений. Раз нельзя обеспечить эвакуации раненых, — как требовать стойкости в боях?

Единственно отрадное в наших частях — держатся друг друга, а за командным составом даже наблюдают, не отстал ли кто-нибудь.

Это стремление уйти подальше в тыл, не проявляя желания дать отпор противнику, было, кажется, общим во всех частях армии, и нужно было много усилий, чтобы регулировать движение, не подводя соседей и сохраняя силы людей.

Боевой состав частей небольшой; много людей и повозок в

обозах; там есть и семьи, которые уже не стремятся в эшелоны, а, наоборот, из них уходят, не веря в продвижение их. Попытки уменьшить обозы на марше дают мало — нужна для этого большая остановка. Да, впрочем, сопротивление красным в этот период не зависит от числа штыков и сабель — все дело в духе.

На железной дороге почти сплошная лента эшелонов с запасами, беженцами, больными, ранеными, учреждениями. Движение потеряло всякий порядок. Эшелоны чешские, польские, т. н. союзных миссий во главе, не считались с распоряжениями русских властей. Среди омских эшелонов поезда Верховного Правителя, штаба Главнокомандующего ген. Сахарова.

В тылу налицо признаки обычных при катастрофах брожений: обвинения, планы спасения, наконец, явные действия враждебных сил — эсеров и бошевиков.

На пути в глубоком тылу внутренние фронты Тасеево, Тайшет. В ближайшем — партизанами наполнены районы оз. Чаны, Барнаула, Бийска, Камня. Нашей дивизии, можно сказать, везло: мы не встречались с партизанами, а 8-я Камская сталкивалась, и не без потерь.

Население молчит, не показывая симпатий, но местами уже готовы комитеты. Правда, мы добивались сбора продовольствия, мяса, фуража, но нельзя сказать, чтобы это делалось охотно. Во всяком случае, сочувствия не было видно. Мы видели его иногда позже, за Красноярском, хотя там населению наш проход обходился гораздо дороже.

При этой обстановке, когда мы приближались к реке Обь, новый Главнокомандующий решил сосредоточить армию в районе Томска, Ново-Николаевска, Бердского с целью перехода из этого района в наступление. Первая армия должна была сосредоточиться в районе Томска, Вторая армия — в районе Ново-Николаевска и Третья — в районе Бердского (70 верст к югу от Ново-Николаевска).

Решение, за малыми исключениями, осталось на бумаге. Обстановка ген. Сахаровым толковалась оптимистически, вопреки всем очевидностям. Он не понимал морального состояния частей, неправильно учитывал время для такого сосредоточения, полагал, что части могут двигаться под натиском противника, гораздо медленнее, что вообще можно дирижировать движением. Армия же катилась назад и строжайшие приказы с предъявлением суровых требований были не более, как свирепые размахива-

ния картонным мечом. Дневные отходы не сокращались и ровно через месяц после Омска — 14 декабря — красные были в Ново-Николаевске, который отстоит от Омска приблизительно на 600 верст. Сахаров в это время был уже заменен Каппелем.

С приближением к Оби характер местности переменился: она стала больше пересеченной и закрытой. Снегу гораздо больше и вне дорог двигаться стало трудно. Стараемся добросовестно выполнять приказы и раза два попадаем в неприятное положение. Движение вдоль жел. дор. соседей принимает чересчур поспешный характер — наш фланг часто под ударом с севера. Нас выводят в резерв группы первый раз. Обрадованы, собираемся отдохнуть рядом с расположением штаба группы. Но красные, благодаря спешному отходу в районе ж. д., получили возможность поохотиться на наш тыл. В дер. Поваренково было устроено нападение на штаб группы и групповой резерв. Мы избежали крупных неприятностей только благодаря сугубой бдительности.

14 декабря, когда был занят красными Ново-Николаевск, вечером, при перемене места для ночлега, неожиданно встретились среди улицы с красными конными передовыми частями. Все кончилось перестрелкой, а штабу пришлось искать новое место для ночлега.

Отход продолжался. Мы приближались к тайге, стараясь разузнать, где можно пройти на Мариинск. Двигаться и найти место для ночлега все труднее и труднее. До тайги все дивизионные обозы и учреждения шли еще в сравнительном порядке. Перед тайгой все начинает расстраиваться. Артиллерия с большим трудом, но все еще тащится; скоро артиллеристам пришлось похоронить свои пушки в снегах тайги.

Переходим р. Томь у Усть-Искитимского и углубляемся в тайгу, направляясь на Мариинск — до него около четырех переходов по страшной глуши. Счастье еще, что переселенческое управление последние годы проложило несколько дорог-просек и кое-где по дороге появились оазисы жилья — группы из 3-5 домов новоселов. Начинала все сильнее и сильнее давать чувствовать себя сибирская зима.

Два-три дня движения по тайге были чрезвычайно тяжелыми. Еще далеко до рассвета начинается вытягивание из набитого до отказа поселка. Крики, ругань, много всяких недоразумений. Наконец, лента вытягивается. Дорога — не свернешь ни вправо, ни влево. Даже разъехаться или объехать других трудно. Слу-

чился какой-нибудь пустяк с одной подводой, — всё стоит. 18-20 верст проходим почти в сутки — поздно ночью добираемся до нового поселка. Хлеба нет и не достать — пекут на сковородке лепешки из тут же приготовленного теста. Сколько было радости, когда тайга стала реже и появились первые признаки, что проход пройдем благополучно. Сравнительно благополучно, так как пришлось бросить часть обоза, похоронить пушки, и не было нападений. Другая наша колона, двигавшаяся ближе к железной дороге, была застигнута на ночлеге и сильно пострадала. Опять можно сказать, что дивизии повезло. Южнее нас части, двигавшиеся по более населенным дорогам — 8-я Камская дивизия, части 3-й армии, по численности гораздо крупнее, — понесли огромные потери и перенесли гораздо больше. Об этих переходах подробно написано ген. Пучковым в его большой работе — «8-я Камская стр. дивизия в Ледяном Сибирском походе» и полк. Ефимовым в статьях «Ижевцы и воткинцы», напечатанных в ВРВВВ №№ 222, 223 и 225.

В двадцатых числах декабря 4-я Уфимская дивизия выбралась к г. Мариинску, где стоял штаб 2-й армии ген. Войцеховского.

Куча ошеломляющих новостей, увы, зловещих. Прежде всего, что 7 декабря в Ново-Николаевске он сам был арестован начальником гарнизона полковником Ивакиным и спасся от расправы только благодаря польскому эшелону. События в 1-й армии не ограничились этим выступлением против него. На станции Тайга 9-го декабря братьями Пепеляевыми — председателем совета министров и генералом, при помощи частей 1-й Сибирской армии был арестован Главнокомандующий генерал Сахаров, будто бы враждебно относившийся к армии и собиравшийся переформировать ее в корпус с подчинением Войцеховскому. От этого шага недалеко было до покушения на самого Верховного Правителя. Очень скоро генерал Пепеляев на себе испытал развал своей армии. Вместо ожидаемого закрытия дороги для красных в тайге и у Томска, части первой армии сдали Томск и чуть не арестовали самого ген. Пепеляева. Надежда на 1-ю армию, выведенную в тыл еще в первых числах ноября, чтобы переорганизоваться и остановить наступление красных в районе тайги, совершенно разлетелась. Подготовлялось и еще одно предательство в это время: в Красноярске.

Вместо ген. Сахарова главнокомандующим назначен ген.

Каппель; Войцеховский категорически отказался, Каппель был вынужден согласиться. Командующим третьей армией назначен я. Приказ отдан 14 еще декабря в день, когда я со штабом чуть не попал к красным недалеко от Бердского.

О третьей армии сведений у ген. Войцеховского не было, где она. На самом деле остатки ее в это время проходили тайгу с большими потерями. Ген. Каппель со штабом в Ачинске.

Известия о новом назначении показались какой-то иронией. С остатками 3-й армии связи нет. А затем какие там новые командующие армиями, когда нужен один, направляющий движение колонны или колонн к определенному пункту. Ведь от прежней организации ничего не остается. Боевые действия сейчас — только для устранения препятствий с пути. Нужен один энергичный начальник для упорядочения движения и несколько колонных начальников. Кроме всего этого, я в это время считал, что не смогу помочь делу. Я высказал генералу Войцеховскому все это и затем в Ачинске генералу Каппелю. Он не настаивал на вступлении в командование, тем более, что связи с частями армии не было и не знали, где они.

В последних числах декабря я был в Ачинске у ген. Каппеля. За несколько дней до встречи, там, на станции Ачинск, произошел взрыв и эшелон Главнокомандующего носил еще следы разрушений. Показывали места человеческих жертв. Генерал Каппель был озабочен отсутствием сведений о 3-й армии и Красноярским предательством. Генерал Зиневич из Красноярска все еще продолжал наивные разговоры о мире с подчинением новой власти — земской, созывом «Земского Собора» и проч.

При последнем разговоре по телеграфу я присутствовал. Из Красноярска предлагали Каппелю приехать лично для переговоров. В конце концов ответ дал присутствующий случайно Войцеховский, вроде: «Довольно разговоров, ген. Каппель к вам не поедет, а препятствия для наших эшелонов будут устранены.» Как ответ на приглашение, 31 декабря ген. Каппель отдал приказ об ускорении движения армии к Красноярску и далее на восток, причем в отношении к гарнизону гор. Красноярска приказал применить силу оружия, если бы он стал препятствовать движению и мешать движению поездов.

Во исполнение этого приказа ген. Войцеховский отдал приказ, организовав движение войск двумя колоннами от Ачинска, с расчетом 4-го числа подойти к Красноярску.

К вечеру 4-го января правая колонна прибыла в дер. Минино близ Красноярска, а левая в дер. Заледеево на Сибирском тракте.

Скоро стало известно, что в Красноярске власть в руках большевиков и Зиневич будто бы арестован. Перед нами был все тот же знакомый противник, звавший к капитуляции. О противнике в тылу как-то позабыли, хотя красные торопились и наседали на наши хвосты. Внимание сейчас было у Красноярска — что там? Один ли гарнизон, или со Щетинкиным и Кравченко? Словом, после Ачинска наше движение приобрело другой характер — превратилось в наступление с противником, наседающим с тыла. Иначе говоря, оказались между двух огней.

5-го решено захватить Красноярск; я получил задачу объединить действия частей назначенных для захвата города с запада: 4-й Уфимской дивизии и 2-й Уфимской кав. дивизии. Севернее нас с Сибирского тракта от дер. Заледеева должна оказать содействие колонна ген. Вержбицкого.

Вечером начали собирать сведения о Красноярске, станции и проч., а также о подступах в сторону станции. Сведения разноречивые, однако кое-какое представление составилось, чтобы направить боевые части. Получены сведения о прибытии в город щетинкинских частей. Стали подсчитывать силы «дивизий»: в стрелковой для наступления не больше 2-х батальонов слабого состава, да такой же батальон ижевских пополнений. В кавалерийской до 400 всадников, которых можно спешить. Артиллерии нет совсем. Настроение бодрое, вперед пойдут, но трудно рассчитывать на закрепление взятого, могут проскочить не закрепляясь. Распоряжения отданы, послано сообщение в колонну Вержбицкого, ответа не получено.

5 января на рассвете атакующие части заняли исходное положение вблизи разъезда Бугач в 3-4 верстах от Красноярска. Подводы оставлены в тылу.

Морозное январьское утро. В 9 часов еще туманная мгла — сначала трудно даже разобраться в местных предметах. Надо торопиться, т. к. день чрезвычайно короток. Около разъезда собирается масса разных подвод — своих, чужих, каких-то неведомых обозов. Тратится много времени, чтобы избавиться хоть частью от помех. От передовой конной части получены какие-то неопределенные сведения. Торопим развертывание частей. Вдоль ж. д.

вправо уфимские стрелки и ижевцы, влево — Уфимская кавалерийская.

Завязалась перестрелка. Наши продвигаются по глубокому снегу. От города начинает бухать пушка и разрывы ложатся у кавалеристов. До разъезда начинают долетать пули. Из цепей прибыли первые раненные на перевязочный пункт у разъезда. Наши продолжали продвигаться не особенно быстро и уверенно. Вдруг из города по ж. д. появился броневик с каким-то флагом, будто-бы польский. Цепи, действующие вдоль ж. д., подались назад, а затем и на правом фланге. Начался отход к саням. Останавливать, начинать все снова, и поздно и бесполезно, так как люди на снегу мерзнут, нет уверенности в успехе.

Большой ошибкой было утреннее промедление. Надо было развернуть все, что возможно, сразу на исходной позиции и двигаться без задержки. С жертвами захват был возможен, но удержание было под вопросом при том хаосе который был вокруг.

Вечером 5-го января стоял вопрос, что делать дальше. Очевидно, что наши эшелоны через Красноярск не пройдут. Сведения о щетинкинских отрядах подтвердились. Получили сведения, что колонна ген. Вержбицкого простояла весь день 5-го в д. Заледеево, а затем к вечеру прошла к северу Красноярска, не задаваясь помощью нам, а лишь открывая себе дорогу на восток. Большевистская колонна, следовавшая по Сибирскому тракту за колонной Вержбицкого, возможно, закроет нам путь в обход Красноярска с севера.

В наше расположение подходит 8-я Камская, но еще не подошла. От начальника дивизии получено сообщение, что утром может принять участие в бою не вся двизия. Ночью в дер. Минино вливается новый поток обозов и разных мелких частей.

В штабе дивизии собралось много старших офицеров из эшелонов. Прибыл ген. Каппель. Не было только Войцеховского, который должен отдать приказ на завтра. Каппель после обсуждения положения — за возобновление атаки.

Все расходятся. Получаю сведения, что красные подошли по Сибирскому тракту верст на 10 от дер. Дрокино, через которую идет дорога в обход Красноярска с севера. 8-я Камская дивизия не уверена, удастся ли ей занять эту деревню утром. Около полуночи написал подробное донесение Войцеховскому и не успел послать его, как он прибыл сам. Прочтя донесение, сразу же решил рано утром двинуть все части в обход Красноярска с севера, вы-

двинув в Дрокино 8-ю Камскую дивизию для обеспечения прохода.

6 января рано утром обычное выступление с задержками. Подъехали к Дрокино. Путь проложен по руслу речки между задворками длинной деревни и высотами по берегу речки. Миновали почти половину деревни, как завязалась перестрелка где-то близко. Бой на северной окраине деревни вела 8-я Камская дивизия. Цепи красных отчетливо были видны западнее деревни, видимо, стремясь обойти левый фланг камцев. 4-я Уфимская дивизия развернулась и начала наступать против обходящих. Завязалась перестрелка.

Красноярск рано утром 6-го января, видимо, ждал повторения атаки и молчал. К разъезду Бугач подходили ночью разведчики. Нам не было известно, что севернее Красноярска имеется военный городок, через который можно было пройти, но 2-я Уфимская кав. дивизия, не ввязываясь в бой, свернула у Дрокино с дороги и пошла через высоты с проводником, видимо, мимо военного городка к Енисею. За нею свернули и некоторые части. Как только начался бой, часть обозов повернула на Красноярск.

Бой этот не имел решительного характера. Красным не удалось захватить нас. Удалось пройти тем, кто не хотел сдаваться. Пострадала несколько 8-я Камская дивизия и отчасти 4-я Уфимская.

Поздно вечером мы пришли в какую-то деревню верстах в пяти от Енисея. Лошади еле-еле вытащили. К счастью, огонь красных во время прохода со стороны Красноярска был случайный и малодейственный.

7-го января (день Р. X.) утром мы были в селе Чистоостровном на Енисее. После прохода севернее Красноярска колонны ген. Вержбицкого красные выслали на север сторожевые отряды и стерегут дорогу из Есаульского. Решено двинуть колонну вниз по Енисею с тем, чтобы выйти затем на ж. д. по реке Кан. Если же пройти по Кану окажется невозможным, то пройти на север вплоть до Ангары и двигаться по ней на восток.

Решение продиктовано безусловно впечатлениями вчерашнего дня на массу людей. Только после стало ясно, что мы могли избежать движения по Кану, одного из самых трудных за весь т. н. Ледяной поход. Мы могли перейти Енисей у Есаульского, направляясь примерно к ст. Клюквенная. Там перешла реку небольшая колонна во главе с ген. Сахаровым и Лебедевым из частей

1-й кав. дивизии ген. Миловича, отряда Глудкина и военного училища п-ка Ярцева.

Для оценки советской «правды» в изложении событий привожу маленький отрывок из повествования автора книги «Разгром армии Колчака» Л. М. Спирина о красноярских боях: «5 января передовые полки колчаковской армии повели наступление на город, но были отбиты. Их неоднократные попытки сломить сопротивление и расчистить дорогу для дальнейшего отступления основных сил белогвардейцев, подходивших к Красноярску, потерпели неудачу. В районе Красноярска части Красной Армии настигли остатки 2-й и 3-й армии колчаковцев. На помощь советским войскам подошли отряды партизан из армии Щетинкина. Произошла последняя схватка с регулярными войсками Колчака. Белогвардейцы были окружены почти со всех сторон. Они оказывали яростное сопротивление и местами переходили в контратаки. Бои длились несколько суток. Колчаковцы метались из стороны в сторону, желая прорваться на восток. Силы их слабели с каждым часом. Все большее число полков врага сдавалось в плен. К вечеру 6 января 1920 года бои закончились. Колчаковская армия прекратила свое существование». «В ночь с 6-го на 7-ое января части 30 дивизии вступили в Красноярск. В районе Красноярска советские войска взяли в плен около 60 тыс. человек».

Приходится заглядывать в книгу Спирина только потому, что он дает верно некоторые даты, номера своих частей, названия населенных пунктов. А относительно повествований — вылавливать кусочки «правды» из многословной большевистской лжи.

От Красноярска до Иркутска

Колонна из частей 2-й и 3-й армии во главе с ген. Каппелем и Войцеховским из села Чистоостровного направилась вниз по Енисею к устью Кана.

Собираются сведения о р. Кан; определенного мало. Достали где-то описание реки штабом военного округа. В нем есть сведения, что-то вроде «по разведкам офицеров Ген. штаба р. Кан — от устья до г. Канска 105 верст; на протяжении 90 верст от дер. Подпорожной нет жилищ, кроме нескольких охотничьих сторожек. Три порога, река замерзает в конце декабря». Не удается узнать, что представляют пороги; знают только ближайший к устью, ко-

торый надо обходить, чтобы спуститься на лед, так как он во всю ширину реки.

Решено идти по Кану. Впереди должны идти уфимцы, потом камцы. От нашей колонны отделяются секретно 11-й Оренбургский каз. полк и 3-й Барнаульский стр. полк — не верят в возможность пройти по Кану благополучно. Колонна эта проделала самостоятельно за зиму легендарный поход в 3000 верст приблизительно от Енисея по Ангаре до устья Илима, далее по Илиму к реке Лене до Верхоленска и далее по ней до р. Чанчер, рекой Чанчер до перевала через Байкальский хребет у мыса Онгурск, Баргузин, Чита. 14 марта колонна пришла в Читу. Поход этот подробно описан полковником А. И. Комбалиным, командиром барнаульцев, и напечатан в Вестнике РВВВ №№ 152-167, статья: «3-й Барнаульский Сибирский стр. полк в Сибирском Ледяном походе».

Колонна в нескольких местах имела боевые столкновения с партизанами, не избежала тех бедствий, которые были у нас — тифозных заболеваний. К приходу в Читу это был скорее транспорт с больными, чем войсковая колонна.

«Река Кан» ничего не говорит тем, кто не шел по ней в первых эшелонах; она хорошо памятна уфимцам, камцам, тем, кому пришлось идти в голове. В деревне Подпорожной, откуда начиналось движение, мы опасались, чтобы красные не преградили где-нибудь дороги. Опасность была в другом.

8-го января 1920 года Уфимская дивизия, после отдыха в Подпорожной, начала движение по Кану. Нужно было по лесной дороге-просеке обойти первый порог. Уже в сумерках спустились на лед. Широкая замерзшая река в обрывистых берегах. По берегу могучий лес, которого мы еще никогда не видали: гиганты ели, лиственницы невиданной толщины, уходят верхушками вверх — в небо. Тайга непролазная. По такому гористому ущелью течет река — это широкий коридор, по которому можно идти только на восток, не имея возможности свернуть ни вправо, ни влево. Две-три версты двигаемся благополучно; трудно только прокладывающим дорогу уфимцам. Но дальше... остановка и тревожные сведения — вода сверху льда под снегом. Что это? Лед ли опустился под тяжестью движения, ключи, или река не замерзла как следует, — неизвестно и трудно уяснить, так как кругом уже ночь, морозная мгла; окружающее приняло фантастические очертания. Пешком по такой воде двигаться нельзя, хотя бы лед и выдержал. Уже у

многих промочена обувь. Послали вперед конных разведчиков, а пока ждали.

Несколько минут ожидания кажутся вечностью. На берегу, в охотничьей сторожке раскладывается костер — туда приехал генерал Каппель, несколько на наш взгляд легко одетый. Чуть ли не собирается послать приказание Войцеховскому повернуть колонну назад, но надежда, что вода на льду случайная, ключевая, поверхностная, останавливает. Приходят сведения, что двигаться можно, вода поверхностная, нужно только больше растягиваться. Движение возобновляется, но тревога за благополучный исход не оставляет. Что скажут еще пороги, которых чуть ли не три.

Ночь переходит в короткий морозный день почти незаметно. Мороз, к какому мы не привыкли, пронизывает сквозь кучу одеяний, сколько носов уже обмороженных. Целый короткий день двигаемся то по сухому льду, то с водой поверх с остановками.

На остановках кормят лошадей, разводят костры по сторонам, размораживают краюхи хлеба, чтобы подкрепиться. Незаметно спускается снова вторая ночь. Проводники обещают, что скоро какой-то хутор или хата, но ничего не видно. Подсчитываем, что в движении с остановками уже больше суток, прошли около 50 верст, значит еще далеко.

На каждой остановке начинаются трагедии. Сани во время движения по мокрым местам загребают мокрый снег и тут же обмерзают, становятся чересчур тяжелыми. Надо обрубать лед. Если же пришлось остановиться на мокром месте, то сани просто примерзают так, что лошади не могут сдвинуть их с места. Уже много окончательно выбившихся из сил лошадей, ели стоят, или ложатся, чтобы больше не вставать. В воздухе крики, брань, понукание.

Примерзли сани и у меня. Впрягли верховых лошадей — ничего не выходит. Приходится бросать сани, садиться верхом. Проводники говорят, что до хутора не более 4-х верст. Обещаем кучеру прислать выручку к рассвету, двигаемся верхом. У спутников слуховая галлюцинация: слышат лай собак и разговоры. Я твердо помню, что по переселенческой карте деревня Усть-Барга на левом берегу реки, а до нее должен быть хутор. Двигаемся не 4 версты, а целых 10 — ничего. Валенки, промоченные около саней, замерзают, ноги начинают чувствовать мороз. Приходится временно слезать с лошади и бежать, чтобы согреть ноги. И вдруг, в одном месте слышим стоны в санях. Узнаем, что обморозил ноги и

страшно продрог генерал Каппель. Помогли, насколько могли, и отправили вперед на других санях.

Наконец, около полуночи добрались до хутора и после короткой остановки — до столь желанной деревни — Усть-Барга. Теплая изба, кусок хлеба и возможность лечь и заснуть в тепле, какое незабываемое счастье! Забыты были эти ужасные дни и ночи в ущелье. На утро догнал нас кучер и даже захватил часть вещей из саней.

Вся тяжесть перехода выпала на долю уфимцев и камцев. Мороз последнего дня так сковал проделанную, разъезженную дорогу, что догнавшие нас части 3-й армии проехали по этому пути чуть ли не в один день.

После Красноярска и Кана дальнейшее движение на восток шло без задержек. Были сведения, что нас задержит на р. Кан гарнизон гор. Канска, но еще до выхода нашей колонны препятствия были устранены. После Кана генерал Каппель болел и фактически распоряжался движением ген. Войцеховский.

Движение понемногу наладилось; много недоразумений было из-за ночлегов. Когда на «дивизию» в густо населенной местности сначала давалась большая деревня дворов в 40-50, считалось, что все страшно стеснены; когда же в движении мы прижаты были к ж. д. и проходили по малонаселенным местам, приходилось в 15-20 дворах располагаться двум «дивизиям». Мы проходили сначала южнее жел. дор., затем пересекли ее, поднялись перед Нижне-Удинском к северу и затем шли далее по Сибирскому тракту.

К югу от ж. д. проходили большею частью по старым сибирским селам и деревням и только местами попадались новые деревни. Несмотря на то, что наше движение несло крестьянам много горя, мы часто встречали здесь хороший прием, иногда радушие.

Движущая живая лавина, как саранча, поедала запасы, часто бесплатно; бывали случаи своеволия, раздевания богатых и бедных; брали сани, фураж, но с этим население как-то мирилось — за редкими исключениями. Драмы разыгрывались из-за лошадей — их жители уводили и прятали в заимки, в лес. Находили и там те, кто терял свою лошадь, или она выбивалась из сил. Споры, жалобы, вмешательство старших начальников.

Это одно из самых мрачных воспоминаний за все время движения. Общее впечатление от похода через сибирские села таково, что население равнодушно к нашим неудачам и даже к провалу

всего дела, равнодушно также к разным воззваниям красных, но жалело нас, как людей, и как-то примирялось с теми несчастьями, что приносили проходящие.

Страшное несчастье болезни. Очень скоро после Красноярска начала разрастаться эпидемия тифа — сыпного, а потом возвратного. И без того слабые части начали превращаться в санитарные транспорты. Мера предостережения от сыпняка одна — чистота, чтобы не было вшей — главного бича. Двигавшаяся колонна, вереница саней, розвальней, в большинстве на розвальнях кучер, 2-3 больных и санитар, который думает — не заболеть бы. На некоторых санях везут мертвых, чтобы похоронить на ночлеге.

Крестьяне вовсе не боялись заразы, не сторонились и почти всегда помогали ухаживать за больными. То же было и в семьях рабочих, даже в семьях рабочих углекопов у Черемхово. В какой-то еврейской семье близ Тулуна, который считался большевистским районом, мы встретили самый радушный прием и уход за больными — хозяйка даже принесла свои подушки и белье. Больше опасались заразы в домах нашей сельской интеллигенции и старались изолироваться.

28 января, как раз в Тулуне, узнали о смерти ген. Каппеля от воспаления легких в румынском эшелоне. Не вылечив как следует обмороженных ног, уже, видимо, ранее простуженный, он снова сел на коня верхом и еще простудился. В войске еще с Волги как-то привилось само собой название «мы каппелевцы», сохранившееся затем даже в Приморье.

Дальнейшее руководство колоннами войск принял окончательно ген. Войцеховский, фактически уже распоряжавшийся движением.

Неудача, постигшая красных, когда они пытались задержать нас южнее Канска, а затем у Нижне-Удинска, заставило иркутское командование забеспокоиться. Оно, с одной стороны, распускало слухи о нас, что остатки колчаковцев не представляют никакой силы, а с другой, в страхе насчитывало этих сил до 7-и - 15-ти тысяч бойцов и потому для прикрытия Иркутска с запада выслало большой отряд своих войск к ст. Зима.

Отряд этот у Зимы был побит при неожиданном содействии конницы чехов по приказу п-ка Прхала, командира 3-й дивизии, который распорядился захватить и обезоружить Иркутский отряд. Часть отряда была обезоружена и задержана, часть бежала на

север*). В Иркутске поднялась тревога и, видимо, по просьбе иркутских властей, чешский представитель Сыроваго начал переговоры с Войцеховским об условиях прохода армии через Иркутск без боя.

---

*) *Примечание:* Относительно столкновений у ст. Зима имеются такие подробности.

1) Ген. Пучков в очерке «8-я Камская стр. дивизия в Сибирском Ледяном походе» пишет: «В Нижне-Удинске, из перехваченной телеграммы, стало известно, что красные организовали новую, более серьезную попытку остановить армию. Иркутский Совет, ставший у власти с 24 января, спешно выдвигал к ст. Зима сильный отряд под командой тов. Нестерова; численность отряда определялась от одной до четырех тысяч. Чехи допустили пользование железной дорогой для перевозки отряда Нестерова, потребовав только, при ведении действий против белых, соблюдения трехверстной нейтральной зоны вдоль жел. дор.»

«30 января ген. Вержбицкий атаковал отряд Нестерова. Красные заняли довольно сильную природную позицию в нескольких верстах западнее ст. Зима, успели возвести снежные окопы, полить их водой и сосредоточить большое количество огнеприпасов. После упорного боя, обойдя удачно левый фланг расположения красных, ген. Вержбицкий сломил их сопротивление. Неожиданное для обеих сторон появление конного Чешского полка в тылу красных обратило их поражение в полный разгром. Сам Нестеров со штабом и около тысячи красных бойцов были разоружены и задержаны чехами, остальные рассеяны или перебиты».

«2-го февраля Уфимская группа имела в поселке Зима-дневку, последнюю до прихода в Забайкалье. С 3-го февраля началось быстрое, безостановочное движение к последнему и, как казалось тогда, самому серьезному препятствию на пути армии — к Иркутску».

2) Бывший командир 3-й чешской дивизии ген. Прхала в интервью в Лондоне в 1958 году дал свое показание:

«В первых числах февраля 1920 года Иркутский Совет выслал отряд с согласия Сырового на ст. Зима с заданием рассеять отступающие части бывшей Колчаковской армии, под командой ген. Войцеховского. Этот отряд был послан несмотря на протесты командира 3-й дивизии, тогда полковника Прхалы, считавшего колонны ген. Войцеховского дружественными и союзными, тогда как отряд, присланный из Иркутска, считал враждебным. Поэтому полк. Прхала дал приказ первому и второму конным полкам разбить этот отряд, с успехом выступивший против утомленных войск ген. Войцеховского. Отряд вместе со своим командиром был взят в плен полковником Крейгиржиком.

О своем решении и ликвидации большевистского отряда полк. Прхала телефонировал ген. Сыровому, который протестовал и распорядился пленных немед-

Ген.-лейт. М. К. Дитерихс

Ген.-майор С. Н. Войцеховский

Атаман Г. М. Семенов в 1918 году

ленно отпустить. Полк. Прхала однако не послушал, а отпустил их только после того, как последняя часть нашего войска покинула ст. Зима». Чрезвычайно важное показание в ответ на утверждение, что у Сырового не было выхода, когда ему было предъявлено требование о выдаче адм. Колчака. Были среди командиров чехов не следовавшие за Сыровым и Массариком в русском вопросе.

На станции же Зима Войцеховский дал ответ: в общем выражалось согласие пройти без боя Иркутск при условии, если Верховный Правитель адмирал Колчак будет освобожден и передан под охрану иностранных военных частей, передана нам часть золотого запаса и войска будут удовлетворены из иркутских складов теплой одеждой, продовольствием и проч. Переговоры, понятно, ни к чему не привели. Скоро стало известно, что чехи вообще настаивают на том, чтобы ст. Иркутск и район около станции не были местом боевых действий — под угрозой разоружения всякой воинской части, начавшей бой.

На 7-е февраля мы ночевали в переходе от Иркутска. Днем левая колонна 2-й армии вела бой с красными севернее Сибирского тракта; решительного успеха не было. 7-го февраля все наши части сосредоточились перед Иркутском. Занята была ст. Иннокентиевская с большими запасами военного имущества. Части смогли получить кое-что.

Командование решало, что делать — брать ли Иркутск силой или обходить. Известно было, что красные в городе не уверены в себе и заняты обеспечением отхода на север. На станции ж. д. представители иностранных войск заявляют о своем нейтралитете и одновременно угрожают разоружением, если будут начаты военные действия в этом районе.

Наши части к моменту подхода к Иркутску — сплошные транспорты больных тифом. Во всей нашей дивизии можно собрать 200-250 здоровых бойцов, за исключением тех, кто приставлен к больным, как возчики.

Стало известно, что адмирал Колчак расстрелян утром 7-го на рассвете. По всему этому решено не задираться, а воспользоваться чешским предложением обойти город с юга с тем, чтобы выйти ночью на тракт из города на восток. Должны выступить около 10-ти часов вечера. Слышал, что ген. Сахаров, несмотря на все угрозы разоружения, порывался бросить всю свою колонну в бой, а Войцеховский не согласился, так как уже выговорил у чехов, что они не будут мешать проходу всей колонны сначала вдоль ж. д., а затем у самого предместья Глазково и станции, а

затем свернуть от Глазково на д. Смоленское и далее пройти на Марково, откуда уже повернуть к тракту на Михалево.

К вечеру все были готовы к движению. Часов в 10 мы были в движении. Настроение нервное. Местами при крутых спусках под гору сани или от раскатов опрокидываются, ломаются оглобли, рвутся завертки. Положение саней с больными при этом ужасное, многие из них в полусознании, а тревожатся — не успокоить.

Часов в 9 утра после безостановочного движения ночью, выходим на тракт. С высот виден город. Оттуда скоро доносятся пушечные выстрелы. Неизвестно по ком, по случайным нашим хвостам или так себе — для показа. В общем все сошло благополучно. Только поздно вечером 8-го февраля мы расположились на ночлег в д. Тальцы-Михалево, двигаясь не меньше 18 часов. Лошади заморились ужасно.

9-го февраля днем мы были на берегу Байкала в с. Листвиничном, 10-го в Голоустном, чтобы 11-го перейти по Байкалу в Мысовск (наиболее узкое место). Здесь были японцы — к нашей радости. Прежде всего началась отправка больных в санитарных поездах в Верхне-Удинск и Читу.

После всех невзгод Мысовск нам показался обетованной землей. Главное — отдохнуть. Разговоры об атамане Семенове, что он не поддерживал в трудное время адмирала Колчака, а вел свою японскую политику, что его части под Иркутском не выдержали экзамена, что в Забайкалье положение не спокойное, — смолкли, когда стало известно, что для больных и раненых стоят наготове поезда.

Период движения армии от Омска до вступления в Забайкалье, около 3000 верст, назван потом «Сибирским Ледяным походом». Надо собственно прибавить к этому путь в 500 верст, проделанный от р. Тобол до Омска, т. к. Тобол был нашей лебединой песнью и с берегов его началось беспрерывное почти движение через всю Сибирь, с поворотами то в одну сторону от жел. дороги, то в другую.

Наибольшие трудности, лишения и жестокие испытания начались с р. Обь: точно все силы обрушились, чтобы уничтожить отступающих. Сибирские морозы, тифозные и другие заболевания, непроходимая тайга, скудность питания, прямой голод, недостатки одежды... красные, партизаны, захват паровозов и подвижного состава на жел. дороге чехами, своевольство и бесчинство их...

В довершение всего предательство частей ген. Пепеляева в

Красноярске, восстание эсеров в Иркутске, передача власти большевикам. И, наконец, смерть ген. Каппеля и предательство адмирала Колчака.

Этот поход по существу следует считать концом действий на Восточном фронте. После Тобола все попытки организовать сопротивление в крупном масштабе оставались на бумаге.

Началось движение на восток дальше с целью уйти от большевиков, но не сдаваться, а держаться вместе.

Нужно признаться, что пребывание в Забайкалье японцев в этот момент было нашим спасительным средством. Без них атаман Семенов не мог обойтись и наши больные не могли бы спокойно полечиться, отдохнуть и решать, куда же дальше?

С приходом в Забайкалье появились вести из Крыма от ген. Врангеля. Забрезжила какая-то надежда на перемену к лучшему...

VI.

ТРАГЕДИЯ АДМИРАЛА

КОЛЧАКА

В поисках поприща для служения Родине судьба привела адмирала Колчака в Сибирь, в Омск, как раз в то время, когда там, по выражению историка Мельгунова, «в воздухе носилась... идея диктатуры». И это стремление к диктатуре охватило широко не только правые, но и либеральные круги.

Историк этот, посвятивший подробному исследованию переворота 18-го ноября 1918 года большую часть своего труда «Трагедия адмирала Калчака», пришел к таким выводам: «Безусловно, «заговор» создался не в один день. Весь период существования Директории был, так или иначе, временем подготовки ее свержения. Существовавшее никого не удовлетворяло — ни правых, ни левых, ни тот центр, на который Директория могла бы опереться при несколько ином к ней отношении. Вопрос о перемене власти муссировался во всех кругах — и в «салонах», и в частных совещаниях общественных деятелей, и в военной среде, и в правительственных сферах и среди иностранцев».

Известно, что даже в только что организованном штабе ген. Болдырева (члена Директории) ответственные чины штаба планировали свержение Директории (в том числе и своего главковерха). Полковнику Степанову, бывшему командиру 1-го чешского полка, 13 октября было выдано удостоверение о том, что ему поручается формирование в Ново-Николаевске Особой дивизии из его прежних частей и что ему необходимо оказывать всякое содействие. Подписано это удостоверение вр. и. д. нач. штаба полковником Слижиковым, вр. и. д. Ген. квармом полк. Сыромятниковым и нач. общ. отд. капитаном Шмигелем. На этом удостоверении позже написано Степановым собственноручно: «Моя особая задача состояла лишь только в том, чтобы создать условия для безболезненного перехода власти от Директории к диктатуре адм. Кол-

чака, а, следовательно, свержения этого Верхов. Главнок. (Болдырева). Какая ирония судьбы — он сам просит и приказывает всем мне в этом помогать». Кроме того, на копии телеграммы за подписью ген. Розанова, нач. штаба Болдырева, о формировании этой дивизии другая подпись Степанова: «Согласно выработанного плана, для свержения Директории и установления диктатуры я со своими войсками составил отдельную дивизию Особого назначения и занял гор. Ново-Николаевск».

«О готовящемся «перевороте» Колчак знал приблизительно в тех же чертах, как знали это другие».

По мнению Мельгунова, «отряды Волкова и Красильникова в ночь с 17-го на 18-е ноября выступили в значительной степени самостоятельно. Переворот произошел как бы сам собой».

По показаниям самого адмирала следственной комиссии, он прибыл в Омск после прибытия туда Директории, причем при первом же свидании с Болдыревым тот предложил ему принять должность военного министра в кабинете Директории. Он отказался, заявив, что намерен ехать на юг. Затем Болдырев уже вместе с Авксентьевым повторили предложение и он принял его условно, в том смысле, что он желает сначала проехать на фронт и ознакомиться с обстановкой и войсками. В Омске в это время везде были разговоры о недовольстве Директорией. На фронте он тоже слышал о том же, где был 8-9 ноября. Вернулся за два дня до переворота, причем в это время к нему приходило много разных старших офицеров и высказывали, что нельзя оставаться в бездействии и что он должен принять участие в организации переворота. Он отказался, мотивируя отказ, что у него нет в подчинении войск.

Ночью 18-го он был вызван экстренно в Совет министров, где Вологодский познакомил всех с положением, т. е. сообщил об аресте членов Директории. Не арестованный член Директории Виноградов тут же заявил, что выходит из ее состава. Поэтому собрание решило, что Директория умерла, восстановление ее немыслимо. Поставлен на обсуждение вопрос о создании единоличной власти и адмирал высказался за нее. Когда же возник вопрос о лице, то он и ген. Розанов, начштаба Болдырева, высказались за Болдырева, как главнокомандующего и знакомого с обстановкой, после чего Вологодский попросил адмирала на время оставить собрание. После довольно продолжительного промежутка адмирал был приглашен на заседание и ему объявлено, что он избран на пост Вер-

Адмиралъ Колчакъ

ховного Правителя. Обсуждалась кандидатура Болдырева, Хорвата и Колчака. Единогласно избранным оказался он. Адмирал дал свое согласие.

Несомненно, адмирал Колчак лично не принимал участия в свержении, но ему хорошо было известно общераспространенное мнение о неизбежности переворота, а также, что он, адмирал Колчак, является почти единственным кандидатом в мыслях большинства — противников Директории. Поэтому, как человек, жаждущий деятельности, он согласился на принятие поста Верховного Правителя. Это принятие поста, требующего от человека широкого понимания обстановки, твердых решений, знания людей, настойчивости в проявлении воли в атмосфере сибирского хаоса, было началом всей трагедии адмирала Колчака, ибо он по своим персональным качествам не подходил для роли такого диктатора. Надо сказать, что в Сибири в это время невозможно было указать лицо, которое смогло бы принять на себя такую ношу и вести борьбу с противником более успешно. Противником был Ленин, который смог поставить всех на ноги — «Все против Колчака!»

Не подлежит сомнению, что выбор адмирала на столь высокий и ответственный пост был предрешен, или предопределен. Другого кандидата Совет Министров не имел. Адмирал импонировал Совету всем прошлым, а о его личных качествах и о его способностях для занятия поста, требующего качеств сверхчеловека, мало кто задумывался.

Офицерская часть армии желала видеть во главе военного дела одно лицо, и у ней не было оснований сомневаться в способностях адмирала. Для армии самое важное было в том, что во главе её будет, наконец, долгожданный о д и н х о з я и н, притом заслуженный военный.

Надо признать правильным, что в действительности появился «долгожданный диктатор и все же не диктатор» — по определению И. И. Серебренникова — одного из членов правительства, пытавшегося охарактеризовать Верховного Правителя. И не оказалось во главе военного дела твердого, независимого хозяина.

Генерал барон Будберг, ближайший помощник по военному хозяйству, в своих воспоминаниях, написанных для архива Русской Революции еще при жизни адмирала, дает пространную характеристику адмиралу. В перечне отличительных черт характера своего начальника есть много хвалебных и наряду с хвалебными много указаний на недостатки, вредно отразившиеся на деятельности

адмирала. Например, в высшей степени похвальный: «На свой пост адмирал смотрел, как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше, и мне думается, едва ли есть на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренно, убежденно, проникновенно и рыцарски служит идее восстановления единой и неделимой России». Почти рядом: «Несомненный неврастеник, быстро вспыхивающий, чрезвычайно бурный и несдержанный в проявлениях своего неудовольствия и гнева»... Далее: «Не понимающий совершенно обстановки и не способный в ней разобраться... он избалован успехами и очень чувствителен к неудачам и неприятностям».

Не могу дать полностью своей веры в справедливость всех выводов ген. Будберга о характере адмирала. Мне кажется, что барон чересчур самоуверен, когда говорит: «Характер и душа адмирала настолько налицо, что достаточно какой-нибудь недели общения с ним, чтобы знать его наизусть». Достаточно прочитать протоколы допросов адмирала следственной комиссией, чтобы сказать твердо, что когда обстоятельства требовали, он умел сдерживаться и владеть собой. Даже ярые враги отмечают это. А историк С. П. Мельгунов написал: «Когда видишь Колчака в эти сумбурные дни (декабрь — период особенно тяжелых дней отступления), невольно поражаешься, до чего люди могут быть несправедливы. Удивительное спокойствие отмечает Верховного Правителя по сравнению с истерикой, которая охватывает его министров. С редким хладнокровием и достоинством он отвечает даже на глубоко оскорбительные по форме требования. У него не видно дряблой растерянности в тяжелый момент и он как бы стоит над мятущейся толпой».

Генерал Дитерихс, бывший Главнокомандующий армией, испытавший на себе из-за разногласий с адмиралом по поводу обороны Омска перед сдачей его красным взрывчатый характер Верховного Правителя, при своей жизни воздерживался давать характеристику ему и все материалы по Сибирской эпопее с лентами последних телеграфных разговоров в отдельном опечатанном пакете отправил в Пражский Русский архив для хранения с указанием, что пакет может быть вскрытым только через 50 лет после его смерти, предоставив, таким образом, судить о характере адмирала и их взаимоотношениях историкам; генерал Дитерихс умер в Шанхае в 1938 году.

В военном отношении адмирала на первых порах порадовали успехи под Пермью, но для весеннего наступления было принято

за главное направление Самарское и, несмотря на слабость красных против армии Гайды, Ставка адмирала не смогла ничего взять из Сибирской армии для Западной в критический для нее момент. Гайда оказался упорным противником помощи во имя благополучия своей армии и, кстати, чтобы угодить полковнику Ноксу, под особым покровительством которого он находился. Чехи недаром про него говорили: «О, Гайда — это штучка». Он был слаб в военном отношении, зато силен в интригах. Адмирал терпел «эту штучку» больше, чем было надо, и не мог поставить его на место вовремя. Потерпела от этого и Западная армия ген. Ханжина, потерпело все дело борьбы.

Во время весеннего наступления, после второго периода, когда Красная армия начала общее отступление перед половодьем, кто был ответственным докладчиком у адмирала и творцом победных директив? Получалось впечатление, что Ставка считает в распоряжении командующего Западной армией могучую силу, которой все нипочем, а Красная армия совсем исчезла. Истинное состояние своей армии скрывалось, видимо, от адмирала, также как неблагополучие с подачей резервов, вроде Каппелевского корпуса или куреня Шевченко. Результат известен — отступление за Урал. Здесь — Челябинская операция, задуманная и проведенная вопреки воле только что назначенного главнокомандующим ген. Дитерихса, с согласия адмирала, двумя честолюбивыми генералами: один из них ближайший советник и начальник штаба ген. Лебедев, другой молодой командующий Западной армией ген. Сахаров. Эта операция безрезультатная, но несчастная по потерям, целиком отразилась на последней операции, когда красные принуждены были отступать за Тобол. Здесь же плохо показал себя Сибирский казачий корпус из-за назначенного вождя (Иванов-Ринов).

Адмирал Колчак, можно сказать, был лишен способности выбирать себе помощников и исполнителей его воли в той же степени, как и покойный Государь Император Николай II-й. И это касается не только военно-оперативного управления, но также военно-административного (военный министр) и гражданского. Вероятно, гораздо лучше было бы, если бы он имел сразу же в правительстве энергичного, способного премьера, а для фронта только главнокомандующего с широкими полномочиями. Как известно, в начале была попытка выработать для диктатора некоторую конституцию (Гинс), но она не получила, очевидно, благоприятной встречи.

Отступление к Омску, сдача Омска — это уже начало пути к концу, который мог быть не столь трагическим, как выдача адмирала красным на расстрел. Это была жестокая судьба, с которой должно было бороться.

Адмирал Колчак отбыл 12 ноября из Омска поздно вечером Одновременно с его поездом отбыл поезд с золотым запасом и пять других литерных поездов. На протяжении от Омска до Тайги поезд адмирала двигался в непосредственной связи с армией, со штабом Главнокомандующего.

23 ноября ген. Лохвицкий в Ново-Николаевске настойчиво советовал адмиралу торопиться в Иркутск или оставить поезд и двигаться дальше с армией. Адмирал согласился двигаться, не задерживаясь, в Иркутск, ввиду тревожных сведений оттуда, но остался в Ново-Николаевске на десять дней до 3-го декабря под влиянием сахаровских «резонов». Ген. Лохвицкий и его нач. штаба выехали одни и 3-го декабря, пробыв в Красноярске около двух дней для ознакомления с обстановкой, проследовали дальше и прибыли в Иркутск 9-го декабря. Адмирал мог выехать тоже, т. к. на линии ж. д. было спокойно.

На ст. Тайга адмирал решил отделиться от армии и возможно скорее продвинуться на Иркутск, но было уже поздно. За ст. Тайга поезда адмирала вошли в район эвакуации чехов, фактически захвативших всю линию жел. дор. в свои руки. Чехи спешили возможно скорее уйти из угрожаемой большевиками зоны. На почве отказа чехов пропустить вне очереди поезда адмирала вышел ряд конфликтов с чешскими военными властями и войсками, что имело в результате дальнейшие задержки. Здесь на ст. Тайга 9 декабря братьями Пепеляевыми был арестован в своем поезде Главнокомандующий ген. Сахаров, который был принужден уйти с поста.

После этого адмирал Колчак выехал в Красноярск, куда прибыл 17-го декабря. Здесь чехи задержали адмирала на целых шесть дней, в течение которых шли переговоры с ними о дальнейшем пропуске поездов вне очереди, кончившиеся тем, что чехи наконец согласились пропустить вне очереди поезд с адмиралом и поезд с золотым запасом. Остальные поезда адмирала, всего числом до пяти, так и застряли где-то за Красноярском.

Через три дня после отъезда адмирала Колчака из Красноярска им была получена телеграмма от командира 1-го Сибирского корпуса ген. Зиневича, в которой он требовал от адмирала немедленного созыва Земского Собора и отречения от власти. Вместе с

тем, распоряжением Зиневича была прервана связь адмирала с армией. Через несколько дней весь гарнизон Красноярска был полностью в руках большевиков.

Не доезжая до Нижне-Удинска, в поезде была получена телеграмма о восстании большевиков в Иркутске.

24 декабря поезда адмирала прибыли в Нижне-Удинск и оставались на ст. до 8 января. Здесь на долю адмирала выпало испытать наиболее тяжелые переживания. Объявлено, что поезд адмирала и поезд с золотом будут задержаны до дальнейших распоряжений. Получены инструкции от ген. Жанена, в которых было указано, что поезда адмирала состоят под охраной союзных держав, в действительности — чехов. Когда обстановка позволит, поезда будут вывезены под флагом пяти держав. Станция Нижне-Удинск объявляется нейтральной. Чехам надлежит охранять поезда адмирала и с золотым запасом и не допускать на станцию войск образовавшегося в Нижне-Удинске правительства. Конвой адмирала (около 500 человек) не разоружать, но в случае вооруженного столкновения между войсками адмирала и местными разоружить обе стороны.

Чехи окружили станцию своими караулами, непосредственная же охрана поездов адмирала и с золотом неслась чинами конвоя. К этому времени никакой связи ни с фронтом, ни с тылом, ни с союзниками уже не было и все сведения получались только через чехов.

Еще до прихода поездов в Нижне-Удинск адмирал отдал приказ о назначении атамана Семенова Главнокомандующим войсками в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а получив сведения о восстании в Иркутске, приказал атаману занять Иркутск и ликвидировать восстание.

В это-то время именно чехами была получена новая инструкция из Иркутска, из штаба союзных войск, а именно: если адмирал желает, то он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне; вывоз же всего адмиральского поезда считается невозможным. Относительно поезда с золотом должны были последовать какие-то дополнительные указания.

Это предложение поставило адмирала в чрезвычайно трудное положение. В поезде адмирала находилось около 60-ти офицеров (конвоя, штаба, чиновники) и около 500 солдат конвоя. Разместить всех людей в одном вагоне, конечно, невозможно. Само собой разумеется, адмирал не мог бросить своих подчиненных на

произвол судьбы и уехать. И поэтому послал высокому комиссару Японии телеграмму с просьбой о вывозе всего поезда, а в случае невозможности выполнить просьбу, он отказывается от такого вывоза его вагона и разделит участь со своими подчиненными.

В поисках выхода было решено искать спасения в походе в Монголию. Чешская охрана не чинила препятствий к оставлению поезда. Но когда адмирал оповестил конвой, что он не уезжает, а остается здесь, а им предоставляет свободу действий, то на другой день все солдаты, за исключением нескольких человек, перешли в город к местным большевикам. Пропаганда велась давно и настойчиво. Этот уход нанес большой моральный удар адмиралу Колчаку, который верил в преданность солдат конвоя.

Затем обсуждался поход в Монголию только с офицерами, но здесь, как только один из старших морских офицеров высказал мнение, что теперь адмирал может воспользоваться предложением, а офицерам будет легче уйти, адмирал вспылил: «Значит и вы меня бросаете». Его, конечно, постарались разуверить, но все же он решил, что надо ехать. Тут же он сказал: «Продадут меня эти союзники».

Ген. Занкевич, нач. штаба адмирала в поезде, предлагал еще выход: переодеться и скрыться в одном из чешских эшелонов. Чехи принимали отдельных офицеров. Адмирал после раздумья и молчания сказал: «Нет, не хочу я быть обязанным спасением этим чехам».

Итак, поездка в одном вагоне под флагами пяти держав: Англии, США, Франции, Японии и Чехословакии. Дабы разместить адмирала и 60 офицеров, взяли вагон пульмановский 2-го класса, в котором адмиралу было отведено маленькое купе, а в остальных купе кое-как разместились офицеры. Вагон был прицеплен к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка. К этому же эшелону был прицеплен и вагон председателя Совета Министров В. Н. Пепеляева, который по пути со ст. Тайга присоединился к поезду адмирала в Нижне-Удинске.

Перед самым отходом поезда в Иркутск, 8-го января начальник чешского эшелона майор Кровак сообщил адмиралу полученные им инструкции:

1. Вагон с адмиралом находится под охраной союзных держав.

2. На этом вагоне будут подняты флаги пяти держав.

3. Чехи имеют поручение конвоировать вагон адмирала до Иркутска.

4. В Иркутске адмирал будет передан Высшему Союзному Командованию (т. е. генералу Жанену).

Путешествие до Иркутска длилось шесть или семь дней и сопровождалось большими трудностями. На большинстве остановок были враждебные демонстрации и требования сдаться.

15 января по прибытии на ст. Иннокентьевская чехи объявили, что поезд пойдет в Иркутск только на следующий день, так как ст. Иркутск забита и принять эшелона не может. Здесь ген. Занкевич пытался войти в связь с ген. Жаненом, но в конце концов ему было сказано, что Жанен выехал со ст. Байкал дальше. Начальник эшелона сообщил дополнительно, что происходят какие-то переговоры между Сыровым и Жаненом по телеграфу, что Жанен находится на ст. Танхой приблизительно в 250 верстах от Иннокентьевской. Переговоры еще не кончены, но Сыровой обещал тотчас же по их окочании подозвать начальника эшелона к прямому проводу; вызов ожидается с минуты на минуту. Ген. Занкевич далее пишет: «Прошел час, два, я задремал. Когда я проснулся, было уже совсем светло; передо мной стоял начальник эшелона, который сказал мне, что Сыровой только что вызывал его к прямому проводу и сообщил ему, что вопрос об адмирале решен, но в каком смысле, он сообщит по прибытии поезда в Иркутск. Начальник эшелона добавил также, что только что со станции Иркутск запросили номер вагона адмирала».

«Сейчас же вслед за сим поезд медленно двинулся вперед, задерживаемый по пути загруженностью линии. Было уже почти темно (вероятно, часов около 4-4,5 дня), когда поезд пришел на ст. Иркутск».

«Начальник эшелона почти бегом направился к Сыровому».

«Спустя короткое время он вернулся и с видимым волнением сообщил, что адмирала решено передать Иркутскому революционному правительству; сдача назначена на 7 часов вечера. Иркутское правительство (Политический центр) просуществовало не больше десяти дней, после чего, в сознании своей слабости, добровольно передало свою власть большевикам, в руках которых и оказался, таким образом, адмирал Колчак, один из благороднейших русских людей».

При передаче адмирала представителям Политического центра чешские офицеры повторили приказ Жанена и прибавили:

«Мы, чехи, лишь выполняем приказ ген. Жанена, а что лично мы сами с актом передачи не согласны».

Адмирал на это сказал: «Международный акт предательства. Я готов на все».

21 января в Иркутской тюрьме происходил первый допрос адмирала Колчака. Чрезвычайная комиссия Политического центра состояла из двух эсеров, одного меньшевика и одного большевика. Председательствовал большевик Попов. Комиссия предполагала допросами Колчака не только выяснить историю его появления на политическую арену в Сибири, не только получить объяснение различным действиям администрации, но получить подробную автобиографию его, как вождя контрреволюции. Видимо, она рассчитывала, что будет иметь достаточно времени для допросов.

Но время не ждало. В конце января большевистский отряд под командой Нестерова был отправлен на ст. Зима для встречи приближавшихся каппелевцев, но был разбит при неожиданном содействии чехов по приказу полковника Прхала, командира 3-й дивизии, что серьезно испугало Иркутский Ревком, а значит и членов комиссии. Они заторопились. 3-го февраля Войцеховский выпустил ультиматум об освобождении Колчака и проч. Не отвечая на ультиматум, в ночь с 4-го на 5-е Ревком решил расстрелять адмирала Колчака, представив приговор на одобрение Председателя Реввоенсовета 5-й армии Смирнова.

Последний допрос происходил 6-го февраля. В этот последний допрос, по показанию Попова, адмирал Колчак держал себя несколько нервно, но с большим достоинством, «как захваченный в плен командир побежденной армии» — по определению Попова. Смирнов в это время был в Красноярске и должен был принять трудное решение, т. к. Москва настаивала на отправке адмирала Колчака в столицу, где предполагала устроить показной суд. Об этом были телеграфные инструкции от Ленина. Но Смирнов чувствовал опасное положение в Иркутске и что он должен развязать руки Ревкому. Его одобрение было получено вечером 6-го февраля. Ночью приговор был приведен в исполнение.

О выдаче адмирала и Пепеляева много написано. Главные виновники Сыровой и Жанен — каждый старается обелить себя тем, что не было другого выхода, т. к. чешское войско было возбуждено против адмирала за его телеграммы атаману Семенову о задержке чехов и проч., т. к. чехов невозможно было заставить под-

нять оружие против большевиков для спасения адмирала. На это один ответ имеется: а вот полк. Прхала поднял оружие против большевиков у ст. Зима и разоружил целый отряд вопреки приказу Сырового. Очевидно, не все чехи считали правильной политику Сырового и Жанена, а за ними в тылу Массарика.

С. П. Мельгунов в своей книге говорит: «Столкновение с каппелевцами, происшедшее у ст. Зима, показало, какую роль могли бы сыграть еще чехословаки и какая двойственность наблюдалась в сущности в их позиции».

И он же заканчивает свою книгу: «С этим именем (Колчака), а не с именами тех, кто ставит себе в «честь и заслугу» — слова Чернова — «взрывание белых фронтов» — свяжет легенда национальную Россию. За ее освобождение погиб адмирал Колчак, а те, кто с ним боролись, привели ее к порабощению на долгие годы».

Палач С. Чудновский оставил следующее описание убийства, напечатанное в известиях Иркутского воен. ревкома 8 февраля 1920 года.

«Все формальности, наконец, закончены. Выходим за ворота тюрьмы. Мороз 32-35 градусов по Реомюру. Ночь лунная, светлая. Тишина мертвая. Только изредка со стороны Иннокентьевской отдается гулкое эхо отдаленных орудийных и ружейных выстрелов. Конвой разделен на два кольца. В середине колец — Колчак спереди и Пепеляев сзади. Последний нарушает тишину дрожащей молитвой. В 4 часа пришли мы к назначенному месту. К этому времени выстрелы со стороны Иннокентьевской стали слышаться все яснее и яснее, все ближе и ближе. Порой казалось, что перестрелка происходит совсем недалеко от нас. Мозг сверлила мысль: в то время, когда здесь кончают свою подлую жизнь два врага народа, в другой части города, может быть, контрреволюция делает еще одну попытку громить мирное трудящееся население.

Раньше, чем отдать распоряжение стрелять, я в нескольких словах разъяснил дружинникам значение этого акта.

Все готово. Отдал распоряжение. Дружинники, взяв ружья наперевес, становятся полукругом. На небе полная луна, светло.

Мы стоим у высокой горы, к подножью которой примостился небольшой холм. На этот холм поставлены Колчак и Пепеляев. Колчак высокий, худощавый, тип англичанина. Голова немного опущена. Пепеляев же небольшого роста, толстый, голова втянута в плечи, лицо бледное, глаза почти закрыты.

Команда дана. Где-то далеко раздался выстрел пушечный и в унисон с ним, как бы в ответ ему, дружинники дали залп. И затем, на всякий случай, еще один.

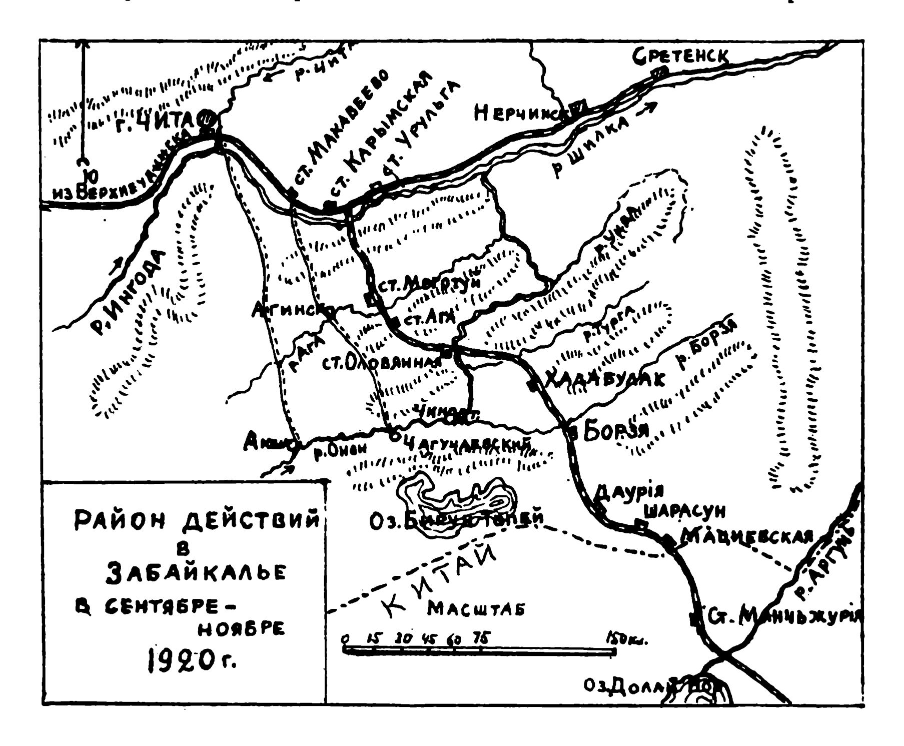
Приказ ревкома выполнен. Расстрел Колчака и Пепеляева ускорила контрреволюция своими выступлениями, поэтому яма не была приготовлена. «Куда девать трупы?» — спрашивают начальник дружины и комендант тюрьмы. За меня отвечает один из дружинников: «Палачей сибирского крестьянства надо отправить туда, где тысячами лежат ни в чем не повинные рабочие и крестьяне, замученные колчаковскими карательными отрядами. В Ангару их!» Трупы были спущены в вырубленную дружинниками прорубь».

От этого описания смердит бахвальством, ложью и трусостью. Главному палачу чудятся выстрелы, перестрелка, пушечный выстрел, когда ближайшие белые части находились на ночлеге в 50-ти верстах.

VII. 1920 ГОД В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Точное число каппелевцев, перешедших через Байкал в Забайкалье, не известно; по одним сведениям около 15.000 человек, по другим — больше. Известно было, что через госпитали в Верхнеудинске и Чите за февраль и март прошло около 11.000 тифозных. Генерал Войцеховский из Читы телеграфировал Болдыреву во Владивосток, что привел в Читу около 30.000, которые нуждаются в переселении в Приморье.

Пятая красная армия перед Байкалом остановилась. Советское правительство решило создавать на Дальнем Востоке времен-

но буфер — Дальневосточную Республику для объединения Забайкалья, Приморья и Приамурья, о чем начало переговоры с японцами. В разных частях края действовали «повстанческие» отряды, организованные большевиками и их «пособниками» — эсерами. Такие отряды были в районе Верхнеудинска, Троицкосавска, Петровского Завода, т. е. в районе, ближайшем к Чите. При движении к Чите от Байкала колонны каппелевцев не избежали стычек с такими повстанцами; в районе Троицкого завода недалеко от Читы они устроили засаду колонне под командой ген. Сахарова. Под ним была ранена или убита лошадь.

Глава Забайкальской власти — атаман Семенов, которому адмирал Колчак указом от 4-го января 1920 года передал всю полноту власти на Российской Восточной окраине впредь до указаний генерала Деникина, не принимал участия в военных действиях в Сибири в 1919 году. Только в декабре он, будучи произведен адмиралом Колчаком в генерал-лейтенанты и назначен Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке, перед восстанием в Иркутске, получив приказание адмирала о посылке отряда в Иркутск, отправил туда ген. Скипетрова с отрядом около 900 штыков и 400 сабель в самый критический момент в конце декабря. Отряд этот высадился в переходе от Иркутска, был встречен чехами и, по приказу ген. Жанена, разоружен и отправлен обратно в Читу.

Вооруженные силы атамана Семенова к моменту прихода каппелевцев ни по количеству, ни по качеству не представляли надежной опоры его власти. Неудачи под Иркутском, крушение фронта на востоке отразились и на них в сильной степени. В штабе у него считали, что на 20 января было около 7200 штыков и 8880 шашек, а за месяц до 20 февраля разбежалось 2700 штыков и 1900 шашек, причем насчитывали в оставшихся надежных только около 2000 штыков и столько же шашек. Из всех оставшихся сил азиатская конная дивизия барона Унгерна, стоявшая в районе ст. Даурия, представляла собой скорее угрозу для власти, чем опору, так как барон был ни с кем не считавшийся, своего рода военный авантюрист. Его в Чите называли соловьем-разбойником на пути в Харбин.

Семеновцы и каппелевцы подчинялись общему командованию в лице ген. Войцеховского, как командующего Дальневосточной армией, и главному командованию в лице атамана Семенова. Предполагалось, что в Чите для управления всеми армейскими вопроса-

ми будет один штаб, почему командующий армией считался одновременно начальником Штаба Главнокомандующего. Но все же оставался как бы другой штаб — помощника атамана по военной части — генерал-юрист Афанасьев и, кроме того, начальник личной канцелярии атамана Власьевский. Через этих приближенных атаман развил такую систему назначений, наград и чинопроизводства, что окончательно развратил военнослужащих. Всякий, кто хотел и умел, мог добиться производства за неведомые заслуги. Войцеховский добивался, чтобы всякие награды делались по его представлению, но все это обходилось. Атаман на словах охотно соглашался с доводами Войцеховского, а на деле все шло, как раньше. Были такие недоразумения, что давали повод думать, как будто атаман не понимает пределов своей власти и не считается с военными узаконениями.

В апреле месяце Войцеховский оставил свой пост. Его место занял генерал Лохвицкий. Положение не изменилось. Лохвицкий также не мог закрывать глаза на попустительства со стороны атамана, допускаемые им для прятавшихся за его спину приятелей. На этой почве часто возникали недоразумения. Не мог он допустить и особого положения для барона Унгерна и его контрразведки, когда получались сведения о беззакониях в Даурии и даже о преступлениях.

Забайкальские части также были на каком-то ином положении, так как командиры их имели, по старой памяти, прямой доступ к атаману.

Жизнь шла; пока оставались японцы, можно было надеяться, что понемногу все утрясется и в конце концов в армии не будет ни каппелевцев, ни семеновцев. Каппелевцы на новом месте немного пооправились, отдохнули и приоделись, но их отдых не был продолжительным. В апреле месяце они были выдвинуты на фронт в Сретенско-Нерчинский район. В мае месяце была предпринята операция с целью очищения от партизан Восточного Забайкалья. Она ничего особенного не принесла, но показала, что пришедшие «каппелевцы» снова годятся для боевой работы. Местные части оказались слабее, за небольшими исключениями.

В армии в это время насчитывалось до 45.000 человек и около 17.000 лошадей; кормить же приходилось еще больше, так как выдавались пайки семействам не только военнослужащих и семействам, потерявшим на войне своих старших членов, но даже неко-

торым гражданским учреждениям и их семьям. В полевых же частях трех «корпусов» насчитывалось до 20 тыс. человек.

В Забайкалье были выпущены бумажные деньги, которыми выплачивалось жалованье служащим, а для крупных закупок расходовалось золото, два вагона (на 56 миллионов) которого было задержано атаманом из отправленных из Омска за границу.

Военное управление в отношении тыла и снабжения, до заявления японцев об уходе из Забайкалья, понемногу налаживалось, несмотря на разные препятствия. Обстановка резко изменилась, когда японцы в первой половине июля заявили об уходе и прекращении оккупации Забайкалья. Тут же они заявили, что в результате переговоров с советскими представителями по созданию буфера на Дальнем Востоке, они пока подписали соглашение, по которому была установлена линия, за которую не должны переходить советские войска из Верхнеудинска, и выговорено право неприкосновенности Читы, где находился атаман Семенов впредь до формального объединения всех областей под властью правительства ДВР.

Совершенно ясно было, что цена этим выговоренным условиям — нуль и весь вопрос в том, какими силами будет располагать советская власть в Верхнеудинске к моменту ухода японцев для нападения на силы атамана и какую позицию займут партизаны.

Последними днями эвакуации японцы объявили половину августа. Нужно было срочно принять решение, что делать, и проводить ряд соответствующих мер. На совещании командующего армией и командиров корпусов было признано, что с уходом японцев удержать Читу и все Восточное Забайкалье в тех границах, которые были при японцах — задача для ДВармии непосильная, так как потребовала бы большего количества войск, и потому намечалось сосредоточить главную массу войск за рекою Онон с тем, чтобы базироваться на ст. Маньчжурия, с которой атаман Семенов начал свои антибольшевистские действия в 1918 году. В Чите же, пока обстановка позволит, держать часть войск, как арьергард. На большое число броневиков возложить задачу охранения жел. дор. от Читы до ст. Борзя.

Намечена эвакуация из Читы всего военного имущества, различных запасов, военных госпиталей и проч. на ст. Маньчжурия и прилежащие станции. На ст. Маньчжурия организовать базу армейского снабжения и миссию для связи с китайскими военными властями и японской миссией. Эвакуации гражданских учреждений и имущества план, конечно, не касался.

План был доложен атаману, не встретил возражения и было устроено расширенное собрание с присутствием главных исполнителей плана. Лично присутствовавший на совещании Главнокомандующий не внес никаких поправок в доклад командарма ген. Лохвицкого. Он, казалось, всецело разделял взгляды его, даже в отношении обороны Читы, наиболее для него важном.

Командующий армией, считая план окончательно утвержденным, приказал немедленно приступить к выполнению намеченного. К 20-му августа вся армия выполнила намеченную перегруппировку, отойдя за Онон. В Чите оставлены были из состава 3-го корпуса части Уфимской группы под командованием ген. Бангерского. 1-й Забайкальский корпус ген. Мациевского занял район ст. Мациевская-Даурия; 2-й корпус ген. Вержбицкого занял район ст. Оловянная и 3-й корпус ген. Молчанова без Уфимской группы — ст. Борзя. Тылы были перемещены за Борзю.

Штаб армии в это время считал в Верхнеудинске 30-ю советскую дивизию и еще какую-то, обе неполного состава. Известно было, что на Амуре формировалась Амурская дивизия; в Восточном Забайкалье сверх того были конные партизанские отряды.

Бездействие ли Верхнеудинского командования в конце августа, сразу же по оставлении Забайкалья японцами, влияние ли ближайших советников, старающихся угодить атаману, или другие соображения, связанные с его политическими встречами и разговорами, — но атаман начал показывать склонность к перемене плана, уже частью в отношении сосредоточения войск выполненного. Он старается усилить Читу войсками из тыла, задержать отправку в тыл имущества и т. д. Ген. Лохвицкий в это время оставил свой пост из-за политики атамана. Его заменил ген. Вержбицкий. Участие в политиканстве ген. Вержбицкого усыпляет и его военную бдительность, он начинает тоже держаться за Читу, где с успехом выступает в созванном атаманом для показного демократизма Народном Собрании.

Между тем в начале сентября начали поступать достоверные сведения, что Верхнеудинское командование перебрасывает свои части группами восточнее Читы. Вместо того, чтобы принять меры по улучшению положения армии в новом районе сосредоточения, решено усилить охрану сообщений Читы с Оловянной и для этого взять часть войск из тыла.

Серьезной работы для подготовки тыла к сопротивлению не производилось. Ей сначала мешал барон Унгерн, безраздельно вла-

ствовавший в районе Даурии, а затем политическая игра атамана. Барон Унгерн в середине октября покинул свое насиженное гнездо на ст. Даурия, возможно, недовольный атаманом, и двинулся походным порядком в пределы Внешней Монголии.

В первых числах октября военная обстановка была уже такова, что командованию армией нужно было отбросить в сторону политику совершенно. По данным штаба ДВАрмии, Верхнеудинская группа красных под командой Эйхе состояла из двух дивизий, пришедших из Сибири, и двух дивизий местных формирований. Численность всех войск определялась в 15.000 штыков и 3.000 сабель. Амурская группа, по тем же данным, состояла из 2-х дивизий амурских формирований и конных партизанских отрядов; дивизии в зачаточном состоянии.

Читинская группа ген. Бангерского давала сведения о шевелении и нажиме красных со стороны обеих групп, но этим сведениям не придавали особого значения и штаб армии оставался в Чите.

Как раз в середине октября в Чите открылся казачий съезд, на который прибыл атаман со своей свитой из Даурии. Съезд должен был показать, что казаки поддерживают атамана в противовес Народному Собранию, которое было настроено оппозиционно.

Настроение в Чите было праздничное — с банкетами и, конечно, речами. Но в ночь с 18-го на 19-е красные перешли к враждебным действиям, имея задачей захватом узловой станции Карымской отрезать Читу от тыла и захватить ее со всеми остатками армии и имущества. Для большего разъединения войсковых групп, расположенных вдоль жел. дор., и воспрепятствования им оказать помощь Чите, небольшие конные отряды были направлены красными для захвата и разрушения жел. дороги в нескольких пунктах.

Нужно сказать, что план нападения красными был тщательно разработан: Чита была разъединена прочно с тылом, прервана связь даже между 2-м корпусом в Оловянной и 3-м — в Борзя, броневики в районе Карымской поставлены в безвыходное положение и сожжены.

Главнокомандующий атаман Семенов, командующий армией ген. Вержбицкий с частями своих штабов оказались отрезанными в Чите. Командиры трех корпусов, бывшие при своих войсках на линии Забайкальской жел. дороги, принуждены были, каждый самостоятельно, принимать спешно меры по защите своих районов. Общее руководство было потеряно.

Атаман Семенов вылетел из Читы на аэроплане, а ген. Вержбицкий со штабами присоединился к общей колонне Читинской группы войск, недавно усиленной, которая должна была выйти в степи Забайкалья, чтобы пройти через город Акшу для соединения с армией.

Находившиеся в Чите броневые поезда были тоже сожжены, по железной дороге брошено много эшелонов. Сильно пострадало хозяйство армии.

Уфимская группа каппелевцев под командой ген. Бангерского по тревоге выехала из Читы на восток сначала по жел. дороге, но смогла проехать очень мало и должна была покинуть вагоны. Не смогши пробиться, направилась походным порядком на юг для соединения с армией. Через несколько переходов войска вышли в бурятские степи и через Агинское только к 30-му октября подошли к реке Онон. Здесь группа получила возможность связаться со ст. Борзя, где были части их корпуса.

Красные, для того, чтобы помешать свободному отходу частей читинской колонны, выступившей из Читы во главе с ген. Вержбицким походным порядком на юг, выслали свою конницу к югу от жел. дороги, и эта конница следовала за ген. Бангерским. В результате этого преследования произошли бои у переправ через реку Онон. Красным удалось занять один поселок — Цасучаевский, а от другого — Чинданга — они были отбиты с большими потерями.

Нахождение красных в поселке Цасучаевский могло затруднить выход колонны ген. Вержбицкого, поэтому 5-го и 6-го ноября частями ген. Бангерского и воткинцами была предпринята контратака. Красные были выбиты и, сильно пострадав, отошли далеко, так как в этой местности населенных пунктов ближе 50-60-ти верст не было. Но это временное занятие красными пос. Цасучаевского сыграло свою роль: колонна ген. Вержбицкого, следовавшая с юга правым берегом р. Онона, получила сведения о присутствии красных в Цасучаевском и потому следовавшая в авангарде конница и остатки Маньчжурской дивизии были направлены вдоль монгольской границы прямо в Даурию.

К тяжелой обстановке шедших из Читы войск 30-го октября прибавилась еще одна неприятная неожиданность: стоявшая до этого дня ясная, осенняя погода 31-го резко изменилась: подул ветер, пошел снег, а 1-го ноября была уже суровая зима с моро-

зом 15 градусов, при сильном резком ветре. Это обстоятельство захватило все части врасплох; особенно пришлось плохо читинской группе ген. Вержбицкого, совершавшей поход по пустынной местности. Выходя из Читы в теплую погоду, люди не захватили даже имевшейся теплой одежды, шли налегке. Направленный им прямо в Даурию упомянутый авангард особенно сильно пострадал. Остатки Маньчжурской дивизии прибыли в Даурию только 7 и 8 ноября с большим числом обмороженных.

6-го ноября в Борзю прибыл ген. Вержбицкий и отдал приказ о вступлении в командование армией, подчеркнув, что в армии должны исполняться только его приказы. Видимый знак явного расхождения во взглядах с атаманом на положение. Вечером он был у атамана.

Что же творилось в эти две недели движения двух колонн, вышедших из Читы, в полосе Забайкальской жел. дор. от ст. Оловянной до ст. Даурия, куда прилетел атаман и объявил по телеграфу о том, что он принял на себя непосредственное командование войсками?

Войскам поставлена задача помочь читинской группе присоединиться к остальной армии, что уже проводилось командирами корпусов. В дальнейшем намечено сосредоточение всех сил в районе Борзя-Даурия. Необходимость удерживать ст. Борзю вызывалась наличием вблизи каменноугольных копей, снабжавших углем железную дорогу, и нахождением на ст. Борзя последнего паравозного депо (до ст. Маньчжурия).

Японская военная миссия на ст. Маньчжурия (пол. Изоме), конечно, заявила протест против нарушения Верхнеудинским командованием соглашения о временной неприкосновенности Читы, но протест этот не испугал главу ДВР Краснощекова-Табельсона. «Напали партизаны, мы ни при чем.» В таком духе был ответ.

Между тем красные, не выяснено, какой дивизии, упустив Читинскую группу на юг из Читы, но, видимо, ободренные успехом, стали усиленно развивать свои действия, стремясь разъездами прервать движение по жел. дороге. Около 29 октября было выяснено присутствие значительных сил красных с артиллерией в районе севернее Борзя, но к этому времени части 2-го корпуса из Оловянной были уже на пути в Даурию (около 200 км.). Прервать движение по жел. дороге не удалось.

По прибытии в район действий ген. Вержбицкого было решено удерживать район ст. Борзя для выигрыша времени, сохраняя жел. дор. до ст. Маньчжурия, так как на ней было много эшелонов.

Атаман, между прочим, начинал надеяться, что японцы вернут часть своих эшелонов, т. к. он получил сведения, что они весьма недовольны выступлением ДВР.

А между тем красные, не обращая внимания на протесты японцев, уже значительными силами повели наступление на район ст. Борзя с севера и запада. С 9-го по 13-е ноября бои шли у самой Борзи. Красные даже не раз врывались в самый поселок. 13 ноября командованием было решено оставить станцию Борзя. Части 3-го корпуса начали отходить к Даурии. Каждый день с 14-го по 20-е ноября происходили бои вблизи жел. дор. — все они были значительны, все они вносили в обстановку то улучшение, то ухудшение. На ст. Даурию красные не нападали, так как там был более сильный гарнизон и кое-какие укрепления.

Они начали давить на ст. Мациевскую, чтобы отрезать Даурию от ст. Маньчжурия. На Мациевской стояли эшелоны штаба армии и 2-го корпуса и скопилось много обозов. Атака была произведена незначительными силами, но неожиданность произвела панику. Станция была потеряна, хотя на ней были достаточные силы для обороны. Охранение и разведка велись плохо.

Потеря ст. Мациевской ускорила решение участи Даурии, хотя здесь красных успешно отбивали и после нескольких отбитых атак, они ограничивались лишь артиллерийским обстрелом расположения.

Утрата связи с тылом побудила ген. Молчанова поторопиться выходом из Даурии, чтобы иметь возможность пробиться на ст. Маньчжурия до накопления в тылу больших сил красных. Утром 21-го ноября части ген. Молчанова, легко прогнав красных со ст. Мациевской, подошли на последний разъезд 86-й на границе. Остальные части армии были уже частью в пос. Маньчжурия, частью в Абагайтуй — северо-восточнее станции.

День 21 ноября является последним днем вооруженной борьбы с красными в Забайкалье.

Китайское командование на ст. Маньчжурия, в общем хорошо расположенное к нам, оказалось в очень трудном положении, Оно не могло справиться с нахлынувшими вопросами. Тут соб-

рались тыловые учреждения армии, эшелоны с грузами военного значения, беженцы из разных районов, семейства и т. д. Командование их и полиция проявляют большую выдержанность и терпимость. В общем стараются устроить всех и уладить всякие недоразумения. Их было достаточно! В поселке оказалось много спиртных напитков. Явилась возможность разгула на последние гроши.

Оружие сдано; порядок поддерживался китайцами и небольшими русскими командами.

Китайское военное командование получает из своего центра в Харбине противоречивые указания и в конце концов действует по обстановке. Оно должно было начать немедленную разгрузку станции Маньчжурия и отправку эшелонов транзитом в Приморье, но нет еще вагонов, не получено извещения, примет ли эшелоны Уссурийская ж. д., находящаяся в ведении Владивостокского правительства. Для перевозки требуется более 60-ти эшелонов, которые надо снабдить продовольствием на дорогу. От ст. Маньчжурия до ст. Пограничной Китайско-Восточной жел. дороги — 1388 верст!

В этой хаотической обстановке в конце концов началась переброска войск в Приморье. Первыми были пущены санитарные поезда и штаб атамана. Из армии часть 1-го корпуса не отправлялась, а оставалась в районе Хайлара вместе с командиром корпуса ген. Мациевским. Каппелевцы, во главе с командующим армией и командирами 2-го и 3-го корпусов, решили в дальнейшем отмежеваться от атамана из-за его политики в Забайкалье, из-за нарушения плана эвакуации, вообще из-за его непостоянства. В самом кругу каппелевского командования обострились взаимоотношения из-за последних событий и бесцельных боев.

21-го ноября атаман Семенов в вагоне полковника Изоме выехал со ст. Маньчжурия в Гродеково, оставив письма Вержбицкому и Бангерскому о том, что едет позаботиться о приеме армии. И 25-го ноября отдал приказ о расформировании армии и подчинении остатков ген. Савельеву! Этот приказ был воспринят, как ничем не оправданное издевательство над каппелевцами.

Заканчиваю 1920 год в Забайкалье стихотворением одного поэта из рядов каппелевцев, до некоторой степени отражающим события.

ДВАДЦАТЫЙ ГОД.

Двадцатый год со счета сброшен,
Ушел изломанный в века,
С трудом был нами он изношен,
Ведь ноша крови не легка.

Угрюмый год в тайге был зачат.
Его январь промерзший Кан.
И на Байкальском льду истрачен
Февраль под знаком партизан.

А дальше март под злобный рокот,
Шипевший сталью, что ни бой,
Кто сосчитает в сопках тропы,
Где трупы павших под Читой?

Тут март теряется в апреле,
Как Шилка прячется в Амур.
Лучи весны нас не согрели,
Апрель для нас был черств и
хмур...

Мешая отдыхи с походом,
Мы бремя лета волокли,
Без хлеба шли по хлебным всходам,
Вбивая в пожить каблуки.

Потом безоблачная осень
Безумных пьянств прошила нить...
О, почему никто не спросит,
Что мы хотели спиртом смыть?

Ведь мы залить тоску пытались,
Тоску по дому, по родным,
И тягу в солнечные дали,
Которых скрыл огонь и дым.

В боях прошел октябрь-предатель,
Ноябрь был кровью обагрен.
И путь в степи по трупам братьев —
Был перерезан декабрем.

За этот год пропала вера,
Что будет красочной заря.
Стоим мы мертвенны и бледны
У новой грани января.

Кап. Л. Ещин.

VIII. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

История не сказала еще подлинно справедливого слова о нашей гражданской войне и, вероятно, оно будет сказано только тогда, когда Россия станет свободной от лап коммунизма и там найдутся историки, способные воспринять и осветить подлинную сущность белого движения, белой борьбы и белой идеи. Наша задача — помочь историку правдивыми свидетельскими показаниями о том, что мы действительно знаем.

Нужно помнить, что еще в 1917 году Корниловское выступление выявило разделение армии на тех офицеров и солдат, которые звали продолжать войну «до победного конца», и на тех, которые кричали «долой войну, довольно повоевали!» И дальше, с октябрьской революции, армия окончательно поделилась *на белых и красных*. Демобилизованная армия принесла это разделение в толщу населения на всю территорию России. Дезертиры принесли «свободу» туда еще раньше.

К началу гражданской войны большевистская власть, таким образом, получила богатое наследство, кроме вооружения и снаряжения. Вспомним, при какой обстановке оставила Донскую казачью область Добровольческая армия, направляясь в Первый Кубанский поход, о чем так красноречиво повествует генерал Деникин.

Гражданская война на Волге, на Урале и в Сибири началась в первых числах июня 1918 года неожиданно.

По действиям чехов, по действиям первых русских добровольческих сил вместе с чехами и без них в июне-августе этого года можно видеть, как легко было расправляться с тогдашними большевистскими силами. Только латышские полки предствляли собой более-менее устойчивую силу, но их держали в центре, где больше всего была нужда в них.

Быстрота и решительность действий в это время небольших сил обеспечивала блестящие успехи. Для полного успеха нужна была только небольшая внешняя помощь бывших союзни-

ков, чтобы создать твердую опору вооруженному протесту. При вере в прочность *любой новой* не большевистской власти было бы совершенно иное отношение населения к первым добровольческим формированиям, а затем и к мобилизации. Не было бы боязни возмездия со стороны красных. На закреплении на Волге и обеспечении за собой переправ через нее строились все расчеты создания Народной армии.

Союзники не захотели или не смогли придти на помощь восставшим, хотя в обещаниях недостатка не было. Пришлось сразу же посылать на Волгу добровольцев, которых было мало. Даже чехи в первое время выполняли почти исключительно свои узкие задачи, и только в первой половине июля, когда у союзников возникла мысль о создании на Волге фронта против немцев, появились и приняли участие в обороне Волги. Наши слабые части на Волге воспрянули духом. Иначе они, поглощенные борьбой, ежедневно теряли самое ценное — добровольцев, свою основу.

К великому нашему несчастью, в большом противобольшевистском лагере не оказалось единомыслия во взгляде на начатую борьбу, не нашлось единого центра, способного объединить всех, хотя бы в одном вопросе — в создании армии и использовании ее в общих интересах.

Два правительства в это время больше всего ответственны за это: Самарское — Комуч — и Сибирское. Первое, главным образом эсеровское, узко партийное с претензией на Всероссийское. Второе не партийное, деловое, но со своими эгоистическими устремлениями, во всяком случае против вожделений эсеров. Они начали переговоры, но только не о воинской взаимопомощи и взаимодействии, чего требовала обстановка. Каждая армия, по этой причине, вела свои операции особо. В то время как сибирские добровольцы и казаки при содействии чехов очистили от большевиков Западную Сибирь и Урал, а самарские формирования вели борьбу по очистке берегов Волги вблизи Самары, это было нормально и терпимо для начала. Когда же на Урале был занят Екатеринбург, а на Волге — Симбирск и борьба принимала решительный характер, обстановка уже властно требовала объединения командования. Переговоры начались опять, но скоро зашли в тупик, так как взятие Казани с большой добычей вскружило голову Комуч'а. Он только разросся в своем соста-

ве и, оказавшись несговорчивым и узко-партийным, не деловым, не внушал особых симпатий своей армии; он был ей чуждым.

Между тем, занятие Симбирска и Казани заставило большевиков направить все усилия на ускорение организации армии на более правильных началах: они бросили свои наивные бредни об особом пролетарском устройстве армии в революционное время, отбросили формирование отрядов, перешли от добровольчества к мобилизациям и начали организацию батальонов, полков, дивизий с соответствующим командованием. Для этой цели привлекли мобилизованных офицеров. Особенное внимание обращено на исполнение обязанностей комиссарами в частях. Как ни трудно было им это, но понемногу они начали успевать.

Только когда на Волге дело обороны приняло скверный оборот и когда время для общей работы было упущено, Комуч стал уступчивее. В самый критический момент, после долгих разговоров, на многолюдном собрании в Уфе создается правительство, названное «Всероссийским».

Это событие по времени почти совпало с потерей на Волге Казани и почти всех опорных пунктов. Новый главнокомандующий, из состава Директории, не мог повлиять на обстановку. Таким образом, первый период борьбы на Волге был потерян и эсеры в новом правительстве потеряли свой вес.

После оставления Самары фронт приближался к Уфе. Новое, только что образованное правительство принуждено было устраиваться в Омске, где был готовый правительственный аппарат. Там им оказались недовольны общественные круги, военные группы и даже эсеры, каждая часть по своим мотивам. Само по себе слабое, не имеющее опоры в армии и в тылу, среди местных сибирских деловых кругов, оно попало в неприязненную обстановку. Там носились с идеей диктатуры и кучка офицеров, следуя за общими пожеланиями, устроила 18 ноября насильственный переворот к общему удовольствию — всего через два месяца после избрания.

Своевременен ли был переворот, как он отразится на дальнейшей работе диктатора, — переворотчики не задумывались. Важно было то, что во главе армии появился один хозяин — видный военный моряк; диктатор появился, но тяжелое наследство он получил, тяжелое во всех отношениях! Расстроенные русские силы остались на фронте одни, Чехословацкий корпус, силь-

но разложившийся, оставлен в Сибири с ограниченной задачей — охраны жел. дороги в тылу; союзники обещают поддержку только материальную. В стане белых большевики получают помощников в лице недовольных эсеров и эсдеков, в придачу к большевикам тайным. Начинается подтачивание белых сил... создаются многочисленные партизанские отряды.

1919 год — кульминационный период войны на всех фронтах борьбы в России. Зима 1918-1919 г.г. на Восточном фронте проведена в подготовке к решительной схватке. Сибирская армия чеха ген. Гайды переживала свой захват г. Перми, получила пополнения. Западная армия генерала Ханжина на своем участке подготовляла войска к активным действиям мелкими стычками и пополнялась. В глубоком тылу готовили резерв из трех стрелковых дивизий из мобилизованных в Сибири, и заново формировался корпус ген. Каппеля из мобилизованных и значительного количества пленных красноармейцев.

Большевики залечивали потерю Перми и после поражения всячески увеличивали в армии влияние комиссаров.

При обсуждении плана операции главным направлением удара избрано Самарское, хотя от Сибирской армии в Западную ничего не придано для усиления. Остерегались, что большевики предупредят своим наступленим и потому решили начать его возможно раньше, в марте, не считаясь с готовностью резервов в тылу.

Наступление начато в начале марта по глубокому снегу в санях и розвальнях. Оно началось успешно: уже 13-го взят гор. Уфа и 5-я армия красных в расстройстве, понеся большие потери, отступила и устроилась на новых позициях, пользуясь задержкой в преследовании. Произошло поэтому длительное сражение, окончившееся только в конце марта полным поражением красных, и тогда началось преследование их на всем фронте Западной армии. Половодье помешало закончить преследование успешно на всем фронте и поставило большую часть наших частей в чрезвычайно трудное положение: отрезанными от тыла, разбросанными, понесшими большие потери, вымотанными. Между тем красные, отступившие на свои тылы к жел. дорожным путям, чрезвычайными мерами пополнились, произвели перегруппировки и спешно перешли в контрнаступление.

Резервы, посланные из армейского тыла, не помогли: одни оказались предательскими, другие запоздали сосредоточением.

Глубокий тыл совершенно опоздал с подготовкой их. Все усилия вырвать инициативу у противника наличными силами оказались тщетными. Начался отход на всем фронте, захвативший и Сибирскую армию.

Лето и осень с событиями, разложившими Сибирскую армию ген. Гайды, принесло проигрыш всего дела, а потеря Омска — начало трагического конца: как только он стал обозначаться, начались осложнения с чехами, которые торопились уйти и поэтому захватили целиком весь подвижной состав на жел. дороге и вообще взяли в руки все движение. Дальше началось разложение в верхах армии, красноярская измена гарнизона вместо помощи, в глубоком тылу в Иркутске — восстание. Открыли свои карты большевики тайные и сообщники их эсеры во всем крае.

Как итог всего, наиболее тяжелая часть ледяного похода — от реки Обь, с неописуемыми испытаниями и неисчислимыми жертвами от рук противника со всех сторон, и от сибирских морозов, холода, голода, тифозных заболеваний, партизанских шаек и проч. и проч...

И как вершина трагедии — выдача в руки большевиков Верховного Правителя и Главнокомандующего адмирала *Колчака!*

Забайкалье после этого было для непримиримых и несдающихся каппелевцев и колчаковцев заслуженной передышкой не надолго.

В июле месяце этого года исполнится пятьдесят лет, как началась Первая Мировая война, и исполнилось уже 44 года, как разыгрался последний акт нашей трагедии — гибели адмирала *Колчака.*

Вдали от РОДИНЫ, в Сан-Франциско и других городах Америки, нашли себе пристанище из числа непримиримых и несдающихся многие каппелевцы и колчаковцы. Переживания их не согнули, они помнят, за что боролись, гордятся этим и в своих организациях не забывают помянуть своих вождей.

Недавно вышла из печати книга поэта — белого воина М. И. Надеждина «Через страдания к звездам». Из первых же стихотворений в разделе «РОДИНЕ» оказались строки, созвучные нам; помещаю их:

Мечта не сбылась, но по-прежнему с нами.
Мы верим в последний Божественный Суд,
Мы знаем, что чистое, белое знамя
Другие, как память о нас, донесут!

Сан-Франциско
Июнь 1964 г.

ИСТОЧНИКИ.

(к I и II-й частям)

П. П. Петров. Воспоминания (не печатались).

Ген. Ю. Н. Данилов. Россия в Мировой войне. 1914-1915 гг. Берлин, 1924 г.

Ген. М. К. Дитерихс. Убийство Царской Семьи на Урале. Часть II-я. Владивосток, 1922 г.

С. П. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1937 г.

С. П. Мельгунов. Возрождение. Париж. Тетради 16, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 30.

С. П. Мельгунов. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957 г.

С. П. Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака. Часть III-я, т. II-й. Париж.

Ген. Н. Н. Головин. Российская контр-революция в 1917-1918 гг. Книги 7, 8 и 9-я. Париж, 1937 г.

А. Зайцов, проф.. ген. шт. полковник. Очерки по истории гражданской войны. 1918 г. Белград, 1934 г.

Вс. Л. Сергеев. Очерки по истории Белого Движения на Дальнем Востоке. Харбин, 1937 г.

Ген. А. И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Том III-й.

Гон.-лейт. К. В. Сахаров. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923 г.

Б. Б. Филимонов. Борьба в Зауралье. Осень 1918 года. Вестник ОРВВВ, №№ 168-175.

Б .Б. Филимонов. На путях к Уралу. Поход Степных полков, лето 1918 г.

Б. Б. Филимонов. Белоповстанцы. Книга 1-я.

А. И. Камбалин. 3-й Барнаульский стр. полк в Сибирском Ледяном походе. ВОРВВВ №№ 152-167.

А. И. Камбалин. Десантная операция на оз. Байкале в 1918 г. Вестник ОРВВВ №№ 120-122.

Полковник А.П. Степанов. Записки в архиве Общ. РВВВ.

А. Керсновский. История Русской Армии. Часть III-я. Белград, 1935 г.

К. К. Акинтиевский. Сибирская эпопея. Записки (не напечатаны).

Ген. А. И. Спиридович. Великая война и Революция. 1914-1917. Книги 1-я и 2-я. Нью-Йорк, 1960 г.

Священник о. Кирилл Зайцев. Памяти последнего Царя. Шанхай, 1948 г.

Ген. барон А. П. Будберг. Из архива в Общ. РВВВ. Размышления. 1942 г.

Ген. П. П. Петров. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига, 1930 г.
Серебренников И. И. Великий отход. Изд. М. В. Зайцева. Харбин, 1936 г.
Белое Дело, Том II. Статья И. Г. Акулинина «Уральское казачье войско в борьбе с большевиками». Берлин, 1927.
Там же... *Ген.-лейт. Занкевич.* «Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске». 1920 г.
И. Г. Акулинин. Оренбургское Казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920 г. Шанхай, 1937 г.
А. Г. Ефимов, полковник. Ижевцы и Воткинцы. Вестник Общества Вет. Вел. войны с № 198-го.
Ген. Ф. А. Пучков. 8-я Камская стр. дивизия в Сибирском Ледяном походе. Вестник Общества РВВВ.
В. И. Вырыпаев, В. Р. Каппель. Вестник Общ. РВВВ с № 109 по № 149.
Ген. А. А. фон Лампе. «Пути верных». Сборник статей 1960. Париж.
Н. Г. Фомин, кап. I р. «Морские записки»» № 47, июль 1958 г.

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. *Michael T. Florinsky*
   Professor of Economics
   Columbia University „The End of the Russian Empire“ N. Y. Collier Books, 1961.
2. *Bernard Pares, Sir.* „The Fall of the Russian Monarchy“. Vintage Book, 1961.
3. *Alan Moorehead.* „The Russian Revolution“. Bantum Book, N. Y. 1959.
4. *N. N. Suchanov.* „The Russian Revolution 1917“. V. 1 & 2.
5. *Hanson W. Baldwin.* „World War 1. An Outline History“. N. Y., 1962.
6. *Arsene de Goulevitch.* „Czarism and Revolution“. Omny public, Calif., 1962.
7. *Alexander Grand Duke of Russia.* „Once a Grand Duke“. N. Y., 1932.
8. *Colonel John Ward.* „With the „Die-hards“ in Siberia“. N. Y., 1920.
9. *Sorokin Pitirim A.* „Leaves from a Russian Diary“. 1924.
10. *David Footman.* „Civil War in Russia“. N. Y., 1962.

СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ

А. М. Спирин. «Разгром армии Колчака». Москва, 1957 г.
Г. Х. Эйхе. «Уфимская авантюра Колчака». (Март-апрель 1919 г.). Москва, 1960 г.
Последние дни колчаковщины. Центральный Архив. 1926 г.

КАРТЫ И СХЕМЫ.

	стр.
Западный фронт в Мировую войну	44
Восточный фронт гражданской войны в 1918-1919 гг. От Волги до Урала	93
К наступлению армий адмирала Колчака весной 1919 г.	142
Восточный фронт летом и осенью 1919 года. От Волги до Омска	188
Бой у Челябинска, схема	194
Восточный фронт зимой 1919-1920 гг. От Омска до Красноярска и от Красноярска до Байкала	218
Район действий в Забайкалье в сентябре-ноябре 1920 г.	251

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1914 - 1918 г. г.

Первая мировая война и революция

Предисловие 3

Первая мировая война и революция

I. *Введение* . . . 7

Политический обзор

Внутреннее состояние России при вступлении в войну

II. *1914 год. Первые пять месяцев войны* 21

Боевые действия

Состояние армии к 1915 г.

III. *Второй год войны — 1915 г.* . . 29

Немецкие планы на 1915 г. Наступление немцев

Тыл в 1915 году.

IV. *Третий год войны — 1916 г.* 37

Активность Русской Армии

Брусиловское наступление

Итоги 1916 года

V. *Четвертый год войны — 1917 г.* 43

Армия накануне Февральской революции

Петроград накануне Февральской революции

Дни Февральской революции

От Февраля к Октябрю

Армия накануне 25 октября

Захват власти большевиками и первые шаги

VI. *Пятый год войны — 1918 г.* 67

Разгон Учредительного Собрания. Брестский мир

Завязка гражданской войны

Прогнозы для начала гражданской войны

VII. Послесловие 73

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1918 - 1920 г. г.

Гражданская война в России. Восточный фронт.

I. *Введение* . . . 83
Общая обстановка и образование фронтов
Чехословацкий корпус и роль его при образовании Восточного фронта.

II. *Лето и осень 1918 года. Поволжье и Прикамье* 93
Самарский период
Уфимский период
Сибирь и Зауралье 125
Забайкалье 133

III. *Зима на Восточном фронте 1918-19 г.г. и Весна* **1919** *г.* 135
Обстановка и планы сторон
Весеннее наступление армий адмирала Колчака
Первый период — взятие Уфы
Второй период — сражение южнее Уфы
Третий период — преследование до «абсурда»
Отступление

IV. *Лето и осень 1919 года* 187
От Уфы до Омска. Челябинская операция. Отход за р. Тобол и наступление к Тоболу. Отступление к Омску

V. *Зима 1919 - 1920 г. г.* 217
От Омска до Красноярска через тайгу. Красноярск и Кан. От Красноярска до Иркутска и Байкала.

VI. *Трагедия адмирала Колчака* 237

VII. *1920 год в Забайкалье* 251

VIII. *Вместо заключения* . . 263
Источники, Список карт и схем, фотографии на стр:
Источники 269
Список карт и схем 271

Цена: 4 ам. доллара